

АНДРЕ НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ МИР

ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА

КОЛДОВСКОЙ МИР

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЛДОВСКОГО МИРА

ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА

Звезды новой фэнтези

Андрэ Нортон
Колдовской мир

«Азбука-Аттикус»

1963-1968

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Нортон А.

Колдовской мир / А. Нортон — «Азбука-Аттикус»,
1963-1968 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-19577-6

Перу американской писательницы Анн Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» — так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра. Полковник в отставке Саймон Трегарт, спасаясь от преследования, попадает в параллельный волшебный мир — и в водоворот самых неожиданных приключений. Жизнь в Эсткарпе полна магии, интриг и опасностей, но талантам Трегарта и здесь находится применение...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19577-6

© Нортон А., 1963-1968
© Азбука-Аттикус, 1963-1968

Содержание

Книга I	8
Часть первая	8
Часть вторая	37
Часть третья	57
Часть четвертая	88
Книга II	119
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Андрэ Нортон Колдовской мир

Andre Norton

WITCH WORLD

Copyright © 1963 by Andre Norton

WEB OF THE WITCH WORLD

Copyright © 1964 by Andre Norton

THREE AGAINST WITCH WORLD

Copyright © 1965 by Andre Norton

WARLOCK OF THE WITCH WORLD

Copyright © 1967 by Andre Norton

SORCERESS OF THE WITCH WORLD

Copyright © 1968 by Andre Norton

All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© С. А. Степанов, перевод, 1992

© Н. Г. Лебедева, перевод, 1992

© А. Н. Смирнова, перевод, 1992

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Андрэ Нортон создает атмосферу тайны и неизвестности, которая захватывает и удерживает читателя до последних страниц.

San Francisco Chronicle

И снова Андрэ Нортон доказывает, что она может писать самые лучшие истории о дальних мирах, какие только существуют в наши дни.

У этих историй есть цвет, в них есть действие, есть тайна, есть «чувство чуда», которое, по мнению некоторых людей, неуместно в литературе двадцатого века, — и они так хорошо написаны, что каждая деталь убедительна.

Astounding Science Fiction

Еще один драгоценный камень в ослепительной короне королевы космоса.

Cleveland Press

Блестящий писатель... увлекательный рассказ... драматичная и насыщенная книга!

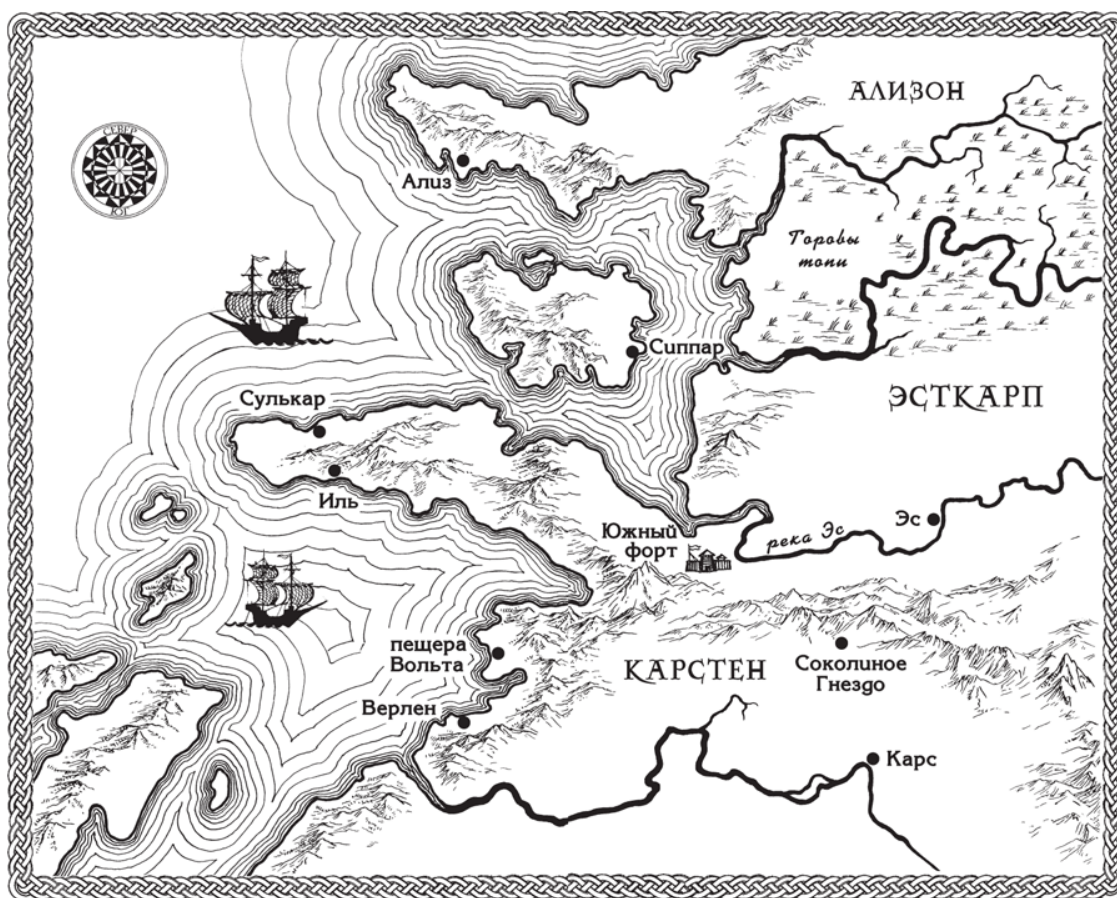
Columbus Dispatch

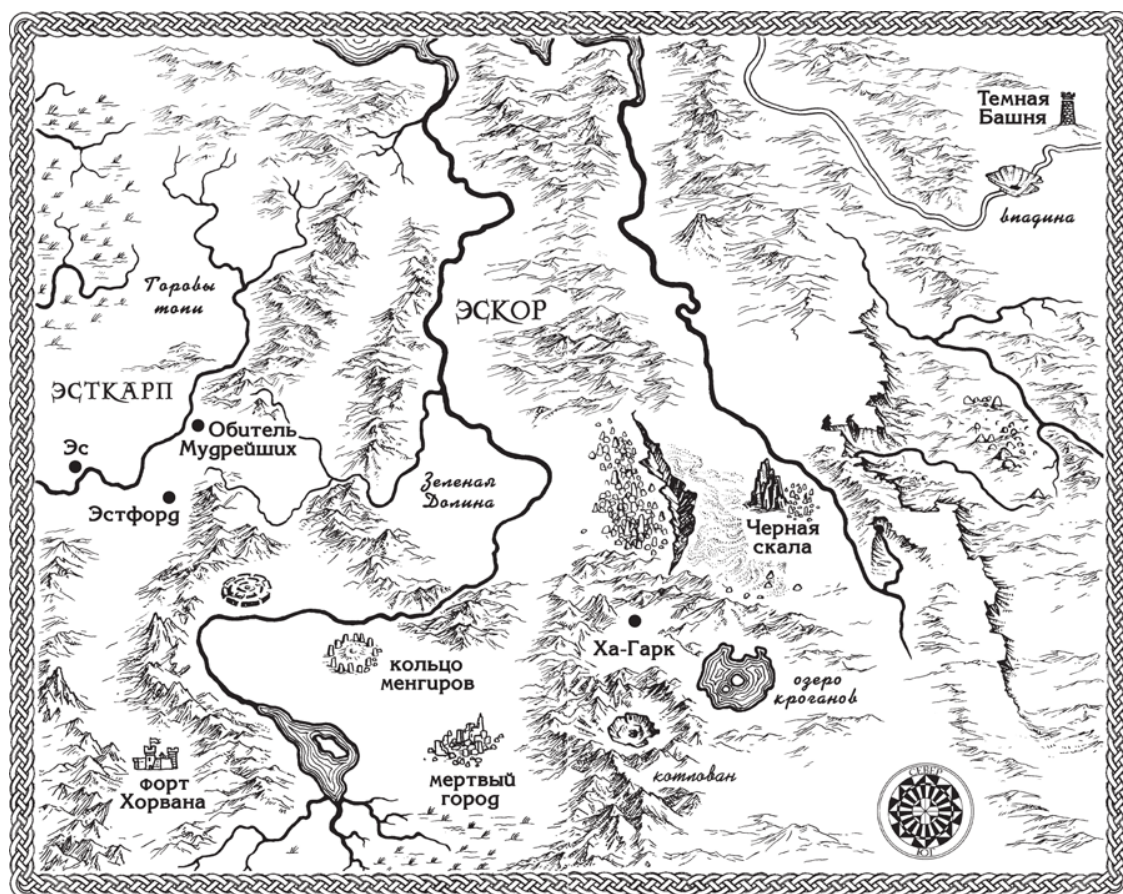
Завхватывающее приключение, задуманное с великолепным воображением!

New York Herald Tribune

* * *

У меня нет дара слагать песни. Недостает мне и терпения, чтобы следить за тем, как я использую слова. Я вовсе не красноречив. Но если человеку случается пережить невероятные события, в нем рано или поздно пробуждается желание поведать о них – пусть и нескладно – своим потомкам, дабы те знали, на что способны были предки, и в этом знании черпали бы силы для себя

Книга I

Колдовской Мир

Часть первая

Сулькар

1

Гиблое Место

Над грязной улицей висела завеса косого дождя. Дождь смывал сажу с обшарпанных стен, оставляя кислый привкус во рту рослого мужчины, который шел широким шагом, держась поближе к домам и настороженно вглядываясь в темные проемы подъездов и расщелины переулков.

Саймон Трегарт сошел с поезда часа два или три назад. Впрочем, ему больше незачем было следить за временем, ибо куда же спешить беглецу, загнанному в угол, как крыса. Но нет, он не прячется! Саймон вышел на открытое место – как всегда, в полной боевой готовности, с высоко поднятой головой.

Это сперва, когда все только началось, когда у него оставалась хоть искра надежды и он пускал в ход всю свою звериную ловкость, изворачивался ужом, заметал следы, уходя от погони, – вот тогда, когда он убегал, все решали минуты. Теперь он идет и будет идти, пока прямо перед ним не встанет смерть, притаившаяся в одном из этих подъездов или устроившая засаду в каком-нибудь переулке. Но и тогда он не остановится, он еще покажет ей свои когти! Правая рука, глубоко засунутая в промокший карман плаща, сжимала гладкую рукоять смертоносного оружия, пригнанную к его кисти так, что пистолет казался просто продолжением руки.

Красно-желтые кричащие огни рекламы мутными пятнами лежали на мокром асфальте. Его знакомство с этим городишкой ограничивалось прилегающими к отелю кварталами, парой ресторанов и магазинчиков – все, что удастся запомнить побывавшему здесь проездом. Саймона тянуло на открытое место. Он был уверен, что конец этой охоте наступит нынче ночью или в крайнем случае на рассвете.

Саймон устал, его клонило в сон, но опасность заставляла все время быть начеку. У освещенного входа он все-таки замедлил шаг и уставился на вывеску под провисшим тентом. Швейцар распахнул дверь, и утомленный человек принял безмолвное приглашение, шагнув навстречу теплу и запахам кухни.

Скверная погода распугала клиентов, – возможно, поэтому к нему сразу подошел метрдотель. А может быть, лучшим столиком и расторопным официантом он был обязан покрою дорогого костюма, не успевшего промокнуть под плащом, или своему усталому виду, впрочем несколько не умалявшему того врожденного высокомерия, которым отмечены люди, привыкшие командовать другими и не отдающие приказов дважды.

Глядя в меню, Саймон усмехнулся, подумав о том, что и обреченный человек не прочь хорошо поужинать. Он увидел свое улыбающееся отражение, искаженное кривой поверхностью никелированной сахарницы: правильные черты, морщинки в уголках глаз, рот резко очер-

чен – смуглое мужественное лицо, ничего не говорящее о возрасте его обладателя. Таким оно было в тридцать, таким будет и в шестьдесят.

Трегарт ел медленно, тщательно пережевывая каждый кусок, позволив наконец своему телу расслабиться, насладиться уютом и придиричиво выбранным вином. Но рассудку и нервам эта передышка не давала ничего. Саймон знал – это конец, и был готов ко всему.

– Прошу прощения...

Вилка не остановила своего движения ко рту, но, несмотря на отменную выдержку, веко Саймона дрогнуло. Спокойно прожевав мясо, он поднял голову:

– В чем дело?

Человека, вежливо стоящего у столика, можно было принять за врача или адвоката, он выглядел чересчур располагающе, как-то профессионально располагающе. Такого Саймон не ожидал. Подошедший был слишком респектабелен, слишком учтив и корректен, чтобы оказаться смертью. Впрочем, у организации множество подручных, которые специализируются в самых разных сферах.

– Если не ошибаюсь, полковник Саймон Трегарт?

Саймон разломил булочку и стал намазывать ее маслом.

– Саймон Трегарт, но не полковник! – жестко сказал он. – И вам это прекрасно известно!

Мужчина несколько смешался:

– Простите за бестактность, Трегарт! Осмелюсь заметить, я не являюсь членом организации. И более того, если угодно, я ваш друг. Позвольте представиться – доктор Йорг Петроний. Могу добавить – к вашим услугам.

Саймон огляделся по сторонам. Он полагал, что отпущенное ему время истекло, и уж никак не рассчитывал на подобную встречу. Впервые за эти поганные дни в глубине его души затеплился огонек надежды.

У него не было никаких оснований сомневаться в правдивости слов невысокого мужчины, который глядел на него сквозь толстые линзы очков. Черная массивная оправа, казалось, скрывает лицо Петрония под полумаской вроде тех, какие носили веке этак в восемнадцатом. Доктор Йорг Петроний пользовался широкой известностью в тех кругах, где Трегарт вращался последние годы. Если запахло жареным и, на твое счастье, у тебя не перевелись деньги – иди к Петронию. Все, рискнувшие обратиться к нему, исчезали бесследно, избегая карающей длани закона и мести сообщников.

– Сэмми в городе, – сказал Петроний.

– Сэмми? – Саймон пригубил вина. – Весьма польщен.

– Трегарт! У вас отличная репутация. По вашу душу организация отрядила свои лучшие кадры, но вы уже разделились с Кочевым и с Лэмпсоном, и остался один Сэмми, но он из другого теста. Простите за настойчивость, но ведь дела ваши плохи, и вы давно в бегах.

Саймон улыбнулся. Он не терял бдительности, но получал удовольствие от недомолвок доктора, равно как и от вкусной еды, одобренной хорошим вином.

– По-вашему, дела мои плохи? Какое же средство вы предлагаете?

– Свои услуги.

Саймон слишком резко поставил бокал с вином, и несколько красных капель выплеснулось на скатерть.

– Говорят, ваши услуги не дешевы.

– Естественно! – Доктор развел руками. – Зато я гарантирую полное исчезновение! Жалоб еще не поступало.

– Жаль, но ваши услуги мне не по карману.

– Как? Вы все растратили? Трудно поверить. В Сан-Педро у вас было двадцать тысяч. Невозможно спустить столько так быстро. Кстати, если вы встретитесь с Сэмми, то все, что осталось, попросту вернется к Хансону.

Саймон стиснул зубы, в его глазах вспыхнула дикая злоба – именно так он глянул бы в глаза Сэмми, доведись им встретиться.

– Зачем и как вы...

– Зачем? – Петроний снова развел руками. – Вы поймете чуть позже. Я ведь ученый, исследователь, так сказать, экспериментатор. А как выследил? Слухами земля полнится, Трегарт! Человек вы заметный и, надо признать, кое для кого очень опасный, а потому вы под колпаком. Смею заметить также, что, на свою беду, человек вы порядочный.

– Да знаете ли вы, чем я занимался? – Саймон сжал кулаки.

Петроний засмеялся: послышалось легкое пофыркивание, приглашающее собеседника насладиться юмором создавшегося положения.

– Трегарт! Зачастую порядочность и закон несовместимы! Не будь вы человеком исключительной честности, вы бы никогда не пошли против Хансона. Словом, я уверен, вы уже созрели для моих услуг. Идемте!

Как бы помимо своей воли Саймон расплатился и последовал за Петронием. Их ждала машина, и, хотя доктор не назвал шоферу адреса, она понесла их куда-то в дождливую ночь.

– Саймон Трегарт. – Голос доктора потерял всякое выражение, словно он читал справку. – Предки из Корнуолла. Десятого марта тысяча девятьсот тридцать девятого года поступил на службу в Армию США. От сержанта дошел до полковника. Служил в оккупационных войсках, отстранен от службы. Посажен в тюрьму... За что, полковник? Ах да! За махинации на черном рынке. К несчастью, бравый полковник поздно узнал, что втянут в грязное дело. Тут-то вы и встали по другую сторону закона, не так ли, Трегарт? И, потеряв карьеру, решили не выходить из игры? После Берлина вы участвовали в нескольких сомнительных операциях, а потом не придумали ничего лучшего, как встать Хансону поперек дороги. Опять по неведению? Какой-то вы невезучий, Трегарт! Будем надеяться, удача улыбнется вам этой ночью.

– Мы куда? В порт?

– В ту сторону, но не в гавань. – (Саймон снова услышал пофыркивание доктора.) – Мои клиенты отправляются не морем, не сушей и не по воздуху. Полковник, вы знакомы с легендами своей родины?

– Какие там легенды у Матахема в Пенсильвании!

– Я имею в виду не захолустный шахтерский городишко на этом континенте, а древний Корнуолл.

– Предки мои действительно из Корнуолла, но больше мне нечего добавить.

– В ваших жилах течет благородная кровь, ибо Корнуолл уходит корнями в глубокую древность и легенды его связаны с Уэльсом. Там воевал король Артур, там укрывались римляне, сметенные боевыми топорами саксов. А до римлян там жили другие народы. И они тоже приносили с собой крупицы древнего знания. Честное слово, Трегарт, вы доставите мне истинное наслаждение...

– Наступила пауза, предназначенная для вопроса, но Саймон молчал, и доктор продолжил:

– Я напому вам одну из древних легенд. Очень интересный эксперимент... Вот мы и приехали!

Машина остановилась перед входом в темную аллею. Петроний выбрался из машины и открыл ворота:

– У моего дома единственный недостаток: дорожка узка для машины, так что придется выйти здесь.

Глядя в темноту, Саймон раздумывал. Не привез ли его доктор в место, уготованное для расправы? Может быть, он в сговоре с Сэмми? Однако Петроний включил фонарик и поводил им перед собой.

– Не беспокойтесь, тут всего несколько шагов. Следуйте за мной.

Дорожка вскоре кончилась, и они оказались перед небольшим домиком, примостившимся между двумя массивными зданиями с какими-то башенками.

– Перед вами анахронизм, Трегарт. – Доктор возился с замком. – Так сказать, заповедник прошлого, а именно – семнадцатый век посреди двадцатого, если хотите. Возможно, в это трудно поверить, но он существует. Милости прошу.

Обсыхая у камина и потягивая коктейль, Саймон подумал, что «заповедник прошлого» – это сказано точно. Для полноты картины хозяину не доставало только шлема с шишаком и меча у пояса.

– И куда я отсюда? – спросил он наконец.

– Вы отправитесь на рассвете, Трегарт. – Петроний поправил кочергой дрова в камине. – А вот куда, еще увидим.

– Зачем ждать рассвета?

Как бы нехотя Петроний отставил кочергу, вытер платком руки и повернулся к своему клиенту:

– Лишь на рассвете откроется ваша дверь. Именно ваша! Вы все равно не поверите, пока не убедитесь сами. Да, что вам известно о менгирах?

Странно, но Саймон обрадовался, что может ответить.

– Менгиры – это такие камни. В древности их устанавливали в круг, скажем, в Стоунхендже...

– Верно, иногда в круг. Но их использовали и по-другому! – Доктор вдруг посуровел, словно всем своим видом требовал полного внимания к своим словам. – В древних легендах упоминаются магические камни. Один из них – камень Фал, привезенный в Ирландию племенем богини Дану. Когда истинный король ступал на него, камень издавал громкий крик в знак приветствия. Это был коронационный камень, одно из трех великих сокровищ. А короли Англии разве не держат и поныне под своим тронем Скунский камень? Ну а в Корнуолле был свой магический камень, и называли его Гиблое Место. Говорят, он мог оценить достоинства человека и отдать его на волю судьбы. И будто сам волшебник Мерлин открыл эту тайну королю Артуру, а тот поставил камень вместо одного из сидений за Круглым столом. Шестеро рыцарей садились на этот камень – и все исчезли. Но двое других выдержали испытание и не пропали – то были Персиваль и Галахад.

– Что вы мелете! – Саймон был жестоко разочарован, тем более жестоко, что он уже начал на что-то надеяться. Петроний – псих, дело ясное, и, значит, спасения нет. – Король Артур, рыцари Круглого стола – это сказки для маленьких детей! Вы говорите так, будто...

– Будто это подлинная история?! – подхватил Петроний. – Да кто же теперь скажет, что было, чего не было! Каждое слово, дошедшее до нас из древности, прошло через призму знания и предрассудков. История питается легендами, но что такое легенда, как не изустное предание? Все искажается даже на глазах одного поколения. Вот вы, к примеру, ложными показаниями совершенно исказили свою жизнь. А эти показания записаны и теперь принадлежат истории, и, согласитесь, абсолютно ложной истории! История вершится людьми и подвержена всем присущим человеку заблуждениям. В легендах есть крупинцы истины, а в общепризнанной истории полным-полно лжи. Я знаю, что говорю, поскольку Гиблое Место существует!

Есть такие теории развития исторического процесса, которые радикально отличаются от всего, что нам вдалбливали в школе. Вы когда-нибудь слышали о ветвящихся мирах, которые расходятся в бифуркационных точках времени? Возможно, в одном из таких миров вы, Трегарт, не солгали той злополучной ночью в Берлине. А в другом – вы час назад не встретились со мной и отправились прямым ходом на свидание с Сэмми!

Петроний встал и начал раскачиваться на пятках. Саймон почувствовал, как энтузиазм доктора передается и ему.

– Какую же из теорий вы намерены проверить на мне?

Петроний рассмеялся:

– Имейте терпение выслушать меня до конца и не принимайте за сумасшедшего, я все объясню! – Обернувшись, он посмотрел на большие стенные часы. – Время еще есть. А дело примерно вот в чем...

Доктор пустился в пространные объяснения, напоминавшие бред сивой кобылы, но Саймон покорно слушал. Тепло, выпивка и передышка – что еще надо?! Все равно рано или поздно придется уйти, и от свидания с Сэмми не отвертеться. Саймон отогнал эти мысли и попытался сосредоточиться на словах Петрония. Трижды раздавался мелодичный бой старинных часов, прежде чем доктор остановился. Трегарт глубоко вздохнул. Возможно, доктор просто болтун, но что, если все это правда? Репутация у Петрония безупречная... Саймон достал бумажник.

– Сакарзи и Вулверстайн после встречи с вами как сквозь землю провалились...

– Вот именно! Каждый из них шагнул в свою дверь и попал в мир, о котором втайне мечтал всю жизнь. Всё, как я вам рассказывал. Человек садится на камень – и перед ним открывается бытие, в котором его дух и разум, или, если угодно, душа, чувствуют себя как дома, то есть человек отправляется навстречу своей судьбе.

– Почему же вы сами не воспользуетесь?

– Почему? – Доктор опустил взгляд на свои пухлые руки. – Да потому, что оттуда нет возврата! Мосты сжигают только в безвыходном положении, ибо, войдя туда, не пойдешь на попятный. Я много говорю, но все не подберу нужных слов. У камня было немало хранителей, но редко кто пробовал его силу на себе. Возможно, в один прекрасный день... а пока у меня не хватает духу.

– Вы продаете свои услуги тому, кто хочет лечь на дно. Недурно! Вполне приличный способ делать деньги. Любопытно было бы взглянуть на список ваших клиентов.

– Да уж! Через мои руки прошли многие известные люди! Особенно в конце войны. Вы бы не поверили, обнаружив в нем имена тех, от кого тогда отвернулась фортуна.

– И то сказать, многих военных преступников недосчитались, – заметил Саймон. – Если ваши слова не выдумка, можно представить себе, в какие жуткие миры они перекочевали!

Саймон встал, потянулся, затем подошел к столу и стал отсчитывать деньги. Банкноты были большей частью старые, засаленные, словно грязные дела наложили на них свой отвратительный отпечаток. Когда у него осталась одна-единственная монета, Трегарт подбросил ее, и она со звоном упала на полированный стол. Орел!

– Оставляю себе!

– На счастье? Берите-берите! – Доктор копошился с банкнотами, аккуратно укладывая их в стопку. – Удача вам не помешает. К сожалению, я вынужден поторопить дорогого гостя, ибо сила камня ограничена во времени, мгновение решает здесь все. Пожалуйста сюда!

Саймон подумал, что подобным образом приглашают в кабинет к зубному врачу, и, наверное, поэтому, следуя за доктором, чувствовал себя полным идиотом.

Дождь кончился, но на задворках старого дома было еще темно. Петроний щелкнул выключателем, хлынул свет, и Трегарт увидел ворота, сложенные из трех камней. Прямо перед ними лежал четвертый камень – такой же бесформенный и грубо отесанный. За каменными воротами виднелись прогнившие доски некрашеного, покрытого копотью забора, до которого было метра три черной влажной земли.

Глядя на все это, Саймон проклинал себя за минутную слабость и излишнюю доверчивость. Конечно же, сейчас появится Сэмми – и Петроний получит честно заработанные деньги.

Однако доктор решительно указал на камень:

– Перед вами Гиблое Место. Садитесь, полковник, пора.

Понимая всю нелепость своего поведения, Саймон криво ухмыльнулся, но, немного постояв под воротами, сел на камень, в котором обнаружил даже округлую выемку вроде сиденья. Пошарив вокруг себя, он нашел еще два углубления для рук – и нисколько не удивился.

Ничего не произошло! Тот же забор, та же полоска мокрой земли. Саймон хотел уже встать...

– Время! – торжественно объявил Петроний.

В глазах все помутилось, расплылось...

Перед Саймоном лежало большое болото, над которым вставал серый рассвет. Свежий ветер трепал волосы, доносил незнакомый будоражащий запах, вдруг пробудивший в Трегарте нечто неодолимо зовущее найти источник этого запаха, заставляющее броситься вперед и нестись по болоту, подобно гончому псу.

– Ваш мир, полковник! Желаю удачи!

Саймон машинально кивнул, но человек, произнесший это, его больше не интересовал. Может, мир вокруг – только иллюзия, и все равно это было именно то, о чем он мечтал всю свою жизнь. Не прощаясь, Саймон встал и шагнул в ворота.

В это мгновение им овладел дикий страх. Он даже представить себе не мог, что существует такой страх – страх, который невыносимее любой физической боли, когда кажется, будто мироздание грубо разрывается надвое и ввергает тебя в ужасное ничто. Саймон ничком упал в осоку.

2

Травля на болоте

Светало, но из-за густого тумана не было видно солнца. Саймон встал, обернулся и увидел два грубо отесанных столба из красноватого камня, а за ними никакого двора, только серо-зеленое болото, уходящее далеко в туман. Петроний не обманул – это другой мир!

Саймон поежился: на нем был плащ, но шляпу он забыл у доктора, и холодные струйки текли с намокших волос за шиворот. Надо что-то делать, куда-то идти. Он осмотрелся по сторонам и решил идти прямо. Да не все ли равно куда, если вокруг, сколько видит глаз, болото?

Пока он пробирался через заросли осоки, небо посветлело, туман рассеялся и характер местности начал понемногу меняться. Появились выходы красного камня, подъемы и спуски. На горизонте показалась какая-то гряда, наверное горы, но Саймон не мог определить, насколько они далеко. Хотелось есть. Он сорвал лист с какого-то куста и пожевал – кисло и совсем невкусно. Вдруг откуда-то донеслись звуки охоты: несколько раз протрубил рог, послышался лай собак и какой-то приглушенный крик.

Ускорив шаг, Саймон вышел на край оврага, прислушался и понял, что звуки доносятся с противоположной стороны и определенно приближаются к нему. Будучи в прошлом опытным десанником, он, не теряя времени, спрятался за двумя большими валунами.

Из зарослей на другой стороне оврага выскочила женщина. Она бежала легко и уверенно, но на краю оврага замешкалась и обернулась. Ее гибкое смуглое тело едва прикрывали какие-то лохмотья, и в рассветных лучах на фоне серо-зеленой растительности оно казалось пятнистым. Женщина нетерпеливо отбросила со лба прядь черных волос, провела рукой по лицу и принялась искать спуск.

Снова призывно зазвучал рог и разнесся собачий лай. Женщина вздрогнула, и Саймон поднялся из-за своего укрытия, неожиданно поняв, что именно она является дичью в этой охоте.

Пока женщина пыталась отцепить колючую ветку терновника от своих лохмотьев, он снова присел. От резкого движения женщина поскользнулась, потеряла равновесие и сорвалась, но, даже падая, не вскрикнула. Ухватившись руками за куст, несчастная старалась найти опору для ног, и тут из зарослей выскочили собаки.

Тощие, белые, они двигались так, словно у них не было костей. На краю обрыва псы остановились и торжествующе завывали, устремив на женщину заостренные морды. А та продолжала отчаянно извиваться, пытаясь за что-нибудь зацепиться ногами, надеясь все-таки уйти от погони. Возможно, ей и удалось бы это, но появились охотники.

Они были на лошадях. Тот, у которого на ремне, перекинутом через плечо, висел рог, остался в седле, а другой спешил и, распахивая собак ногами, подошел к краю обрыва. Увидев женщину, он потянулся к кобуре.

Несчастная, повисшая над обрывом, подняла на охотника свое бесстрастное, ничего не выражающее лицо, а тот, доставая оружие, довольно ухмыльнулся, явно наслаждаясь беспомощностью своей жертвы.

В этот момент Саймон выстрелил. Охотник вскрикнул, покачнулся и упал с обрыва.

Еще не смолкло эхо от выстрела, а другой охотник уже скрылся в кустах, и Саймон отметил, что оставшийся противник довольно сообразителен. Собаки же словно взбесились, начав носиться из стороны в сторону с диким лаем.

Тем временем женщина наконец нашла опору для ног и начала медленно спускаться по склону. Краем глаза Саймон заметил какое-то движение сбоку и тут же обнаружил в двух дюймах от себя большую иглу, которая, войдя глубоко в землю, еще покачивалась. Бой принят!

Лет десять назад Трегарт ежедневно играл в такие игры, и, надо признать, с большим удовольствием. Старые навыки не забылись, и он, затаившись в укрытии, стал ждать. Собаки устали и, тяжело дыша, распластались на земле. Теперь все решала выдержка, а уж этого Саймону было не занимать. Наконец заметив, как на той стороне качнулась ветка, он выстрелил – и в зарослях раздался крик.

Вдруг поблизости послышался какой-то шорох. Саймон подполз к краю обрыва и нос к носу столкнулся с женщиной. Ее темные раскосые глаза на узком лице смотрели так пристально, что Саймону стало не по себе. Ухватив женщину за плечо, он втащил ее в свое укрытие и неожиданно остро ощутил опасность и какую-то дикую потребность бежать через болото, словно спасение было только там, за его краем, в направлении, противоположном тому, откуда он пришел.

Ощущение опасности было таким сильным, что Саймон сначала пополз вдоль кустов, а потом поднялся на ноги и побежал бок о бок с женщиной. Вой собак за их спинами становился все глуше.

Женщина пробежала, судя по всему, уже много миль, но угнаться за ней оказалось непросто. Наконец они добрались до возвышенности, где болото сменили заросшие озера, окруженные густым тростником. Ветер снова донес издалека зов рога, но женщина только рассмеялась и поглядела на Саймона, словно приглашая его разделить с ней радость. Затем она показала рукой на озеро, поясняя жестом, что им туда.

Впереди клубился густой туман, он стелился по земле, преграждая бегущим дорогу. Саймон пригляделся внимательней, подумав, что за такой завесой можно, пожалуй, чувствовать себя в безопасности, но, странное дело, туман, казалось, исходил из одного источника, и это настораживало.

Женщина подняла руку, на ее широком браслете что-то ярко вспыхнуло, и луч света утонул в плотном мареве. Другой рукой она придержала Саймона, и ему почудилось, что в тумане движутся темные тени.

Вдруг из-за белой завесы раздался голос, и хотя слов Трегарт не разобрал, однако интонация была явно вопросительной. Женщина что-то коротко сказала, но, получив ответ, сразу сникла. Догадавшись, что в помощи им отказано, Саймон сжал ее руку в своей.

– Что дальше? – спросил он.

Понять его слов женщина, конечно, не могла, но смысл определила верно. Она послунила палец и подняла руку. Ветер сдул с ее лица черные пряди, и Саймон увидел на ее щеке багровый кровоподтек и черные тени под глазами. Не отнимая своей руки, женщина повлекла его налево: они побежали по глубоким вонючим лужам, где какая-то зеленая гадость расступалась под их ногами, прилипая к ее голым икрам и его мокрым брюкам.

Они бежали по краю болота, а непроницаемая стена тумана двигалась параллельным курсом. У Саймона сосало под ложечкой, и к тому же он стер ноги в мокрых ботинках. Но рога больше не было слышно, – вероятно, собаки сбились со следа.

Они продрались через заросли тростника и выбрались на хорошо утоптанную дорогу, скорее даже на широкую тропу, бежать по которой стало значительно легче.

Уже перевалило за полдень, хотя судить о времени в этом сером сумраке было трудно. Они поднимались круто вверх, когда впереди показались какие-то укрепления из красного камня, напоминавшие грубо сложенную стену; в ней зияла брешь, через которую тропа уходила дальше.

Но уже под самой стеной удача вновь отвернулась от них. Из придорожных зарослей выскочил какой-то черный зверек и бросился женщине под ноги, та упала, вскрикнула и схватилась за лодыжку. Саймон подбежал к ней и, осмотрев поврежденную ногу, понял, что перелома нет, но и продолжать сейчас путь она не сможет. И тут, как назло, раздался звук рога.

– Проклятье! – буркнул Трегарт себе под нос и кинулся к брешу в стене.

По ровной, как стол, равнине тропа уходила к реке. Укрыться там было негде. Тогда Саймон внимательно осмотрел стену, быстро сбросил плащ, снял мокрые ботинки и полез наверх. Вскоре он обнаружил небольшой карниз, который с тропы был почти не виден, и вернулся за спутницей, чтобы помочь ей подняться.

Кое-как добрались они до своего не очень-то надежного убежища, а там ледяной ветер заставил их тесно прижаться друг к другу, и Саймон почувствовал на щеке ее горячее дыхание.

Женщину била дрожь, Трегарт набросил на нее свой плащ, она благодарно улыбнулась, и он вдруг заметил, как сильно потрескались ее губы. Вообще он не решился бы назвать ее красивой – слишком измождена, худа и бледна. И хотя лохмотья едва прикрывали женское тело, он не испытывал к нему никакого влечения. В следующий миг Саймон почувствовал, что женщина каким-то непостижимым образом прочла его мысли и они вызвали у нее улыбку.

Она придвинулась к краю карниза и прижалась к Трегарту плечом, затем, откинув плащ, положила руку с широким браслетом к себе на колено и начала время от времени потирать пальцами вправленный в него овальный кристалл.

Ветер опять донес до них звуки рога и собачий лай. Саймон достал пистолет, и пальцы женщины устремились к нему, пробежали по холодной стали, словно так она хотела понять, что у него в руке. На тропе появились две белые точки. За собаками следовали четверо всадников, и Саймон сконцентрировал на них все свое внимание.

Они ехали открыто, определенно чувствуя себя в полной безопасности, и это навело его на мысль, что их преследователи еще не знают, что беглецов стало уже двое. Во всяком случае, Саймону очень хотелось в это верить.

Всадники были в железных шлемах с зазубренными гребнями, верхнюю часть их лиц прикрывали резные забрала. Камзолы, напоминавшие покроем гимнастерки, были зашнурованы от пояса до горла. На широкой портупее – кобура, зачехленные ножи, а также разной величины сумки и прочее снаряжение, о назначении которого Саймону приходилось только

гадать. Сине-зеленые камзолы, облегающие штаны и ботфорты – все это очень напоминало военную форму, тем более что справа на груди у каждого красовалась одна и та же эмблема.

Змееголовые псы бросились к подножию стены и начали злобно скрести ее лапами как раз под карнизом. Помня о давешней бесшумной игле, Саймон выстрелил первым.

Охотник, ехавший впереди, вскрикнул и сполз с седла, но одна нога застряла в стремях, и лошадь потащила по тропе безжизненное тело. Саймон выстрелил еще раз, и второй охотник с криком схватился за плечо. Лошадь, продолжавшая тащить мертвеца, миновала пролом в стене и понеслась к реке.

Собаки примолкли. Они улеглись под стеной, устало вывалив языки, глаза их горели жутким желтым огнем. В Саймоне при виде их глаз стало расти беспокойство: по лагерям для военнопленных он имел хорошее представление о сторожевых собаках. А эти огромные зверюги явно были убийцами – достаточно посмотреть на их кроважидные морды. Конечно, он мог бы попросту перестрелять их, но не хотелось зря тратить патроны.

Мрачный день близился к концу, но надвигающаяся ночь и темнота тем более не сулили им ничего хорошего. Влажный ветер с болота по-прежнему насквозь продувал их жалкое убежище.

Саймон придвинулся к краю карниза. Одна из собак тотчас же вскочила, заскребла стену и угрожающе зарычала. Женщина тронула Саймона за плечо и настойчиво потянула его назад, а он через прикосновение узнал о том, что она чувствует: несмотря на их отчаянное положение, женщина не боялась. И еще Саймон понял – она чего-то ждет.

«Может, нам стоит перебраться на гребень стены?» – подумал он и заметил, как его спутница отрицательно покачала головой, словно опять прочла его мысли.

Собаки вскоре уgomонились, но Саймон еще пристальнее вглядывался во тьму, понимая, что где-то там их хозяева договариваются о дальнейших действиях. Он был отличным стрелком и не сомневался в себе, но сгущающийся мрак мог ему серьезно помешать.

Женщина вдруг шевельнулась, что-то воскликнула и тронула руку, в которой Трегарт сжимал оружие. Он еще ничего не успел понять, как женщина вырвала у него пистолет и изо всех сил обрушила его рукоять на ползущую тварь.

Раздался пронзительный визг. Первым делом Саймон отобрал у женщины пистолет и лишь затем поглядел на корчащееся существо, у которого, похоже, был перебит позвоночник. Сначала бросились в глаза зубы – белые кривые иглы, затем – маленькая плоская голова и тело, покрытое шерстью. Наконец, Саймон столкнулся взглядом с красными глазами существа, и – черт возьми! – в них светился разум. Тварь умирала, но даже в предсмертных судорогах все еще пыталась дотянуться до женщины, издавая злобное шипение. Саймон с отвращением спихнул ногой эту тварь с карниза так, что она упала прямо к собакам.

Те кинулись врассыпную, словно он бросил вниз гранату, но сквозь лай и скулеж Трегарт разобрал куда более приятные звуки. Его спутница тихо смеялась, а глаза ее просто сияли ликованием. И пока Саймон вглядывался в темноту под стеной, пытаясь разглядеть, что стало с мерзкой тварью, женщина все кивала и радостно смеялась.

Неужели притаившиеся внизу охотники спустили на них такую гадину? Но почему тогда разбежались собаки? Что-то здесь не сходится... Не могут собаки разбежаться от какого-то трупа ни с того ни с сего. Но он не стал больше ломать себе голову, а попросту приготовился к бессонной ночи. Ведь если эту тварь подослали их преследователи, значит последуют и другие ходы.

Тьма сгущалась, однако внизу не было слышно ничего подозрительного, только псы вернулись и опять разлеглись широким полукругом у подножия стены.

Стемнело окончательно, и женщина зашевелилась. Закоченевшими пальцами она погладила кристалл на запястье, затем тронула руку Саймона, и в его мозгу сразу возник образ ножа.

Ей нужен нож! Он отвел ее руку и едва успел достать складной нож, как женщина быстро выхватила его.

Саймон не понимал, что происходит, но у него хватило ума не мешать ей. Мутный кристалл браслета слабо засветился. Женщина, не раздумывая, вонзила нож себе в палец, кровь капнула на кристалл и затмила его на какое-то мгновение.

Овальный камень светился все ярче и ярче, и наконец из него ударила, подобно молнии, вспышка света. Женщина довольно засмеялась, а кристалл вскоре снова померк. Она положила свою руку на пистолет, и вновь Трегарт понял без слов, что оружие больше не понадобится, помощь близка.

Вокруг стены завывал гнилой ветер с болота, женщину била дрожь, Саймон обнял ее за сутулые плечи и прижал к себе, согревая. И вдруг огромный зазубренный меч багровой молнии рассек небо у них над головами.

3

Саймон поступает на службу

Снова прямо над ними небо раскололось от страшного удара молнии. И это были только первые залпы жестокой битвы, которую начали между собой небо и земля. Подобной бури Саймон еще не видывал. Он не забыл, как во время войны вжимался в землю от грохота канонады, подобного щелканью гигантских бичей. Но разразившаяся гроза была страшнее, ибо казалось, что все эти громы и молнии неуправляемы.

Стена содрогалась в такт ударам грома, и, словно два перепуганных зверька, они жались друг к другу, зажимываясь при каждой вспышке молнии. Стоявший вокруг непрерывный грохот ничуть не напоминал раскатов обычного грома, скорее можно было представить, будто огромный барабан отбивает какой-то жуткий ритм, от которого стынет кровь и мутится в голове. Женщина спрятала лицо на груди у Саймона, словно там для нее была единственная надежда на спасение в этом агонизирующем мире, и он крепко обхватил ее дрожащее тело.

А гроза все продолжалась. Вспышка молнии и грохот, новая вспышка и снова грохот, и ветер, ветер, ветер, но ни капли дождя!

После очередного мощного разряда Саймон на какое-то время ослеп и оглох – и вдруг все кончилось... Даже ветер выдохся, ослабел, и Трегарт поднял голову.

Воняло паленым мясом, вокруг стены горели кусты. И тишина... Женщина высвободилась из его объятий, но Саймону уже передалась ее уверенность – уверенность, смешанная с торжеством, словно закончилась какая-то игра, которая, к ее вящему удовольствию, завершилась победой.

Саймон напряженно всматривался во тьму, силясь разглядеть, что там внизу с охотниками и собаками. Под стеной белела куча неподвижных тел, неподалеку на тропе лежала лошадь, а на ее шее покоилась рука придавленного всадника.

Женщина тоже придвинулась к краю карниза и жадно смотрела вниз. Не успел Саймон оглянуться, как она уже спустилась со стены, и он, опасаясь внезапного нападения, быстро последовал за ней, но у подножия стены все было спокойно.

От горящих зарослей на них дохнуло теплом, и его спутница с наслаждением протянула руки к огню. Саймон обошел собак, превращенных ударом молнии в обугленное месиво, и приблизился к мертвой лошади, намереваясь забрать оружие всадника, как вдруг увидел, что пальцы, вцепившиеся в гриву лошади, шевелятся.

Охотник был смертельно ранен, но после давешней охоты на болоте Трегарт не испытывал к нему никакой жалости. Но и оставить без помощи человека, попавшего в такую ловушку,

он тоже не мог. Саймон с трудом приподнял мертвую лошадь и выволок из-под нее искалеченного человека поближе к огню, чтобы получше его рассмотреть.

В искаженном, залитом кровью лице раненого не было признаков жизни, но раздавленная грудь все еще вздымалась, и он непрерывно стонал. Саймон затруднялся отнести этого человека к какой-либо известной ему расе, разглядывая коротко стриженные серебристые волосы, орлиный нос и широкие скулы – сочетание довольно необычное. Ему почему-то подумалось, что охотник еще молод, хотя перекошенное от боли лицо трудно было назвать юным. На ремне, перекинутом через плечо, висел резной рог, а богатое убранство и усыпанная жемчугом брошь говорили о том, что этот всадник не из простых воинов. Поняв, что помочь умирающему невозможно, Саймон переключил внимание на его снаряжение.

Нож всадника он заткнул себе за пояс, а затем осторожно извлек из кобуры какое-то странное оружие, имеющее ствол и нечто похожее на курок. Саймон повертел самострел в руке – сбалансировано неважно, да и ручка неудобная, тем не менее он сунул его за пазуху.

Трегарт отстегивал какой-то узкий цилиндр, когда из-за его спины метнулась бледная рука и выхватила очередную находку. Охотник пошевелился, словно именно это прикосновение привело его в сознание, и открыл глаза – глаза умирающего, но в глубине их, как у кошки в темноте, бегали дикие искорки. Встретившись взглядом с раненым, Саймон невольно отшатнулся.

На своем веку он достаточно повидал страшных людей: видел убийц, пришедших за его жизнью всего лишь потому, что это их работа; ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с теми, кто ненавидел его и кого ненавидел он сам. Но никогда еще не встречал он такой ненависти, какая горела в этих зеленых глазах.

Однако Саймон быстро понял, что этот взгляд обращен не на него. Рядом с ним, немного скособочившись, чтобы уменьшить нагрузку на поврежденную ногу, стояла женщина и вертела в руках жезл, только что выхваченный у него из рук.

Вопреки его ожиданиям, женщина смотрела на умирающего совершенно бесстрастно. Тот зашевелил губами, затем с мучительным усилием приподнялся и плюнул в ее сторону. Голова раненого тут же снова откинулась, и он затих, словно на этот заключительный всплеск ненависти ушли его последние силы. Действительно, в следующую минуту лицо охотника вдруг обмякло, и в свете затухающего пламени Саймон увидел, как приоткрылся его рот.

– Ализон, – тщательно выговаривая каждый слог, произнесла женщина, переводя взгляд с Трегарта на труп охотника. – Ализон, – повторила она, ткнув пальцем в эмблему на груди мертвеца.

– Ализон, – повторил вслед за ней Саймон и встал на ноги. У него пропало всякое желание осматривать вещи мертвого.

Женщина повернулась лицом к брешу в стене, куда уходила тропа.

– Эсткарп, – произнесла она столь же тщательно и указала рукой в сторону реки. – Эсткарп, – повторила она и прикоснулась ладонью к своей груди.

Словно в ответ на ее слова, из-за стены донесся пронзительный свист, как будто кто-то дал условный сигнал. Женщина что-то коротко крикнула, ее слова подхватил ветер, и они эхом разнеслись по округе.

Немного погодя послышался стук копыт и позвякивание металла. Поскольку его спутница смотрела на тропу с нескрываемой радостью, Саймон почел за благо ждать и не открывать огня раньше времени. Лишь ради предосторожности он сунул руку в карман и направил ствол пистолета на проход в стене.

Один за другим появлялись всадники. Двое, держа оружие наготове, миновали стену и остановились по разные стороны тропы. Увидев женщину, они что-то радостно закричали, после чего у Трегарта не осталось никаких сомнений – это друзья. Один из всадников направился напрямик к беглецам. Его могучая лошадь словно специально была выбрана для тяже-

лого седока, хотя сидящий в седле был настолько мал ростом, что, покуда не спрыгнул на землю, он казался Саймону мальчиком.

В свете пламени доспехи воина сверкали. Был он действительно невысок, но недостаток роста с лихвой окупался шириной плеч, а такие длинные руки и могучая грудь могли бы принадлежать человеку втрое большему. Одежда его напоминала кольчугу, но так плотно облегла тело, что казалась сделанной не из металла, а из какой-то эластичной, не стеснявшей движений ткани. Шлем был увенчан изображением птицы с распростертыми крыльями. А может, это и была настоящая птица, застывшая в полете по чьему-то мановению? Ее мерцающие глаза, казалось, следили за Саймоном с невыразимой яростью. Гладкие скаты шлема переходили в кольчужный шарф, спереди и сзади прикрывавший шею воина. Тот нетерпеливым движением откинул шарф, открывая свое лицо, и Саймон обнаружил, что и на этот раз не ошибся в своих догадках – воин с соколом на шлеме оказался очень молодым, но при этом явно и очень сильным человеком.

Изучающе глядя на Саймона, юноша что-то спросил у женщины. Она ответила ему потоком слов и начертила рукой в пространстве между Саймоном и воином какой-то знак, после чего тот сразу же прикоснулся рукой к шлему, очевидно приветствуя чужестранца. Но, судя по всему, право отдавать приказы принадлежало здесь все-таки женщине.

Указывая на воина, она продолжила урок языка:

– Корис.

Саймон сообразил, что так зовут молодого воина. Он ткнул себя в грудь и произнес:

– Трегарт, Саймон Трегарт, – и посмотрел на женщину, ожидая, что та назовет свое имя.

Однако она лишь повторила за ним, по слогам, как бы запоминая:

– Трегарт, Саймон Трегарт.

Не услышав ничего более, Саймон решил спросить прямо. Он указал рукой на свою спутницу:

– Кто?

Корис немедленно схватился за оружие и выступил вперед. Женщина нахмурилась, ее взгляд стал холодным и отчужденным, и Саймон понял, что допустил ошибку.

– Извини, – сказал он, виновато разводя руками и надеясь, что хоть этот его жест будет правильно истолкован.

Возможно, он совершил промашку, но ведь только по незнанию. Женщина, похоже, так и поняла, ибо принялась что-то объяснять молодому воину, но Корис еще долго косился на Саймона, не проявляя к нему особого расположения.

С большим почтением, которое не очень-то вязалось с лохмотьями этой, вероятно привыкшей командовать, женщины, Корис посадил ее за собой на спину крупной черной лошади. Саймон уселся за спиной другого всадника и всю дорогу крепко держался руками за его пояс. Они двинулись в сторону реки, и даже кромешная тьма не помешала воинам пустить лошадей рысью.

Много времени спустя Саймон неподвижно лежал на мягком ложе под пологом и тупо смотрел вверх на резной деревянный навес. Если бы не широко открытые глаза, можно было бы подумать, что он спит, но Трегарт тщательно анализировал все свои впечатления и почерпнутые сведения, стараясь по разрозненным фактам составить хоть какое-то представление о том, что находится за каменными стенами этой комнаты.

Дорога, по которой их везли, была, как он понял, одновременно и границей Эсткарпа, так как на всем ее протяжении располагалась цепь фортов, где они меняли лошадей, наскоро ели и вновь продолжали бешеную скачку. Хотя Саймон так и не узнал, чем была вызвана столь дикая спешка. Потом он увидел город с какими-то круглыми башнями, такими же серо-зелеными, как и земля, из которой они поднимались. Вспомнилась кольцевая городская стена в бледных лучах рассвета, и еще какие-то высокие здания, и гордые люди с темными глазами и такими

же, как у Саймона, черными волосами; люди с осанкой древних владык и с печатью времени на челе.

Но к тому времени, когда они прибыли в город, Саймон был настолько утомлен, настолько поглощен своим ноющим телом, что в памяти сохранились лишь разрозненные обрывки. Объединяло их разве только общее впечатление невероятной древности. Эти башни и стены, казалось, являли собой продолжение гор. Саймон насмотрелся на старые европейские города, видел дороги, по которым следовали когда-то римские легионы, и все-таки здесь покров времени, лежащий на всем, был гораздо ощутимее.

Его поместили в главном здании города. Эту каменную громаду с равным успехом можно было принять за величественный храм и за неприступную крепость. Саймон с трудом вспомнил, как коренастый воин по имени Корис привел его сюда и указал на ложе. И все, больше ничего...

Так-таки и ничего?

Он сдвинул брови и попытался сосредоточиться. Корис, комната, ложе... Вот и опять, взглянув на хитросплетения резного узора над головой, он уловил в нем что-то знакомое, до боли знакомое, словно эти витые знаки имели тайный смысл, который того и жди ему откроется.

Эсткарп древен, очень древен – и страна, и город, и уклад жизни... Саймон напрягся. С чего он это, собственно, взял?... Да просто так оно и есть, было и есть, и не менее реально, чем ложе, на котором покоится его избитое верховой ездой тело, или деревянный навес над головой. Женщина, за которой гнались охотники, принадлежала народу Эсткарпа, а ее преследователи – другому, враждебному им племени.

В гарнизонах пограничных фортов все воины были высоки, стройны, черноволосы и угрюмы; один только Корис совсем не походил на людей, которыми командовал. И хотя его приказы выполнялись беспрекословно, было очевидно, что спутница Трегарта обладает здесь неизмеримо большей властью.

Саймон посмотрел по сторонам, размял руки под одеялом, приподнялся на ложе и тут же повернул голову налево, туда, где висел тяжелый синий занавес, из-за которого донесся легкий звук шагов. Звякнули кольца, полог раздвинулся, и Трегарт увидел перед собой того, кто только что занимал его мысли.

Без кольчуги и без вооружения Корис выглядел еще безобразнее. Сразу бросались в глаза его непомерно широкие плечи и длинные, достающие до земли руки. Ростом он был невелик, к тому же его тонкая талия и ноги вообще никак не вязались с верхней частью туловища. На широченных плечах сидела голова настоящего мужчины, каковым и был бы Корис, не сыграй с ним природа злую шутку. Пшеничные волосы обрамляли лицо совсем недавно возмужавшего юноши, и он был бы поразительно красив, когда бы не уродство фигуры, при котором голова героя красовалась на теле чуть ли не обезьяны!

Саймон спустил ноги с высокого ложа и встал, испытывая некоторую неловкость оттого, что вынуждает этого человека смотреть на себя снизу вверх. Но Корис вдруг по-кошачьи отскочил и очутился на широком длинном камне, лежащем под узкой бойницей, так что глаза его оказались на одном уровне с глазами Трегарта. Изящным жестом, какого трудно было ожидать от него, он указал Саймону на стоящий рядом сундук, где была сложена одежда.

Саймон не нашел там своего твидового костюма, который он снял, перед тем как лечь, но зато пистолет и все прочее содержимое его карманов в идеальном порядке было разложено рядом с новой одеждой. Стало быть, на каком бы положении он ни находился в этой комнате, по крайней мере он здесь не узник!

Трегарт натянул кожаные штаны, такие же как у Кориса. Кожа была темно-синяя и мягкая, как лайка. У сундука же стояла пара невысоких сапог, сделанных из темно-серого мате-

риала, напоминавшего с виду змеиную кожу. Обувшись, Саймон повернулся к воину и показал жестами, что хочет умыться.

Впервые на лице Кориса появилось подобие улыбки, и он указал на нишу в стене. Там Трегарт обнаружил, что, несмотря на средневековый облик Эсткарпа, его обитатели имеют вполне современные представления о водоснабжении и гигиене. В его распоряжении оказалась вода, причем теплая, и потекла она из трубы в стене, едва он нажал на рычажок. Тут же стоял сосуд с ароматной пеной, которая, стоило ее наложить на лицо и затем стереть, начисто сняла всю щетину. В процессе этих открытий продолжался и урок языка – словарный запас Саймона пополнился множеством слов, которые Корис терпеливо повторял.

Вообще, воин держался подчеркнуто нейтрально и, если не считать лингвистических упражнений, не выказывал никаких знаков расположения и никак не реагировал на попытки Саймона наладить более дружеские отношения. Покуда Трегарт облачался в нечто среднее между рубахой и камзолом, Корис стоял на камне под окном вполоборота к нему и смотрел на синее небо.

Трегарт взвесил в руке пистолет, наблюдая за реакцией Кориса, но тому, похоже, было безразлично, пойдет он с оружием или без. Саймон сунул пистолет за пояс и сделал знак, что он готов.

Дверь комнаты выходила в коридор, а оттуда вниз вела лестница. Стертые каменные ступени и бегущий по левой стене желобок, вытертый за многие столетия тысячами рук, словно лишний раз говорили о глубочайшей древности этого мира. Слабый свет исходил от шаров, подвешенных в металлических корзинах, но об источнике этого света Саймону приходилось только гадать.

Лестница кончилась, и они вышли в большой зал. Здесь стоял караул гвардейцев, облаченных в чешуйчатые латы, и еще несколько воинов, одетых так же легко, как и он. Воины приветствовали Кориса и с настороженным любопытством молча уставились на Трегарта, отчего ему сделалось немного не по себе. Но тут Корис тронул его за плечо, подошел к занавешенной двери и отдернул портьеру, предлагая следовать за ним.

Они миновали еще один зал, каменные стены которого были увешаны коврами и гобеленами с изображениями тех же знакомых знаков, что Саймон видел у себя над головой, лежа в постели. В дальнем конце зала стоял вооруженный гвардеец, при их приближении он поднял рукоять своего меча до уровня губ. Корис отвел рукой очередную портьеру, но на этот раз пропустил Саймона вперед.

Из-за высокого сводчатого потолка эта комната казалась значительно больше, чем была в действительности, да и освещение здесь было поярче. Хотя свет, исходящий от шаров, не достигал самого верха, его вполне хватало, чтобы рассмотреть всех присутствующих.

Две женщины ожидали Трегарта в святой святых этой древней цитадели, и далеко не сразу Саймон узнал в одной из них ту самую, что убегала от ализонских охотников. Она стояла, опершись правой рукой о спинку высокого кресла, в котором сидела другая женщина. Волосы его недавней спутницы, прежде висевшие жалкими сосульками, были теперь тщательно завиты и уложены под серебристой сеточкой, и вся она была закутана в тунику того же серебристого цвета. Единственным ее украшением был дымчатый кристалл овальной формы, который висел на цепочке между небольшими бугорками ее груди.

– Саймон Трегарт! – произнесла сидящая женщина так властно, что он сразу же перевел взгляд на нее и почувствовал, что больше не в состоянии отвести глаза.

У этой женщины было такое же узкое лицо, такой же пристальный взгляд и такие же черные волосы, как у его знакомой, но от нее исходила сила, которая буквально лишала воли. Возраста этой женщины Саймон определить не смог, но у него возникло такое чувство, что она вполне могла присутствовать при закладке первого камня в основание Эсткарпа. В то же время казалось, будто она вообще не имеет возраста. Сидящая взмахнула рукой и бросила

Трегарту какой-то шар, выточенный из того же дымчатого камня, что и кулоны, украшавшие наряды обеих женщин.

Саймон поймал шар, и тот, вопреки ожиданиям, оказался не холодным, а теплым. Инстинктивно он сжал его обеими руками, и обе женщины сделали то же самое со своими кулонами.

Впоследствии Саймон так и не смог взять в толк, что же, собственно, тогда произошло. Совершенно непостижимым образом в его мозгу, одно за другим, словно кадр за кадром, пробежало все, что предшествовало его появлению в Эсткарпе. При этом Трегарт отчетливо сознавал, что все это видят и обе женщины, и не только видят, но в какой-то мере переживают то же самое. А потом его захлестнул поток информации.

Он находится в главной крепости страны, которой угрожают нападением, и страна, возможно, обречена. Древнему Эсткарпу грозят с севера и с юга, а также с моря на западе. Единственно благодаря тому, что они унаследовали древнее знание, эти смуглые люди еще способны давать отпор. Но, вероятно, их сил хватит ненадолго. Тем не менее они будут биться до последнего вздоха последнего гвардейца.

Неодолимое чувство, то самое, которое заставило Саймона шагнуть под каменные ворота во дворе дома Петрония и войти в этот мир, овладело им вновь. Эти люди слишком горды, чтобы просить о помощи. Но он и без просьб уже присягнул на верность этой женщине, встав на ее сторону с чистым сердцем и юношеским энтузиазмом. Вот так, не сказав ни слова, Саймон Трегарт стал воином Эсткарпа.

4

Сулькар зовет на помощь

Саймон поднес к губам тяжелый кубок. Поверх него он внимательно смотрел по сторонам. Первое время ему казалось, что люди Эсткарпа мрачны и отягощены бременем веков, что эти немногочисленные остатки вымирающей расы живут лишь воспоминаниями о былом величии. Но со временем он понял, что первое впечатление обмануло его. Сидя с гвардейцами за одним столом, он разглядывал их смуглые лица и чувствовал, что люди, с которыми он делит тяготы службы и радости короткого отдыха, нравятся ему все больше и больше.

Оружие у них, конечно, весьма своеобразное. Саймону, например, пришлось учиться работать мечом. Зато с самострелом, напоминавшим пистолет, дело обстояло куда проще, хотя до Кориса, боевое искусство которого вызывало у Саймона восхищение, ему было еще далеко. И все же лишним Трегарт себя не чувствовал, поскольку он знал тактику иных войн, иных сражений, – и к его мнению всегда прислушивались.

Поначалу Саймон недоумевал – как это его взяли в гвардию? Ведь кругом враги, и любой пришлый человек может оказаться шпионом. Но тогда он еще плохо представлял, что такое Эсткарп. Только здесь могли поверить его дикому рассказу, только здесь, ибо сила этой древней страны была в колдовстве!

Потягивая вино, Трегарт размышлял о природе колдовства. Конечно, за этим словом могут скрываться ловкие трюки или невежественное суеверие. Но может стоять, о чем он узнал здесь, и подлинная сила! Колдовство Эсткарпа могло превратить волю, воображение и веру в страшное оружие. Здесь знали такие методы концентрации воли, которые позволяли воспринимать многое из того, что обычно находится за пределами человеческих чувств.

Колдовство Эсткарпа и было причиной ненависти соседей. Для Алисона на севере и для Карстена на юге сила колдуний Эсткарпа была злом. Сколько невинных женщин, по поводу и без повода, пало жертвой «охоты на ведьм» в том мире, откуда Саймон явился сюда...

Только женщины Эсткарпа владели колдовством и при необходимости без колебаний пускали его в ход. Оказывается, Саймон спас колдунью, бежавшую из Алисона, где она была глазами и ушами Эсткарпа.

Колдунья... Саймон отпил вина. Далеко не всякая женщина здесь владела Даром колдовства. Из поколения в поколение этот Дар передавался от матери к дочери. Одаренных девочек отправляли в главный город страны, где их обучали и посвящали в тайны древнего знания. Имена девочек тщательно скрывали, ибо знание имени давало определенную власть над колдуньей. Только теперь Саймон понимал, как нелепо он выглядел, спросив имя женщины, с которой бежал через болото.

Но Дар мог изменить колдунье, мог против ее воли отказать в решающую минуту, а после известного момента в ее жизни пользоваться им становилось практически невозможно. Поэтому, кроме колдуний, в Эсткарпе была и вооруженная гвардия, а также цепь пограничных фортов.

– Жарковато что-то, Саймон! – Вошедший тяжело опустился на стул, да так, что тот хрустнул. Он поставил на стол шлем, и его длинная рука потянулась за кубком.

Сокол со шлема пристально смотрел на Саймона стеклянными глазами, а тот разглядывал изумительной работы кованые перья – не отличишь от настоящих! Пока Корис пил вино, на него со всех сторон сыпались вопросы. Вообще в гвардии Эсткарпа порядки были строгие, но вне службы все были равны и за общим столом оживленно обсуждали любые новости. Корис поставил кубок и сказал:

– Слышали рог за час до закрытия ворот? С запада пришел Магнис Осберик. С ним вооруженная свита. Похоже, Горм опять зашевелился.

Гвардейцы притихли. Даже Саймон знал, что значит Горм для капитана гвардейцев. По праву законного наследника Гормом должен владеть Корис. Правда, его несчастья и начались на этом острове, а затем еще более усугубились, когда он покинул его в дырявой рыбацкой лодке, израненный, брошенный всеми на произвол судьбы.

Однажды Хильдер, лорд и Хранитель Горма, во время сильной грозы заблудился на болотах, что между Алисоном и долинами Эсткарпа. Отстав от свиты, он остался один и, упав с лошади, сломал руку. Полуживой, измученный болью и лихорадкой, Хильдер забрел в земли торов – загадочного народа, который ревниво оберегал свои болота от чужих глаз.

Никто так и не узнал, почему торы не убили его и даже не прогнали. Несколько месяцев спустя Хильдер в добром здравии вернулся на Горм, да не один, а с молодой женой. Население Горма, особенно женщины, были недовольны этим браком и распускали слухи, что торы вынудили их господина жениться под угрозой смерти. Дело в том, что жена Хильдера была уродлива, по их представлениям о красоте, и, кроме того, была себе на уме – ведь в ее жилах текла кровь племени торов. В том же году она родила Кориса и вскоре пропала. Может, умерла, а может, сбежала на болота к своим сородичам. Хильдер, похоже, знал точнее, но помалкивал. А люди Горма были до того рады избавлению от незваной своей госпожи, что особенно и не расспрашивали.

Но остался Корис – с головой владыки Горма и лягушачьим телом своей матери. Забыть ему об этом, конечно, не давали. Жители Горма воспрянули духом, когда Хильдер взял в жены Орну, дочь достойного купца и морехода, а затем с великой радостью приняли рождение Уриана – второго сына лорда. Любо-дорого было смотреть на его стройное тело, в котором к тому же нет ни капли чужой крови!

Хильдер умер. Он умирал долго, и у заговорщиков было время подготовиться. Но, сделав ставку на Уриана, они просчитались. Орна, как дальновидная женщина, не желала быть игрушкой в руках интриганов, и Уриан был еще ребенком, когда она стала регентшей, а так как это не всем понравилось, ей пришлось употребить власть.

Мать Уриана умело натравливала своих врагов друг на друга, внося раздор в их лагерь и укрепляя тем свои позиции, но однажды она совершила роковую ошибку, обратившись за помощью к чужестранцам. Именно Орна обрекла Горм на гибель, тайно призвав на помощь флот кольдеров.

Кольдеры явились откуда-то из-за моря, но никто не знал, откуда именно. Моряки держались подальше от их берегов и никогда не заглядывали в их мрачные гавани, так как ходили слухи, что кольдеры не похожи на других людей, а связь с ними грозит гибелью.

В ту ночь, когда умер Хильдер, кольдеры высадились на Горме и началась кровавая резня. Только нечеловеческая сила помогла Корису вырваться из чудовищной ловушки. А Горм как таковой перестал существовать – его захватили кольдеры, и с тех пор он стал Кольдером. Та же участь постигла и побережье материка – там на голом берегу всего за год поднялись высокие башни замка Иль, но никто из Эсткарпа не бывал в нем – по доброй воле.

Костью в горле стоял замок Иль между Эсткарпом и его могучим союзником на западе – крепостью Сулькар, в которой жило племя воинов и мореходов, промышлявших торговлей в самых дальних странах. С согласия Эсткарпа они возвели свою крепость-порт на мысу, глубоко вдающемся в море. Мореходы Сулькара были не только славными купцами, но и умелыми воинами, они безбоязненно заходили в любую гавань. Даже воины Алисона и щитоносцы Карстена не осмеливались задирать сулькарцев, хотя прекрасно знали, что те в союзе с Эсткарпом.

– Без особой нужды Магнис Осберик к нам не обращается, – заметил Танстон, один из военачальников Эсткарпа. – Готовьте оружие! Когда Сулькар просит помощи, мы обнажаем мечи!

Корис молча кивнул. С отсутствующим видом он жевал хлеб и, окуная палец в вино, водил им по столу. Заглянув ему через плечо, Саймон увидел, что тот начертил карту побережья – примерно такую он видел в главном зале крепости.

Большой полукруг залива: на южном мысу – Сулькар; на севере – Ализ, главный порт Алисона; в глубине залива – остров Горм. Здесь Корис поставил жирную точку, обозначив город Сиппар.

Как ни странно, замок Иль стоял на юго-западной окраине мыса и выходил не в залив, а в открытое море. Кроме того, здесь было слишком сильное течение, и к скалистому берегу едва ли мог пристать корабль. Южнее лежало герцогство Карстен. Горм издавна считался морскими воротами Эсткарпа.

Некоторое время капитан гвардейцев рассматривал свое произведение. Затем решительно провел по нему ладонью.

– Много ли дорог на Сулькар? – спросил Саймон. – С юга Иль, с севера Горм – кольдеры вполне могли перекрыть дорогу.

Корис рассмеялся:

– Дорога одна, и она стара как мир. Наши предки даже в страшном сне не могли себе представить кольдеров на Горме. Путь на Сулькар будет безопасен лишь тогда, когда мы будем здесь! – Он ткнул пальцем в Сиппар и с силой надавил, словно у него под ногтем оказалось отвратительное насекомое. – Борясь с болезнью, нужно уничтожить ее очаг, а не лихорадку. Она говорит лишь о наличии болезни. Но мы ничего не знаем о кольдерах! – Корис мрачно взглянул на Трегарта.

– А разведка?

– Мы отправили на Горм двадцать воинов! Они добровольно пошли на перевоплощение, не зная, увидят ли когда-либо вновь свое собственное лицо в зеркале. Снаряжая их, мы задействовали все известные нам средства. Но ни один не вернулся из Сиппара, ни один! Кольдеры не похожи на других людей, и мы ничего не знаем об их обороне, кроме того, что она непробиваема! Кончилось тем, что Верховная Владычица вообще запретила подобные вылазки. Сил уходит много – и всё без толку. Я и сам хотел было, но колдуньи наложили на границу заклятье,

и пройти мне не удалось. Все говорят, на Горме меня ждет смерть, а я нужен Эсткарпу живым. Э-э, да нет смысла беречь эту рану.

– Но Сулькар в опасности.

– Мы выступим, друг Саймон! – Корис взял со стола шлем. – Кстати, есть одна странная закономерность: когда кольдеры бьются на своей земле или на своих кораблях, победа всегда за ними, но на чужой земле, куда еще не пала их тень, мы можем с ними потягаться.

– Я еду с вами! – решительно сказал Трегарт.

Он готов был ждать и учиться. Последние семь лет жизни еще в том мире научили его терпению. Саймон отлично понимал, что боевое искусство значит здесь жизнь или смерть – и без него нет речи о независимости. Сколько раз, стоя в ночном карауле, задавал он себе вопрос: «Отчего я все это терплю? Или тут замешана хваленая Сила Эсткарпа?» Но если даже так, то сейчас действие чар кончилось! Сейчас он серьезно намерен узнать, как устроен этот мир, и если его не призывают, он пойдет сам.

Корис внимательно посмотрел ему в глаза:

– Мы отправляемся не на прогулку.

Саймон не вставал, зная, что Корису неприятно, когда на него смотрят сверху вниз.

– Разве я похож на любителя легких побед?

– Тогда готовь самострел. С мечом ты не опаснее карстенского конюха!

Саймон не вспыхнул, ибо Корис был абсолютно прав. В стрельбе из самострела он мог поспорить с лучшими воинами Эсткарпа, и в рукопашном бою без оружия, где он использовал приемы дзюдо, ему не было равных, так что слава его достигла самых дальних фортов Эсткарпа. Но мечом он владел не лучше безусого новобранца. А булава, с которой Корис управлялся, как с игрушкой, казалась ему чугунной гирей.

– Самострел так самострел, – с готовностью сказал Саймон. – Но я еду!

– Хорошо. Но сперва посмотрим, едем ли мы.

Это решал военный совет, где собрались колдуньи и офицеры во главе с Корисом. Хотя Саймон не был членом совета, он последовал за капитаном гвардейцев, и никто его не остановил. Он отошел к бойнице и оглядел собравшихся.

Возглавляла совет Верховная Владычица, управлявшая не только крепостью, но и всеми землями Эсткарпа, та самая женщина, которой он добровольно присягнул на верность. За спинкой ее кресла стояла колдунья, убегавшая от ализонских собак. На совете присутствовало еще пять колдуний – все женщины как бы без возраста. И каждая обладала столь пронизательным взглядом, что Саймон не хотел бы оказаться в стане их врагов. Он никогда не встречал женщин с такой силой духа.

Перед колдуньями стоял огромный мужчина, в любом другом месте он бы главенствовал безоговорочно. Люди Эсткарпа, стройные и высокие, выглядели просто подростками рядом с этим закованным в броню гигантом. Одной железной пластины, прикрывавшей его грудь, хватило бы на два щита для гвардейцев Эсткарпа. Длинные руки, широкие, как у Кориса, плечи; но и нижняя половина его тела не уступала верхней, не нарушая гармонии.

Саймон присмотрелся к обветренному лицу гиганта. Густые сросшиеся брови и пышные усы, но подбородок тщательно выбрит. Шлем увенчан искусно выкованной головой медведя с угрожающе оскаленной пастью, а вместо плаща – медвежья шкура, отделанная галунами. Под квадратным подбородком поблескивали золотые застежки в виде медвежьих лап.

– Сулькар блюдет торговый мир. – Воин старался говорить потише, но в небольшом зале голос его рокотал подобно морскому прибою. – Однако нас заставляют обнажить мечи! Но что наше железо против колдовства? Нет, я не порицаю древнее знание. – Он обращался непосредственно к Владычице. – Все верно, каждому свое. Но ведь Эсткарп никому не навязывает своей воли и веры, а эти кольдеры... Они набегают, как волны, и убивают! Госпожа! Если мы не объединим усилий, наш мир обречен. Нужно остановить волны жестокости и мрака!

– Знаешь ли ты, Мореход, человека, рожденного женщиной, который мог бы управлять волнами?

– Управлять – нет, но одолеть – да! В этом моя сила! – Воин ударил себя в грудь, и никто не усомнился, что он имеет право говорить так. – Кольдеров голыми руками не возьмешь. Они готовят нападение на Сулькар. Умники из Ализона отсиживаются в стороне, но их ждет участь Горма. А Сулькар не сдастся! Но если волны поглотят нас, они двинутся сюда, госпожа. Говорят, ты имеешь власть над ветром и бурей; твои заклятья могут изменить внешность человека и помутить разум. Может ли твое колдовство противостоять Кольдеру?

Владычица погладила кристалл на груди.

– Скажу тебе правду, Магнис Осберик. Я не знаю. Кольдер загадочен. Мы не смогли проникнуть туда. В остальном же ты прав. Пришло время объединить наши силы. Капитан! – обратилась она к Корису. – Что скажешь?

Красивое лицо Кориса было мрачным, но в глазах вспыхнуло торжество.

– Если нужны наши мечи, мы готовы! С твоего согласия, мы выступаем в Сулькар, госпожа.

– Решено, Эсткарп идет на помощь Сулькару! Ты, капитан, говоришь как воин. Мечи мечами, но с вами будет и наша, дарованная от веку Сила.

Бежавшая из Ализона колдунья вышла из-за кресла и встала по правую руку от Верховной Владычицы. Ее темные раскосые глаза, оглядев собравшихся, остановились на Саймоне, притихшем в стороне, и по ее губам пробежала тень улыбки. Или ему только показалось? Как бы то ни было, Трегарт почувствовал, как некая невидимая тончайшая нить протянулась между ними.

Их отряд выступил в полдень. К своему удивлению, Саймон обнаружил, что держится рядом с колдуньей, которая, как и все гвардейцы, надела кольчугу с кольчужным шарфом. Словом, с виду женщина ничем не отличалась от других воинов, даже на поясе у нее, как и у прочих, были меч и самострел.

– Мы снова вместе, воин из другого мира! – тихо сказала колдунья, улучив момент.

Ее спокойствие почему-то раздражало Саймона.

– Будем надеяться, что теперь мы охотники, а не дичь.

– Всеу свое время, – сухо откликнулась она. – В Ализоне меня предали и лишили оружия.

– Зато теперь у тебя меч и самострел.

Колдунья посмотрела на свое оружие и рассмеялась:

– Да, Саймон Трегарт, меч, самострел и еще кое-что! Но ты прав в своих предчувствиях – впереди у нас мало хорошего.

– Предчувствия, госпожа?

Он разозлился, не желая верить ни одному ее слову, поскольку больше полагался на силу оружия. А все эти намеки, взгляды, предчувствия...

– Предчувствия, Саймон. – Она пристально посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась. – Мне ничего не надо от тебя, чужестранец. Но я знаю, что Верховная Владычица связала наши жизни воедино. Наши чаяния могут не оправдаться. Скажу одно: берегись места, где висятся скалы и кричат орланы.

– Госпожа, – Саймон принужденно улыбнулся, – в этой стране я, кажется, вижу все, словно у меня глаза на затылке. А воевать мне не в новинку.

– Знаем-знаем! Иначе ты не поехал бы с Соколом. – Она кивнула в сторону капитана гвардейцев. – Корис непревзойденный боец и прирожденный военачальник. Гордость Эсткарпа!

– Ты предвидишь беду в Сулькаре?

Колдунья пожала плечами:

– Наш Дар, как известно, не дает нам полной картины. Лишь обрывки, детали. Но городских стен я не вижу. И кажется, это не у моря. Приготовь-ка лучше самострел и не забудь про свои знаменитые кулаки! – Она дружелюбно засмеялась, и Саймон понял, что должен принять дружбу на ее условиях.

5

Битва с демонами

Войско поспешало, но, когда после ночевки в последнем пограничном форте оно вышло на трakt, ведущий к морю, впереди был еще целый день пути. Продвигаясь от форта к форту, всадники меняли лошадей, и миля за милей войско приближалось к своей цели.

Сулькарцы, не привыкшие к верховой езде, были мрачноваты, да и седла гвардейцев оказались им малы, так как большинство из них своей комплекцией почти не уступали Магнису Осберику. Но мужественные мореходы не отставали – стиснув зубы, они держались в седлах так, словно само время превратилось в их заклятого врага.

Стояло ясное утро. Множество пурпурных цветов под ярким солнцем развернуло свои лепестки; пахло морем, и у Саймона поднялось настроение, чего уже давненько с ним не случилось. Он и сам не заметил, как стал напевать. Слева раздался знакомый глухой голос:

– Рано пташечка запела!

– Не каркай! День больно хорош! – сказал он добродушно.

Колдунья отвернула кольчужный шарф.

– Море... Оно уже близко, оно в ветре... – Она смотрела вперед, туда, куда уходила дорога. – Море в крови у нас. Поэтому и сулькарцы по крови нам не чужие. Когда-нибудь я уйду в море... Сбегающие с берега волны так и тянут меня за собой!

Она не сказала ничего особенного, но Саймон вдруг насторожился, даже в горле пересохло. Может, и не было у него дара предвидения, но что-то в нем дрогнуло, напряглось... Он, не раздумывая, поднял руку, давая сигнал к остановке.

– Да! – Колдунья тоже подняла руку.

Корис обернулся и остановил весь отряд. Он передал командование Танстону и поскакал к ним, выслав вперед дозорных.

– В чем дело? – спросил он, подъехав.

– Впереди что-то есть. – Саймон смотрел вперед, изучая местность, такую тихую и безмятежную в лучах утреннего солнца. Тишина... Лишь высоко в небе кружили большие птицы. Ветер стих. Ни один листик на кустах не шелохнулся. Но Саймон готов был поклясться, что впереди их ждет ловушка.

Корис перевел взгляд с Саймона на колдунью. Женщина вся подалась вперед, ноздри ее раздувались, словно она принюхивалась, пытаясь выявить опасность. Наконец, бросив поводья, колдунья сделала пальцами какие-то знаки и утвердительно кивнула:

– Он прав. Впереди пустота, за которой я ничего не вижу. Похоже на силовой барьер, прикрывающий засаду.

– Но как он-то смог? У него же нет Дара? – воскликнул Корис и с подозрением посмотрел на Саймона. Затем, отдав несколько приказов, капитан двинулся вперед – туда, где дорога делала поворот.

Саймон, доставая самострел, тоже с удивлением подумал: «Как мне это удалось?» Хотя нечто похожее бывало с ним и раньше. Скажем, в ночь, когда он встретил Петрония. Но никогда прежде чувство опасности не было таким сильным, тем более что оно все увеличивалось и обострялось...

Колдунья держалась рядом с ним, за спинами передового отряда. Он и не заметил, когда она извлекла из-под кольчуги свое главное оружие – дымчатый кристалл. Подняв камень над головой, колдунья что-то громко крикнула, но этого языка Саймон не знал.

Впереди показались остроконечные скалы, напоминающие очертаниями клыки чудовищной пасти. Дорога шла как раз между двумя такими «клыками», словно под аркой. Подножие гор скрывали густые заросли кустарника.

Вдруг из кристалла колдунии в скалу ударил яркий луч, и тотчас оттуда повалили клубы дыма, застилая все вокруг едкой завесой.

И тут появились нападающие! Закованные в броню воины бежали в полном молчании – ни выкриков, ни приказов. Глухие шлемы с заостренными забралами придавали им вид остроклювых хищных птиц. Это безмолвное нападение казалось каким-то сверхъестественным.

– Сулькар! Сулькар! – грянул боевой клич мореходов.

Во главе с Магнисом Осбериком они двинулись навстречу врагам, обнажив мечи. Гвардейцы шли в бой молча. И Корис не отдавал никаких команд, но стрелки уже целились и стреляли, и мечники двинулись вперед, держа оружие наготове. В одном войско Эсткарпа имело безусловное преимущество: безмолвное воинство врага было пешим.

Саймон досконально изучил вооружение Эсткарпа и знал, где слабые места в их доспехах, но какова броня у кольдеров – никому не известно... Саймон прицелился в подмышку одному из нападавших, который бросился с мечом на гвардейца. Кольдер неестественно повернулся и рухнул, его заостренное забрало воткнулось в землю.

– Сулькар! Сулькар! – гремел боевой клич.

Поначалу Саймону было не до наблюдений. Он целился и стрелял. Но вскоре действия нападавших показались ему очень странными.

Воины-кольдеры совершенно не защищались! Они шли напролом и один за другим находили свою смерть; никто не пытался увернуться от меча, никто не подставлял щита, не парировал удары противника. Словно ослепленные яростью, пешие воины механически размахивали мечами, в точности как заводные игрушки! Их завели – они и пошли!

Но кольдеры в этом мире считались непобедимыми! А эти воины падали и падали, будто ребенок играючи толкнул строй оловянных солдатиков.

Саймон опустил самострел, что-то мешало ему стрелять в несчастных кукол. Он повернул лошадь направо, и, кажется, вовремя – прямо на него стремительно бежал кольдер. Но, против ожидания, воин бросился не на Трегарта, а на колдунью, ехавшую рядом.

Лишь то, что колдунья была хорошей наездницей, спасло ее от всей мощи этого натиска. Она взмахнула мечом, обрушивая его на врага, но меч скользнул по шлему, и удар пришелся в плечо.

Как ни странно, кольдер, нападавший на колдунью, отлично владел оружием: меч в его руке так и сверкал на солнце. Неуловимым движением он выбил оружие из рук женщины, а затем, бросив свой меч на землю, начал стаскивать ее с коня. Колдунья отчаянно сопротивлялась, но руки в железных перчатках все-таки вырвали ее из седла, и она уже билась в объятиях кольдера, а Саймон все не решался нанести удар мечом. Тогда, высвободив ногу из стремени, он подъехал сзади и изо всех сил пнул врага пяткой по затылку, да так, что отбил себе ногу, а тот, потеряв равновесие, рухнул лицом вниз, увлекая колдунью за собой. Саймон осторожно спрыгнул с коня, оберегая ушибленную ногу, схватил кольдера за бронированное плечо и отвалил его от задыхавшейся женщины. Кольдер лежал, словно перевернутый на спину жук, и слабо шевелил конечностями. Прорезь клювообразного забрала была обращена к небу.

Сбросив железные перчатки, женщина встала на колени и принялась расстегивать ремни на шлеме поверженного.

– В седло! – скомандовал Саймон, подводя своего коня.

Колдунья отрицательно качнула головой, продолжая заниматься своим делом. Наконец тугой ремень поддался, и она сняла с воина шлем. Саймон боялся даже представить, что он может увидеть, воображение рисовало ему самые ужасные картины, но открывшееся лицо совершенно не оправдало его мрачных предположений.

– Херльвин!

Над воином склонился Корис – капитан гвардейцев встал на колени рядом с колдуньей и, казалось, хотел обнять воина как старого друга.

Взору Трегарта предстало такое же благородное лицо, как у Кориса, такие же сине-зеленые глаза, но они, похоже, ничего не видели – ни неба, ни склонившихся над ним людей. Колдунья отвела руки Кориса, твердо взяла воина за подбородок, не давая двигаться его голове, и внимательно вгляделась в его ничего не видящие глаза. Немного погодя она решительно оттолкнула от себя голову поверженного и с ожесточением принялась вытирать руки о траву. Корис, сурово наблюдавший за ней, неуверенно спросил:

– Херльвин?

– Убей! – буркнула колдунья сквозь зубы, и капитан молча потянулся за мечом.

– Стой! – крикнул Саймон. – Нельзя же убивать так безжалостно!

Лежащий в самом деле не представлял, на его взгляд, никакой опасности, поскольку находился в полубессознательном состоянии.

Колдунья холодно взглянула на Трегарта и кивнула на дергающуюся голову поверженного:

– Посмотри сам, человек из другого мира!

Саймон почувствовал, что не очень-то хочет это делать, и все-таки взял голову кольдера обеими руками, но тотчас отдернул их, не ощутив тепла человеческого тела. Однако то был даже не холод металла или камня, но холод слизняка, а ощущение отвратительной податливости было тем омерзительней, что внешне голова человека казалась вполне обычной. Посмотрев еще раз в немигающие глаза, Саймон подумал, что никакой удар не мог бы вызвать в человеческих глазах такой пустоты, какую он обнаружил там. Ничего подобного он еще не встречал: даже в человеке, сошедшем с ума, остается хоть что-то, вызывающее жалость, но к существу, лежавшему перед ним, Саймон не испытывал вообще никаких чувств и не мог представить, чтобы это отвратительное ничто могло ходить по земле, видеть солнце...

Последовав примеру колдуньи, он вытер руки о траву, быстро встал и пошел прочь, чтобы не видеть, как Корис взмахнет мечом над тем, кто давно уже был мертв, мертв и проклят.

Кольдеров перебили всех, но двое гвардейцев и один сулькарец, рассеченный мечом до седла, тоже остались на поле боя. Нападение казалось таким бессмысленным, что оставалось только гадать, зачем его вообще предприняли. Саймон шел рядом с Корисом и чувствовал, что капитан тоже находится в недоумении.

– Снимите с них шлемы! – Гвардейцы передавали его приказ по цепочке.

Под каждым остроклювым шлемом они находили все те же бледные лица, светлые волосы и сине-зеленые глаза.

– Мидир! – Капитан остановился подле одного тела. Рука поверженного дернулась, в горле застрял предсмертный хрип. – Убить! – Приказ прозвучал твердо и был немедленно выполнен.

Одного за другим Корис осмотрел всех и еще трижды отдавал тот же приказ – уголки его рта подергивались, и лучше было не видеть его глаз. Они подошли к Магнису и колдунье.

– Все с Горма! – мрачно произнес капитан.

– Были с Горма, – уточнила женщина. – Горм погиб в ту минуту, когда открыл свою гавань кольдерам. Это не те, кого ты знал, Корис! Они давно уже не люди, очень давно. Ты же сам видел, это – механические солдаты, которыми управляют хозяева. В них нет жизни. Когда Сила выкурила их из засады, они подчинялись одному-единственному приказу – хватать

и убивать! Кольдер использует их в войне против нас, чтобы истощить наши силы прежде, чем он прибегнет к другому оружию.

Губы капитана дрогнули в жесткой усмешке.

– Что, если это их слабое место? Может, у них не хватает людей? – Он с силой вложил меч в ножны. – Да вообще, кто знает, что у них на уме? Раз они способны на такое, можно ожидать от них чего-нибудь и похуже.

Саймон ехал в авангарде. Покидая место, где они встретились с войском Кольдера, он не хотел видеть, как исполняется последний приказ колдуньи, и не мог спокойно думать об обезглавленных мертвецах, с трудом веря в реальность происходящего.

– Мертвые не воюют! – Саймон не заметил, как сказал это вслух.

– Херльвин – прирожденный мореход, – откликнулся Корис. – Я помню, как он ходил на меч-рыбу с одним ножом. Мидир – совсем еще мальчик. Он едва владел оружием, когда прозвучал набат и кольдеры вторглись на Горм. Я хорошо знал их. Но то, что осталось там, на поле, – это не Херльвин и не Мидир.

– Человека определяют тело, разум и душа, – вмешалась в разговор колдунья. – Разве в твоём мире, Саймон, дело обстоит иначе? Вряд ли. Ведь ты двигаешься, думаешь и чувствуешь. Убей тело – останется душа. Убей разум – останется тело, вызывающее жалость у окружающих. Но убей душу, оставив тело и разум, – голос колдуньи дрогнул, – это будет самый тяжкий грех... Воинов с Горма лишили души. То, что двигалось в их обличье, уже давно не люди, Саймон. Каким-то кощунственным вмешательством, чуждым нашему миру, их сделали таковыми.

– То же самое уготовано нам, госпожа. Сулькар ожидает участь Горма, – сказал Магнис Осберик, поравнявшись с колдуньей на своем могучем коне. – Здесь мы их одолели. Но что, если легионы таких мертвецов полезут на наши стены? Гарнизон в крепости невелик, поскольку время горячее и почти все корабли вышли с товаром в море. Придется рассредоточить силы вдоль крепостной стены. Человек силен духом, но силы его не беспредельны. Враг может одолеть нас числом, просто смять, вы же видели – они ничего не боятся и лезут напролом.

Ни Корис, ни колдунья не нашлись что ответить. И лишь несколько часов спустя, когда Трегарт увидел Сулькар, он почувствовал себя несколько увереннее. Хотя сулькарцы были прежде всего мореходами, они знали толк и в фортификации. При строительстве крепости использовались все преимущества выбранного для нее места. С суши Сулькар защищала неприступная стена со сторожевыми башнями, оцетинившимися множеством бойниц. Но лишь когда Магнис Осберик провел их за стены крепости, Саймон оценил всю ее мощь.

С обеих сторон гавани, подобно двум клешням краба, в море выдавались скалы. На каждой «клешне» высились стены укреплений, дозорных постов и фортов, которые были связаны с цитаделью разветвленной сетью подземных ходов. Отвесные стены укреплений уходили прямо в воду, не оставляя никаких шансов подняться на них с моря.

– Похоже, строители Сулькара рассчитывали на военные действия, – одобрительно заметил Трегарт.

Магнис Осберик коротко рассмеялся:

– Сулькарцы кровно заинтересованы в безопасности торговых путей Эсткарпа, а отчасти Карстена и Алисона. И мы платим за это золотом кое-кому. Но, кроме того, бывая в других странах, мы показываем не только наш товар, но и наши мечи, ибо Сулькар – лакомый кусочек! Видишь пакгаузы – в них товары, а в торговле вся наша жизнь. Сколько владык и морских разбойников спят и видят себя здесь! Может, кольдеры и есть сущие демоны, да только и они не прочь завладеть нашими богатствами, так и тянут сюда свои грязные лапы. Сулькар – наша твердыня! Но если он падет – захватчикам ничего не достанется! – В сердцах Магнис ударил кулаком по парাপету. – Сулькар построен еще во дни моего прадеда, дабы наш народ

имел безопасную гавань во время любой бури – будь то ярость волн или войн. И похоже, час испытаний настал.

– В гавани три корабля, – заметил Корис. – Торговое судно и два военных.

– Торговое прибыло на рассвете с товаром из Карстена. Оно под флагом герцога, и вряд ли его команда схватится за оружие в чужом порту, – сказал Осберик. – Говорят, герцог женится и в трюме этого судна стоит сундучок с драгоценным ожерельем для белой шеи Альдис. Похоже, Ивиан хочет посадить птичку в клетку, но сам в ней сидеть не собирается.

Колдунья пожала плечами; Кориса тем более не занимали придворные сплетни соседней страны.

– А военные? – спросил он.

– Это наши сторожевые корабли. Они патрулируют подходы к Сулькару.

Саймон пошел вместе с Корисом осматривать укрепления. Он подумал, что хороший бомбардировщик мог бы уничтожить Сулькар за один-два захода, а для тяжелой артиллерии разнести эти толстые стены было бы делом какого-нибудь часа. В скалах под фундаментом располагались склады и подземные ходы. Те из них, что вели к морю, имели крепкие двери и прочные запоры. Если только у кольдеров нет какого-нибудь необычного оружия, мореходам не о чем беспокоиться. Но на это мог рассчитывать лишь тот, кто забыл невидящие глаза давешних воинов с Горма.

Саймон обратил внимание, что в крепости большие казармы и много оружия, но людей явно недостаточно. Кое-где стояли караулы, а все остальные находились на стенах. Сулькар мог вооружить тысячное войско, но сейчас здесь не набиралось и сотни человек.

Саймон, Корис и колдунья втроем поднялись на сторожевую башню, обращенную к морю. Свежий ветер насквозь продувал их кольчуги.

– Если вызвать сюда подкрепление, Эсткарп останется без гарнизона! – проговорил Корис, словно продолжая с кем-то спор. – И тогда с севера тут же вторгнется Ализон, а с юга – Карстен! Хотя Сулькар – это раковина, которая вряд ли по зубам даже кольдерам, но в ней сейчас слишком мало мяса! О чем Магнис Осберик думал раньше? Будь здесь побольше людей, он устоял бы, но с этой горсткой воинов – сомневаюсь.

– Ты, конечно, можешь сомневаться, Корис, – бесстрастно заметила колдунья, – но все равно примешь бой – так нужно. Может статься, что именно здесь кольдеры обломают себе зубы. А нападут они обязательно, Магнис совершенно прав.

Корис посмотрел на колдунью:

– Ты можешь предсказать что-либо, госпожа?

Она покачала головой:

– Не жди от меня большего, капитан. Я ведь даже засады не видела, лишь натолкнулась на пустоту и только по ней распознала кольдеров. Это пока все, что я могу. А ты, Саймон?

Трегарт обернулся:

– Я? Но я ведь не претендую на владение Даром. – Он помолчал. – Не знаю... Умом я понимаю, что эта крепость неприступна, и все же чувствую себя здесь, как в ловушке. – Саймон говорил не задумываясь, но был уверен, что он прав.

– Не надо говорить об этом Осберику, – заметил Корис.

Все трое молча стояли и смотрели на гавань, на заходящее солнце, и чем дальше, тем больше эта крепость казалась им не убежищем, а клеткой.

Гибель в тумане

Она появилась вскоре после полуночи – полоса тумана, ползущая с моря. Туман глотал звезды, а перед ним катилась волна пронизывающего до костей холода. Маслянистыми каплями туман оседал на кольчугах воинов, оставляя на губах слабый привкус гниющих водорослей и соли.

Туман уже поглотил фонари, что освещали выходящие в море укрепления: один за другим они тонули в этой завесе, превращаясь в мутные желтые пятна. Казалось, вот так, дюйм за дюймом, шаг за шагом, белая пелена захватит весь мир.

Саймон мерил шагами небольшую смотровую площадку главной сторожевой башни. Из поля зрения пропала уже половина гавани, непроницаемая завеса рассекла надвое один из военных кораблей. Нет, этот туман был какой-то неестественный, совершенно не похожий ни на знаменитые лондонские туманы, ни на смог больших индустриальных городов Америки. Безостановочно наползал он с запада сплошной пеленой, словно нарочно был послан прикрыть готовящееся нападение.

Вдруг раздались приглушенные удары гонга, донесшиеся с передовых укреплений гавани. В дверях башни Саймон столкнулся с колдуньей:

– Они напали?!

– Еще нет. Это бьют штормовые гонги, такова традиция – по ним ориентируются корабли, находящиеся в море.

– Корабли Кольдера!

– Как знать. Но древних обычаев не изменить в одночасье. Гонги Сулькара веками служат тем, кто в море, и только Магнис Осберик может отдать приказ, чтобы они замолчали.

– Здесь часто такие туманы?

– Туманы здесь не редкость. Но такого что-то не припомню. – Колдунья вышла на смотровую площадку и так же, как минуту назад Саймон, некоторое время смотрела на быстро исчезающую гавань. – Мы, владеющие Силой, можем в известных пределах управлять явлениями природы. Но все равно никогда не знаем заранее, получится или нет. Любая из моих сестер умеет вызывать туман, который не только затмит противнику глаза, но и помутит на время его рассудок. Но это – не такой туман.

– Он хотя бы естественный? – спросил Саймон, почему-то уверенный в обратном.

– Когда гончар кладет глину на гончарный круг, разве она не естественна? Но искусные пальцы мастера придают глине задуманную форму, и она становится произведением искусства, произведением разума. Я думаю, некто – или нечто – соединил частицы воды и воздуха, придав им задуманную форму и теперь использует это в своих целях.

– Что ты скажешь, госпожа? – Корис подошел к ним сзади и, опершись на парапет, встал рядом. – Мы похожи на слепых котят!

Колдунья даже не обернулась. Она по-прежнему не сводила глаз с тумана, как естествоиспытатель, проводящий ответственный эксперимент.

– Есть два способа сделать нас слепыми котятками, и если это наваждение – ответим им тем же!

– Туман против тумана?

– Не совсем так, здесь клин клином не вышибить. Они призвали на помощь воду и воздух. Мы тоже призовем их... но уже по-иному. Сейчас нужен неожиданный ход. Пойдемте спустимся к воде. Пусть Магнис прикажет принести на главный причал несколько поленьев,

а еще лучше сухих щепок. Если щепок нет – пусть принесут ножи, мы сделаем все сами. Да, и еще нужна материя.

Глухие удары гонга эхом разносились по гавани. На причал принесли охапку щепок, и колдунья выбрала из них самую маленькую. Неумело работая ножом, она выстругала подобие кораблика – заостренный нос, закругленная корма. Саймон взял у женщины нож и принялся обстругивать кораблик сам. Его примеру последовали другие воины.

Вскоре у них появился целый флот из тридцати корабликов, каждый не больше ладони, с мачтой и парусами, сделанными из лоскутков. Игрушечный флот поставили в ряд на краю причала. Опустившись на колени, колдунья склонилась над самой водой и тихо подула в парус каждого кораблика.

– Ветер и вода, ветер и вода, – проговорила она нараспев. – Ветер, гони! Вода, неси! Туман, обмани!

Женщина, быстро перебирая руками, один за другим ставила кораблики на воду. Туманная пелена почти скрывала их, но она была еще не настолько густой, чтобы скрыть от Саймона поразительное зрелище: выстроившись клином, кораблики в боевом порядке двинулись прямо в самую гущу тумана. Когда головной кораблик достиг границы видимости, он был уже не жалкой, наскоро выструганной игрушкой, но великолепным могучим кораблем – не чета сторожевым кораблям Магниса Осберика, которыми тот так гордился.

Опершись о руку Саймона, колдунья поднялась с колен.

– Не верь глазам своим, человек из другого мира. Это только наваждение, но будем надеяться, что оно окажется не менее действенным, чем их туман, и отобьет у кольдеров охоту нападать.

– Не может быть! Они же не настоящие! – воскликнул Саймон.

– Мы слишком доверяем нашим чувствам. Раз можно обмануть зрение, обоняние и осязание, то почему бы наваждению не обмануть все сразу? Скажи, Саймон, вот если бы ты собирався войти в гавань, чтобы штурмовать крепость, и вдруг увидел в тумане идущий навстречу твоим кораблям вражеский флот, которого ты никак здесь не ожидал, не призадумался бы ты, прежде чем очертя голову броситься на штурм? Я ведь только пытаюсь выиграть время, ибо, подвергшись испытанию на реальность, наваждение быстро исчезает. Первый же корабль кольдеров, который попытается взять наше судно на abordаж, сразу обнаружит обман. Но иной раз и минута решает многое.

Вероятно, колдунья была права. Во всяком случае, если противник и намеревался подойти к крепости под прикрытием тумана, он этого не сделал. В ту ночь сигнал о нападении так и не прозвучал, хотя плотная завеса над городом не рассеялась даже с наступлением рассвета.

Три корабля в гавани тщетно ожидали приказов Магниса Осберика, а тот пережидал туман. Саймон пошел вместе с Корисом проверять посты гвардейцев, выставленные на стене, обращенной к морю. Временами им приходилось цепляться друг за друга, чтобы не потеряться. В соответствии с приказом равномерно били гонги, но уже не для безопасности находящихся в море кораблей, а для того, чтобы посты хотя бы слышали друг друга. Люди устали и, находясь в постоянном напряжении, чуть что – хватались за оружие. Опоздавший произнести пароль рисковал угодить под молниеносный удар меча.

– Если так и дальше пойдет, – заметил Трегарт, едва увернувшись от меча одного из сулькарцев, на которого они неожиданно натолкнулись, – кольдерам незачем будет штурмовать крепость. Мы сами перебьем друг друга, едва кому-нибудь померещится, что твое забрало похоже на клюв!

– Имей в виду, – откликнулся Корис, – противник тоже использует наваждения, порожденные нашими страхами. Но что еще нам предпринять?

– Пароль нетрудно подслушать. – Саймон не скрывал своих опасений. – Пост за постом, вся стена может оказаться в руках врага.

– Может, нападение уже началось? – полувопросительно произнес Корис. – Человек из другого мира, если ты знаешь, что нам теперь делать, – приказывай! Я охотно подчинюсь твоим приказам. Я воин и умею воевать. Точнее, кажется, умел. Я думал, что знаком и с колдовством, ибо всем сердцем предан Эсткарпу, но, честно говоря, ничего похожего раньше не видел и, полагаю, сделал все, что в моих силах.

– Я тоже не слыхал о подобных методах ведения войны, – поддержал его Саймон. – Такое любого поставит в тупик. Впрочем, мне кажется, с моря они не нападут.

– Потому что мы их оттуда и ждем? – быстро сообразил Корис. – Пожалуй, с суши им Сулькар тоже не одолеть – морские бродяги строили на совесть. Здесь нужны осадные машины и не одна неделя времени.

– Море, суша... Что остается?

– Земля и воздух, – сказал Корис. – Земля! Подземные ходы!

– На все ходы нам не хватит людей.

Вдруг глаза Кориса яростно вспыхнули, как и в тот раз, когда Саймон увидел его впервые.

– Есть способ охранять ходы без людей! Скорее к Магнису! – Капитан гвардейцев победил по извилистым коридорам, со скрежетом чиркая ножами по каменным стенам на поворотах.

На столе стояли в ряд пять медных сосудов различной формы. В каждый Корис положил по металлическому шарiku, и их унесли, чтобы расставить по крепостной стене, как раз над подземными ходами. Теперь при любой попытке взломать дверь, находящуюся глубоко внизу, шарик в сосуде загремит и даст знать о нападении.

С подземными ходами они разобрались. Оставался воздух. Не потому ли, что Саймон был знаком с воздушными боями, он напряженно вслушивался и до ломоты в шейных позвонках вглядывался во мглу, окружавшую башни крепости? Колдовство колдовством, но цивилизация, находящаяся на уровне примитивных самострелов, мечей, щитов и кольчуг, вряд ли может произвести нападение с воздуха – и все же...

Благодаря медным сосудам Кориса защитники вовремя узнали о первой атаке колде-ров, которая началась во всех пяти местах одновременно. Примыкающие к дверям подземные помещения были заранее забиты доверху всевозможными горючими материалами, какие только нашлись на складах крепости: тюками с шерстью и щетиной, дорогими тканями и мешками с зерном. Все это залили огромным количеством масла и смолы, которой корабельные смолили днища судов.

Когда шарики в сосудах загремели, подвалы забросали факелами и наглухо закрыли, перекрыв все проходы в цитадель.

– Пусть попробуют сунуть туда свои собачьи морды!

Магнис Осберик с яростью ударил боевым топором по дубовому столу в главном зале цитадели. С тех пор как туман обложил крепость, владыка мореходов впервые не казался озабоченным. Как всякий моряк, он ненавидел туман и опасался его, будь то порождение природы или сверхъестественных сил.

– А-ах! – Гул голосов в зале заглушил не просто крик боли. Лишь нечеловеческий ужас мог исторгнуть такой вопль из людских глоток.

У защитников Сулькара кровь застыла в жилах. Магнис Осберик набычился, словно готовясь ринуться на врага. Корис, держа меч наготове, пригнулся к земле, как будто набирался от нее силы. Остальные воины, находящиеся в зале, мгновенно смолкли.

Саймон напряженно ждал чего-то еще и, возможно, поэтому первым понял, откуда исходит угроза. Он побежал вверх по лестнице, которая тремя этажами выше выводила к сторожевому посту на крыше строения.

Но до третьего этажа Трегарт не добрался. Его остановили крики и лязг оружия. Саймон замедлил шаг и достал самострел. Какой-то воин кубарем скатился по лестнице, едва не задев его; кровь хлестала на стены и ступени из перерезанного горла сулькарца. Саймон поднялся еще немного и увидел страшную картину.

На площадке третьего этажа двое гвардейцев и трое сулькарцев, прижавшись спинами к стене, отчаянно пытались сдержать нападавших, которые наступали столь же яростно, как и те, что набросились на войско Эсткарпа из засады. Саймон несколько раз выстрелил, но сверху напирала такая могучая волна остроклювых шлемов, что остановить ее самострелом было немыслимо. Очевидно, противник сумел каким-то образом перебросить силы по воздуху и теперь захватил верхние этажи цитадели.

Враг прорвал оборону, но не время гадать, как это произошло, нужно действовать. Упали еще двое сулькарцев, погиб гвардеец. Убитые и раненые, свои и чужие, все тонULO в море остроклювых шлемов, а трупы скатывались по лестнице, не останавливаясь до самого подножия башни.

Саймон пробился на второй этаж и распахнул двери, выходящие на площадку. Мебель сулькарцев оказалась весьма тяжелой, но кое-что можно было все-таки сдвинуть с места. Собрав все свои силы, Трегарт начал выдвигать мебель на площадку, чтобы забаррикадировать проход.

Он как раз выносил тяжеленный стул, когда перед ним появился воин в остроклювом шлеме. Едва увернувшись от меча, Саймон обрушил свою ношу на голову противника, но и у него на щеке появилась большая ссадина.

– Сулькар! Сулькар!

Налившееся кровью лицо Магнаса Осберика стало таким же красным, как медная щетина его усов, – он уже яростно орудовал боевым топором, сдерживая натиск кольдеров у завала на площадке.

Потом Трегарт только и помнил, как беспрерывно заряжал самострел, прицеливался, стрелял, снова заряжал, а когда иссяк запас игл, он стал снимать обоймы с поясов убитых гвардейцев, но ни на минуту не прекращал стрельбы.

Враги оттеснили их небольшой отряд в зал и оттуда – на другую лестницу, но каждая ступень вниз давалась нападавшим дорогой ценой. Вдруг появились струйки дыма. На мгновение Саймону показалось, что в крепость проникли щупальца тумана, но скоро начало разъедать глаза, запершило в горле, и все-таки он продолжал стрельбу, пока это было возможно.

Лестница кончилась. Люди хрипло кричали, а едкий дым становился все гуще. Тильной стороной ладони Саймон провел по слезящимся глазам и плотнее запахнул кольчужный шарф. Его душил кашель.

Они отступали почти вслепую, запирая за собой тяжелые пятидюймовые двери одну за другой, пока не оказались в помещении, где находилась какая-то установка. Она возвышалась даже над гигантом Магнасом, который с безумным взглядом устремился к ней так, что мореходы и гвардейцы расступились.

Магнас Осберик потерял шлем, его лицо побледнело и казалось сильно постаревшим, плащ порвался и висел на одном плече. Боевой топор лежал на коже установке, и с него на каменные плиты стекала кровь. Широко открытыми глазами Магнас смотрел на окружающих – и не видел их. Саймон понял, что этот могучий человек близок к шоку.

– Уходите! – Владыка мореходов схватил топор и взмахнул им, никого не подпуская к установке. – Они напали с воздуха! Это крылатые демоны! Люди не могут сражаться с демонами! – Он вдруг засмеялся так ласково и радостно, словно собирался обнять возлюбленную. – Но у нас есть управа и на демонов! Сулькар никогда не будет гнездом этих вырожденцев!

Магнас взмахнул топором, красноречивым жестом отсекая своих подданных от гвардейцев:

– Вы доблестно сражались, братья из Эсткарпа. Но больше вам здесь делать нечего. Сейчас мы освободим энергию, питающую город, и взорвем крепость. Уходите и постарайтесь отомстить за нас этим летучим демонам! И будьте уверены, мы их всех захватим с собой! Уходите, братья! Предоставьте Сулькар его судьбе!

Гигант был настолько страшен, что гвардейцы, которых осталось человек двадцать, отступили в угол. Среди них, цел и невредим, стоял Корис – только сокол на его шлеме потерял в битве крыло. Тихо шевеля губами, колдунья спокойно подошла к своим воинам.

Обнажив мечи, гвардейцы дружно отсалютовали остающимся.

– Будет вам, люди Эсткарпа. Сейчас не время для парадов. Уходите! – буркнул Магнис, указывая на небольшую дверь в подземный ход.

Капитан гвардейцев уходил последним – плотно затворив за собой дверь, он запер ее снаружи. Шары в подземелье еще горели, пол был ровным, и гвардейцы стремительно продвигались вниз по туннелю к выходу.

Все явственней становился плеск воды, и наконец они вышли в пещеру, где у причала покачивалось несколько шлюпок.

– Ложись! – Корис толкнул Саймона в спину, и тот упал в одну из шлюпок.

Места было мало, и люди набивались плотно, буквально друг на друга, и вскоре Саймон оказался придавленным к самому дну. Дверь, через которую они вышли в пещеру, закрылась, свет погас, и наступила полная тьма. Саймон лежал неподвижно, пытаясь представить, что же будет дальше...

Шлюпки качались на волнах, и людей бросало от борта к борту. Саймон, ожидая взрыва, инстинктивно закрыл голову руками. Но тут качка усилилась, и его стало подташнивать – моряк он был неважный. Пытаясь совладать с тошнотой, он на какое-то время позабыл обо всем, и поэтому чудовищный взрыв застал его врасплох. Трегарту показалось, будто мир обрушился на него в этот миг, оглушив, раздавив...

Стоял полдень, когда Саймон поднял голову и глотнул свежего воздуха. Не обращая внимания на протесты, он выбрался из-под груды тел и осмотрелся: туман исчез, небо было чистым, а их шлюпки несло в открытое море, прочь от источника жара и пламени.

Одна... две... он насчитал три шлюпки. На корме их шлюпки у руля сидел Корис – Саймон сразу узнал его по фигуре. Кажется, они избежали преисподней, в которую превратился Сулькар, но не мешало бы знать, куда они направляются теперь.

Тумана не было и в помине, а весь берег охватило зарево огромного пожара; волнение на море усиливалось. Похоже, этот ужасный шторм был вызван взрывом, уничтожившим Сулькар. Жестокая качка снова заставила Саймона лечь на дно шлюпки, и в тот момент он отчетливо понимал одно: до полного спасения им еще далеко.

Часть вторая

Верлен

1

Брачный договор на топоре

Всюду, сколько видел глаз, расстилалось тускло-серое море, море цвета мутного стального зеркала, цвета лезвия топора, которое, сколько ни полируй, никогда не заблестит. Небо над морем – столь же блеклое, и кажется, нельзя увидеть, где кончается вода и начинается воздух.

Глядя в узкую бойницу башни, Лоиса поежилась. Она боялась высоты. Выдаваясь полукругом из стены замка, башня нависала прямо над острыми береговыми скалами, окруженными кипящей пеной. У девушки кружилась голова, но ее все время тянуло к бойнице, ибо морская даль, изредка перечеркиваемая полетом птицы, казалась ей воплощением свободы.

Уцепившись длинными пальцами за внешний край бойницы, она подтягивалась поближе и заставляла себя смотреть вниз, точно так же, как заставляла себя делать многое, чему противились ее природа и разум. Ей, дочери Фалька, давно пришлось отгородиться от всего ледяной стеной – стеной, которую не могут пробить ни побои, ни оскорбления.

Похоть ее отца не знала границ. Женщины появлялись и исчезали в Верлене одна за другой, а Лоиса с самого детства равнодушно смотрела на любовниц отца, иногда сравнивая их с собой. Ни на одной из них Фальк не женился, так как ни одна, к тайной радости дочери и великому гневу отца, не принесла ему потомства. Дело в том, что Верлен не принадлежал Фальку по праву рождения и властвовал он здесь только потому, что женился на матери Лоисы. Лишь покуда жива Лоиса, Фальк мог владеть замком, учиняя разбой и мародерство на суше и на море. В случае ее смерти в Карстене нашлось бы немало охотников из числа влиятельных родственников ее матери, готовых немедленно заявить свои права на Верлен.

Но родись у него сын от какой-нибудь из женщин, которые силком или своей волей оказывались на огромном ложе владыки Верлена, тогда другое дело. Тогда он не только мог бы рассчитывать на пожизненное владение замком, но и в соответствии с новым законом герцогства Карстен передать свои права сыну. Раньше, согласно древним обычаям, наследование шло по женской линии, но теперь – по мужской, однако, если мужская линия обрывалась, в силу снова вступал древний закон.

В глубине души Лоиса надеялась сохранить замок за собой. Если Фалька убьют в одном из разбойных набегов или он падет жертвой мести – а мстить было кому! – тогда и она, и Верлен обретут свободу, и тут уж она всем покажет, на что способна женщина! Они еще увидят, что долгие годы заточения не сломили ее.

Лоиса оторвалась от бойницы и прошлась по комнате. Здесь было мрачновато, с моря тянуло прохладой, но девушка уже привыкла к холоду и полумраку – они стали неотъемлемой частью ее жизни.

Пройдя мимо ложа, занавешенного пологом, Лоиса остановилась перед тщательно отполированным щитом, заменявшим ей зеркало. В ее безрадостной жизни стало привычным занятием стоять вот так и рассматривать свое тусклое и несколько искаженное отражение.

Лоиса была невысока. Только это и роднило ее с пышнотелыми женщинами, которые ублажали подданных отца. С теми, что получше, лорд Верлена развлекался сам. Лоиса была

худая и стройная, как юноша, лишь едва обозначенные округлости бедер выдавали в ней женщину. Прямые распущенные волосы ниспадали по плечам до самого пояса. Чуть желтоватые, даже на солнце они казались седыми, как у старухи. Бесцветные брови и ресницы придавали ее лицу какое-то отстраненное, почти пустое выражение. Тонкое бледное лицо, гладкая кожа, плоская грудь. Казалось, даже губы ее не имеют цвета. Тем удивительнее, что это чахлое дитя полумрака сохранило в себе ту силу, имея которую опытный воин тяжелому топору предпочитает гибкое лезвие меча.

Неожиданно Лоиса подняла руки к груди, сжала их и затем быстро опустила. Она с такой силой стиснула кулаки под свисающими рукавами, что ногти впились в кожу, но не повернулась к двери, ни единым жестом не выдала, что услышала звук отодвигаемого засова. Девушка прекрасно знала, что может позволить себе в отношениях с Фальком, и никогда не переступала хрупкой границы. Иногда она в отчаянии думала, что отец вообще не замечает ее неприязни.

Дверь распахнулась. Владыка Верлена не терпел никаких препятствий, он сметал их на своем пути, словно врвался во вражескую крепость. Фальк ввалился в комнату дочери с видом победителя, которому только что на острие меча поднесли ключи от взятого им города.

Если Лоиса была бледным порождением мрака, то Фальк казался повелителем солнца и пламени. Беспутная жизнь уже оставила на его лице свои отметины, но он все еще был красив: благородные черты, огненно-рыжие волосы, голова гордого принца. Люди Верлена боготворили своего лорда. Под настроение тот бывал щедр и великодушен, а его пороки нисколько не смущали распутных подданных.

Лоиса увидела Фалька в зеркале. В присутствии этого здоровяка она еще более поблекла.

– Приветствую тебя, лорд Фальк, – произнесла она, не оборачиваясь.

– Лорд Фальк? Я научу тебя разговаривать с отцом, девка! Сейчас проверим, ледышка ли ты на самом деле.

Он грубо схватил ее за плечо и повернул к себе с такой силой, что синяки наверняка останутся надолго. Лоиса знала, что это сделано умышленно, и не подала виду, что ей больно.

– Я принес тебе новость, узнав которую любая девка плясала бы от радости. Но что-то я не вижу ничего похожего на твоей рыбьей морде, – с деланным весельем сказал Фальк, но глаза его светились недобрым огнем.

– Мой господин не сообщил мне эту новость.

Пальцы Фалька еще сильнее впились в ее плечо, словно он хотел переломать дочери кости.

– Сообщу! Такая новость заставит выскочить из груди сердце любой девушки. Свадьба, девочка моя, свадьбочка!

Лоису охватил неведомый прежде страх, но она сделала вид, что не поняла:

– Владыка Верлена женится? Да будет судьба благосклонна к нему на этот раз.

Пальцы Фалька снова сомкнулись на ее плече, и, как бы шутя, он с силой встряхнул девушку:

– Хоть ты и уродина и нет в тебе ничего от женщины, ты вовсе не так глупа, как хочешь казаться. Морочь голову кому-нибудь другому. В твоём возрасте давно пора быть женщиной. По крайней мере сейчас у тебя появился прекрасный шанс для этого. И послушай моего совета – не вздумай играть в свои игры с будущим мужем. Говорят, в постели он любит послушание!

Итак, случилось то, чего она больше всего боялась и против чего была совершенно бессильна.

– Но брак требует обоюдного согласия... – Устыдившись минутной слабости, Лоиса прикусила язык.

Фальк расхохотался, наслаждаясь вырванным из ее уст протестом, и опять так сжал плечо, что девушка невольно застонала. Затем он развернул ее, словно деревянную куклу, и

ткнул лицом в зеркальный щит. При этом Фальк с наслаждением обрушил на нее поток оскорблений, зная, что грубость принесет ей куда большие страдания, нежели любая физическая боль.

– Посмотри на это бесформенное ничтожество, посмотри на то, что ты называешь своим лицом! Думаешь, найдется мужчина, который без содрогания сможет прижаться к нему губами? Благодарю судьбу, девка, что у тебя есть еще кое-что, кроме твоей уродливой рожи и костлявого тела. Ты станешь женой любому, кто попросит твоей руки. Да скажи спасибо мне, твоему отцу, который не даст тебя в обиду. Ты вообще должна ползать на коленях и благодарить судьбу за такого отца, как я!

Слова Фалька доходили до ее слуха, словно раскаты отдаленного грома. Объятая ужасом, Лоиса бессмысленно смотрела в зеркало, думая о том, кому из отцовских прихвостней, какому животному она достанется? Какая в том выгода Фальку?

– Сам герцог. – В голосе отца звучали торжество и недоверие одновременно. – Подумать только! Карстен – и этот кусок непропеченного теста! И ты еще толкуешь об обоюдном согласии? Да ты просто спятила!

Он неожиданно отпустил ее, Лоиса ткнулась головой в щит, и тот загремел, ударившись о каменную стену. Едва устояв на ногах, девушка повернулась к Фальку:

– Герцог?!

Она не могла в это поверить. Зачем могущественному Ивиану просить руки дочери мелкого барона с побережья, даже если у нее древняя и славная родословная по женской линии?

– Вот именно! Герцог! – Фальк плюхнулся на край ложа и принялся болтать ногами. – Тебе повезло, детка! Ты родилась под счастливой звездой. Сегодня утром прибыл герольд герцога с предложением брачного договора на топор.

– Зачем ему я?

Фальк перестал болтать ногами. Он не то чтобы помрачнел, но лицо его приняло серьезное выражение.

– Причин много. Как и ножей, которые точат за его спиной! – Фальк начал загибать пальцы. – При всем своем могуществе, прежде чем занять трон Карстена, герцог был простым наемником. Сомневаюсь, вспомнит ли он хотя бы свою мать, не говоря уже об отце. Он сокрушил всех своих соперников, но это было давно. Герцог не желает больше воевать, он устал выкуривать бунтовщиков из замков и хочет провести остаток дней в своем удовольствии. Породнившись со знатью, он приобретет залог мира! Хотя Верлен и не самый богатый замок в Карстене, но в жилах его баронов течет благородная кровь. Разве не этим тыкали мне в нос, когда я просил руки твоей матери? Я ведь не из знати – всего-навсего младший сын Фартома с Северных холмов. – Губы Фалька скривились, словно он вспомнил прежние унижения. – А ты – наследница Верлена. Для герцогини лучшего не придумаешь!

Лоиса рассмеялась:

– Трудно поверить, лорд, что во всем Карстене я – единственная девушка из благородного рода.

– Верно, детка, можно найти и получше. Но, как я уже сказал, дражайшая моя, ты имеешь не только костлявое тело, но кое-что еще. Верлен стоит на берегу моря, и, очевидно, герцог намерен мирным путем получить куда больше, чем взял силой оружия. Как тебе понравится, детка, если здесь будет большой торговый порт?

– А что на это скажет Сулькар? Мореходы блюдут свои привилегии и не допустят здесь...

– Скоро им будет не до того, – жестко и уверенно сказал Фальк. – У Сулькара беспокойные соседи. Они усиливаются, а Эсткарп, который обычно приходит Сулькару на помощь, ныне пустая раковина, выеденная колдовством. Один хороший удар – и страна колдуний падет. С ними давно пора покончить.

– Значит, Ивиана прельщает моя родословная и планы строительства порта? – Лоиса никак не могла поверить в это. – Но разве герцог вправе посылать свой топор с предложением

брака? Хотя я живу здесь затворницей, но мне известно, что в Карсе у него есть некая Альдис, приказы которой выполняются беспрекословно всеми, кто носит эмблему герцога.

– У Ивиана может быть и Альдис, и еще полсотни женщин, только тебя это не касается, детка. Роди ему сына. Сомневаюсь, правда, что твое чахлое тело вообще способно зачать мужчину. Дай ему сына, сиди с ним за одним столом и не требуй от него ничего, кроме обычной учтивости, да гордись оказанной тебе честью. А если будешь умницей, в свой час разберешься и с Альдис, и со всеми прочими. Помни, Ивиан вспыльчив и злопамятен. – Фальк встал и собрался уходить, но перед уходом он снял с цепочки на поясе маленький ключ и бросил его Лоисе. – Хоть ты и чучело, детка, украшения для свадьбы тебе не помешают. С тобой пойдет Беттрис, вкус у нее недурной, она поможет выбрать платье. И фату, фату не забудь. А за Беттрис проследи, чтоб не брала себе больше, чем сможет унести.

Лоиса поймала ключ с такой радостью, что Фальк рассмеялся:

– Все-таки ты женщина! Любишь украшения, как всякая девка. Ничего. Один-два шторма – и мы снова пополним нашу сокровищницу.

Фальк вышел, оставив дверь открытой. Крепко зажав ключ в кулаке, Лоиса закрыла за ним дверь. Долгие месяцы, пожалуй, даже годы она мечтала заполучить этот кусочек металла, и теперь, когда он у нее в руках, ничто не мешает ей взять из сокровищницы Верлена то, что ей нужно на самом деле.

С тех пор как на скалах между двумя мысами, окруженными рифами, поднялся замок Верлен, море принесло его владыкам богатый улов. Все эти сокровища находились в полном распоряжении хозяина замка. Должно быть, сделка с Ивианом была очень выгодна Фальку, раз он так расщедрился. Общества Беттрис Лоиса не боялась, зная, что последняя любовница Фалька столь же жадна, сколь и красива. Если не мешать ей пожить, она и не глянет в сторону Лоисы.

Девушка подбросила ключ на ладони, и улыбка наконец появилась на ее бледном лице. Знал бы Фальк, что возьмет себе его дочь из сокровищницы Верлена! Он удивился бы еще больше, узнав, что ей известно о древних стенах этого замка, за которыми он чувствует себя в полной безопасности. С горящими глазами она стояла перед зеркальным щитом.

Раздался торопливый стук в дверь. Лоиса презрительно скривила губы. Беттрис! Приказы Фалька исполняются мгновенно! Хорошо еще, что у нее не хватает наглости входить к дочери своего любовника без приглашения. Лоиса открыла дверь.

– Владыка Фальк... – начала женщина, стоящая в дверях. Ее броская красота и цветущий вид не могли не прельстить такого молодчика, как Фальк.

Лоиса показала женщине ключ:

– Да-да.

Даже не назвав наложницу по имени, Лоиса рассматривала ее круглые обнаженные плечи и пышную открытую грудь. За спиной Беттрис стояли двое слуг с сундуком. Лоиса вскинула брови, и женщина нервно засмеялась:

– Владыка Фальк велел тебе выбрать свадебный наряд, госпожа. Он не желает, чтобы ты скромничала в сокровищнице.

– Лорд Фальк щедр, – спокойно произнесла Лоиса. – Идем.

Женщины прошли через большой зал, направляясь во внешние помещения замка. Сокровищница находилась в самом основании цитадели, там, где располагались и покои Фалька. Лоису это вполне устраивало – она старалась держаться подальше от придворной жизни замка и редко бывала внизу. Наконец девушка открыла ключом заветную дверь, слуги внесли сундук и удалились, что ее тоже вполне устраивало.

Три шара под потолком освещали ящики и сундуки, тюки и сумки. С видом рыночной торговки, предвкушающей барыши, Беттрис провела руками по бедрам – от обилия сокровищ

у нее разбежались глаза. Она алчно переводила взгляд с одной кучи добра на другую, и тогда Лоиса, положив ключ в кармашек на поясе, решила подлить масла в огонь:

– Я думаю, лорд Фальк не будет против, если ты выберешь кое-что для себя. Кое-что – он так и сказал. Только не теряй головы и не жадничай.

Беттрис всплеснула пухлыми руками и прижала их к груди. Лоиса прошла на середину сокровищницы к столу и откинула крышку стоящего на нем ларца. Блеск драгоценностей на мгновение ослепил ее. Она и представить себе не могла, что за долгие годы грабежа в Верлене скопились такие богатства. Из-под груды спутанных цепочек и ожерелий Лоиса извлекла несколько аляповатую тяжелую брошь, отделанную красными камнями. Украшение было не в ее вкусе, но вполне подходило цветущим телесам любовницы отца.

– Взгляни-ка... – Лоиса протянула брошь женщине.

Та было схватила ее обеими руками, но тут же отдернула их. Переводя взгляд с броши на Лоису, она облизывала пухлые губы. Преодолевая отвращение, Лоиса приложила тяжелую брошь к глубокому вырезу платья Беттрис и едва не отдернула брезгливо руку, коснувшись ее нежной кожи.

– Тебе идет. Возьми!

Помимо ее воли, слова Лоисы прозвучали жестко, как приказ, но все-таки Беттрис заглотила наживку – не отрывая глаз от драгоценностей, она стояла у стола. Теперь хоть какое-то время Лоиса могла делать здесь все, что пожелает. Она осмотрелась, прикидывая, где можно найти то, что ей нужно, и стала медленно переходить от одной груды добра к другой. На многих сундуках белели пятна высохшей соли, от мешков исходили резкие незнакомые запахи. Наконец обнаружив сундук, в котором было то, что она искала, Лоиса отгородилась от Беттрис ящиками.

Только с виду наследница Верлена казалась слабой и хрупкой. Подобно тому как она научилась управлять своими чувствами и мыслями, она тренировала и свое тело. С трудом подняв тяжелую крышку сундука, она уловила запах смазки и поняла, что не ошиблась. Содержимое сундука было прикрыто белой тряпкой, которую Лоиса осторожно убрала, стараясь не запачкать руки и не оставить следов. Затем Лоиса достала из сундука кольчугу и примерила ее. Великовата. Она испугалась, что здесь вообще может не оказаться ничего подходящего ей по размеру, но продолжила поиски.

Девушка перебирала кольчугу за кольчугой, и наконец удача улыбнулась ей – на самом дне сундука она все-таки нашла небольшую кольчугу, которую, наверное, сделали по заказу для малолетнего сына какого-нибудь барона. Свернув плотнее свою находку, она убрала остальные кольчуги на место, чтобы никто ничего не заподозрил.

Беттрис все еще не могла оторваться от ларца с драгоценностями, и Лоиса не сомневалась, что куча украшений уже перекочевала к ней за пазуху, – однако именно это дало ей возможность вести свои поиски почти в открытую. Сложив в сундук, принесенный слугами, еще кое-какие необходимые вещи, девушка прикрыла их сверху шелком, бархатом и меховой накидкой.

Для отвода глаз Лоиса подошла к столу и тоже выбрала себе кое-какие драгоценности, а затем позвала слуг и приказала отнести сундук в свою комнату. Больше всего она боялась, что Беттрис увяжется за ней помогать разбирать вещи, но той было не до этого. Ей не терпелось поскорее остаться одной и полюбоваться наворованным.

Не теряя времени, но и не забывая об осторожности, Лоиса принялась за работу. Наспех выбранные платья, кружева и шитье она свалила на ложе, а затем, встав на колени, достала то, что было ей сейчас дороже всего. С великим тщанием, которого не удостоились свадебные наряды, Лоиса складывала в заплочный мешок и в седельные сумки все, что она приготовила заранее, собираясь бежать из Верлена: кольчугу, кожаную куртку под нее, оружие, шлем, золотые монеты и пригоршню драгоценных камней.

Она немного запыхалась, но вовремя успела убрать заплечный мешок и седельные сумки на дно сундука, навалив сверху свадебные наряды. Все было в порядке, когда послышались шаги Фалька, возвращавшегося за ключом.

Лоиса быстро накинула на голову кружевную фату, шитую серебром и отделанную жемчугом. Она подошла к зеркальному щиту и усмехнулась: вид у нее был самый дурацкий, но именно этого она и добивалась – ее папаше будет над чем погоготать.

2

Кораблекрушение

Не прошло и двух дней, а те обстоятельства, которыми Лоиса хотела воспользоваться, чтобы исчезнуть из Верлена, обернулись против нее. Ивиан не соизволил явиться в замок самостоятельно. Он не пожелал даже взглянуть на невесту, полагая, что с нее довольно и герцогских послдов. Поэтому Лоисе пришлось быть на людях и под маской безразличия скрывать нетерпение и еще более возросшее отчаяние.

В конце концов девушка возложила все свои надежды на свадебный пир, рассчитывая на то, что в замке все перепьются. Перед приближенными герцога Фальку наверняка захочется показать свое гостеприимство, и он откроет винные погреба, а уж тогда ей представится отличная возможность осуществить свой план.

Накануне вдруг начался сильный шторм. Всю свою жизнь Лоиса прожила у моря, но такого страшного ветра и таких огромных волн никогда еще не видала. Пенные гребни разбивались о стены башни, доставая почти до бойниц ее комнаты. Беттрис и служанка, которых Фальк прислал, чтобы они помогли ей подготовить свадебное платье, вздрагивали при каждом ударе.

Вдруг с расширенными от ужаса глазами Беттрис встала, уронив на пол шелковую ленту. Она сложила пальцы в священный знак, вспомнив, как это делали в ее деревне, когда она была еще девочкой.

– Колдовской шторм. – Сквозь крики чаек ее шепот едва дошел до слуха Лоисы.

– Здесь же не Эсткамп, – возразила она, спокойно, стезок за стезком, пришивая кружево к воротнику платья. – У нас нет власти над ветром и волнами. А Эсткамп не выходит из своих границ. Это самый обычный шторм. Если хочешь нравиться владыке Фальку, ты не должна бояться штормов, они в Верлене не редкость. Да и откуда, по-твоему, берутся все наши сокровища? – Лоиса вдела нитку в иголку.

Беттрис повернулась к ней лицом и сначала сложила губы бантиком, а затем оскалилась, показывая мелкие, острые зубки:

– Я выросла на побережье и знаю, что такое ураган на море! После шторма я ходила по берегу, собирая дары моря, и побольше твоего, госпожа! Но такого шторма я никогда не видела. Да и не слышала о таком! В нем беда, говорю я тебе, большая беда!

– Беда тому, кто оказался в море. – Лоиса отложила платье. Она подошла к окну, но в пенном кружеве ей не удалось ничего рассмотреть.

Служанка и не думала работать. Придвинувшись поближе к пылающему очагу, она раскачивалась взад и вперед, прижимая руки к груди, словно у нее болело сердце, и Лоиса подошла к ней. Обычно у нее не возникало ни жалости, ни интереса к женщинам, живущим в замке, но на этот раз, против обыкновения, она спросила:

– Болит?

Эта служанка выглядела поопрятней других, а может быть, ей просто приказали вымыться, прежде чем идти сюда. Но что-то в ее лице привлекло Лоису. Конечно же, она явно

не из деревни, не из тех крестьянских девушек, которых приводят в замок на потеху солдатам, а потом отправляют на кухню. Ее черты были искажены страхом, который, похоже, так долго был с ней, что превратил ее лицо в застывшую маску. Но под этой маской угадывалось и нечто другое.

Беттрис зло рассмеялась:

– Ничего у нее не болит. Дурные воспоминания. Она не так давно пережила кораблекрушение. У, дрянь! – Сафьяновым сапожком Беттрис пнула девушку, едва не опрокинув ее в огонь.

– Оставь служанку в покое! – не сдержала гнева наследница Верлена.

Фальк имел право на грабеж, и Лоиса ничем не могла ему помешать, а поэтому, чтобы не растревлять душу ужасными сценами, она после шторма всегда держалась подальше от берега и чаще всего не знала, что или кого выловили подданные отца.

Беттрис принужденно улыбнулась – она не смела перечить дочери владыки Верлена, но все же буркнула:

– Гони ты прочь эту упрямую дуру! Все равно, пока шторм не кончится, никакого проку от нее не будет. Да и после придется ждать, когда еще очухается! Одно только и есть, что к шитью способна, а то бы отправить ее на корм угрям.

Лоиса подошла к широкому ложу, где были разложены ее свадебные наряды, взяла большой платок, отделанный по кайме шелком, и набросила его на плечи дрожащей служанки. Не обращая внимания на остолбеневшую Беттрис, наследница Верлена опустилась на колени, взяла девушку за руки и посмотрела ей в лицо.

Беттрис потянула Лоису за рукав.

– Как ты смеешь! – грозно одернула та.

Но к Беттрис уже вернулась ее обычная наглость, пухлые губы расплылись в хитрой улыбке.

– Нам некогда, госпожа. Владыка Фальк разгневается, узнав, что в то время, как он подписывает брачный договор, ты возишься с этой дрянью. Что я скажу ему о причине твоей задержки?

Лоиса спокойно посмотрела наложнице в глаза:

– Я во всем послушна воле моего отца. Но не вздумай учить меня, ты, девка! – Она нехотя отпустила руки служанки. – Оставайся у меня, здесь тебя никто не тронет. Слышишь? Никто!

Поняла ли она? Служанка продолжала раскачиваться из стороны в сторону, очевидно испытывая страшные душевные муки, хотя страдания телесные, казалось бы, давно канули в прошлое.

– Ты мне больше не нужна. – Лоиса повернулась к Беттрис, и та вспыхнула, но спорить не стала.

– Госпожа, тебе не мешало бы узнать кое-какие женские хитрости. – Голос Беттрис окреп. – Я могу научить тебя обвораживать мужчин. Нужно подчеркнуть брови и ресницы. Алая помада для губ... – Беттрис воодушевилась – в ней проснулась кокетка. Она окинула Лоису оценивающим взглядом, а та, вопреки своему презрению к Беттрис и ей подобным, молча прислушивалась к ее словам. – Да, госпожа, если послушаешься меня, ты, быть может, отвратишь очи своего господина от этой Альдис. Есть много способов прельстить мужчину. – Беттрис облизала губы. – Госпожа, я многому могу научить тебя. – Она придвинулась к Лоисе, в ее глазах вновь появился алчный блеск.

– Ивиан берет меня и так, – сказала Лоиса, отвергая все поползновения Беттрис. – И должен быть доволен!

Беттрис пожала плечами:

– Как знаешь, госпожа. Но в таком случае ты очень скоро убедишься, что не все обернется по-твоему.

– А когда оно было по-моему? – спросила Лоиса. – Ступай. Ты же сказала, что нам скоро идти, а у меня еще много дел.

Во время подписания брачного договора Лоиса сохраняла свое обычное безразличие. Герцог прислал за своей невестой троих приближенных, их-то она и разглядывала с интересом.

Вот маршал Гунольд, верный друг Ивиана еще со времен наемничества. Даже в такую глухомань, как Верлен, докатилась слава о его воинской доблести. Вопреки ожиданиям, внешность Гунольда никак не соответствовала ее представлениям о прославленном воине. Лоиса ожидала увидеть этакого громилу, вроде сенешаля отца – ну, может быть, не такого грубого и неотесанного. Гунольд же оказался разнеженным вельможей в шелковом камзоле, и трудно было поверить, что в иные времена он носил кольчугу. Круглый подбородок, гладкие щеки и длинные ресницы придавали ему моложавый и добродушный вид. Пытаясь сопоставить внешность этого человека со всем тем, что она слышала о нем, Лоиса зашла в тупик и начала его побаиваться.

Старик Сирик представлял Храм Судьбы. Завтра, когда ее рука в знак верности Ивиану ляжет на рукоять боевого топора, он скажет положенные слова. Равнодушное красное лицо. Лоб пересечен вздувшейся синей жилкой. Слушал ли он или говорил что-то мягким низким голосом, Сирик непрерывно сосал леденцы. Подле него всегда находился слуга с баночкой наготове. Объемистый живот Сирика облегал желтая ряса священника.

Третьим был Дуарт, представитель знатных семейств Карстена. Маленький и тощий, он тоже не очень подходил для своей роли. Нижняя губа Дуарта постоянно дергалась, – казалось, он чувствует себя не в своей тарелке и даже тяготится возложенной на него миссией. Этот человек большей частью молчал, открывая рот лишь тогда, когда его о чем-либо спрашивали. Из всех троих он один обратил на невесту хоть какое-то внимание, но в его задумчивом взгляде не было и намека на сочувствие или обещание поддержки в будущем. Скорее он видел в Лоисе некое препятствие, которое следует рано или поздно убрать с дороги.

А наследница Верлена благодарила в душе древний обычай, избавляющий ее от необходимости присутствовать на ночном пиршестве. Завтра на свадебном пиру ей, конечно, придется сидеть за столом от начала и до конца. Но как только вино польется рекой... Остановившись на этой мысли, девушка поспешила к себе в комнату.

Лоиса совсем забыла о служанке. Войдя в комнату, она обнаружила ее у открытого окна. Вой урагана стихал, и шторм как будто шел на убыль, но ее поразил какой-то неясный звук, похожий на безнадежный стон. Соленый ветердохнул на нее из окна.

Раздраженная своими заботами и всем происходящим в замке, Лоиса решительно подошла к окну, оттолкнула от него служанку и с силой захлопнула раму. Хотя ветер ослабел, в тучах по-прежнему сверкали молнии. При очередной вспышке Лоиса наконец увидела то, за чем уже давно наблюдала девушка.

Прямо на скалы замка несло корабли. Такие суда каботажных торговцев разбивались здесь и раньше, если во время шторма попадали в коварное прибрежное течение. Именно это течение было источником богатства и проклятий для Верлена.

По всей видимости, на скалы несло остатки большого флота. В свете молний Лоиса не увидела на кораблях ни одного человека, не заметила никаких попыток избежать неминуемой гибели. Корабли, словно призраки, неслись навстречу смерти, но моряков, похоже, это несколько не волновало.

Люди Фалька уже выходили из ворот, с горящими факелами спеша на берег, – каждый хотел поживиться. Хотя вся добыча принадлежала Фальку и сокрытие ее грозило виселицей, многим удавалось на берегу что-нибудь урвать – люди Верлена занимались привычным делом. Они ставили сети, чтобы ловить обломки, а заодно и людей, потерпевших кораблекрушение. Лоиса оттащила служанку от окна и закрыла ставни.

К ее удивлению, на лице девушки уже не было прежнего страха. В глубине ее темных глаз светились ум, воодушевление и нарастающая сила.

Склонив голову набок, служанка прислушивалась, словно пыталась разобрать что-то сквозь грохот волн. Лоисе стало совершенно ясно: в какой бы стране ни жила эта девушка до того, как волны выбросили ее на берег Верлена, она никогда не была простой солдатской девкой.

– Та, что долго жила в заточении, – неожиданно зазвучал глухой, но сильный и твердый голос. – Пришло время выбора. В эту ночь решается судьба стран и народов!

– Кто ты? – спросила Лоиса.

Девушка менялась на глазах. Нет, она не казалась чудовищем, способным по своей воле принимать образ зверя или птицы, что всякие болтуны приписывают колдуньям Эсткарпа... Но то, что в ней было задавлено, почти вытравлено, вдруг ожило, пробудилось и вышло наружу.

– Кто я? Никто... ничто. Но грядет та, что сильнее меня. Сделаешь верный выбор, Лоиса, наследница Верлена, – будешь жить. Ошибешься – умрешь, как умирала я, по кусочкам, день за днем.

– Корабли... – Лоиса обернулась к окну.

Возможно ли, чтобы нашелся такой отчаянный завоеватель, который готов пожертвовать кораблями ради захвата маленького плацдарма на скалах, чтобы затем атаковать оттуда замок? Безумие! Корабли обречены, и едва ли кто из моряков доберется живым до берега, где их к тому же поджидают грабители Верлена.

– Корабли? – повторила девушка. – Там нет кораблей. Только жизнь или смерть. В тебе, Лоиса, есть что-то от нас. Докажи это – и ты победишь!

– Что-то от вас? Но кто ты?

– Я никто и ничто. Спроси лучше, кем я была, прежде чем ваши люди выловили меня из моря.

– Кем ты была? – как послушный ребенок, повторила Лоиса.

– Я из Эсткарпа, женщина с побережья. Теперь ты поняла? Я владела Силой, покуда в зале, что под нами, ее не вырвали из меня гогочущие мужчины. Ибо Дар, которым владеют наши женщины, теряется, когда над нами совершается насилие. В Верлене увидели лишь мое женское тело, и здесь я потеряла все, что было моей жизнью. Я потеряла себя. Понимаешь ли ты, что значит потерять себя? – Она внимательно посмотрела на Лоису. – Я готова поверить, что понимаешь, ибо ты стремишься сохранить в себе то, что имеешь. Дар во мне угас, его затоптали, как затаптывают тлеющие угольки в костре. Но зола еще осталась. Поэтому я знаю, что волны несут сюда ту, которая во много раз сильнее меня. От нее зависит наше будущее. И не только наше!

– Колдунья!

Лоиса не отшатнулась в страхе, напротив, она даже воодушевилась. О колдуньях Эсткарпа ходили легенды. Она внимательно выслушивала все рассказы об их чудесах, что доходили до Верлена с севера. Теперь Лоиса корила себя за упущенное время – почему так поздно узнала она об этой женщине?..

– Да, я колдунья. Так называют нас. Но не думай, Лоиса, что я смогу тебе чем-нибудь помочь. Теперь я всего лишь обуглившаяся головешка. Лучше ты сама собери всю свою волю и разум, чтобы помочь той, что грядет.

– Волю и разум! – Лоиса хрипло рассмеялась. – Есть у меня и то и другое, но нет и не было власти! Ни один солдат не подчинится моему приказу, даже пальцем не двинет! Обратись лучше к Беттрис. Когда отец доволен ею, она может оказать протекцию.

– Когда придет та, тебе нужно будет лишь воспользоваться случаем. – Девушка сняла с плеч платок и аккуратно свернула. Положив его на край ложа, она направилась к выходу. – Не упусти случая, Лоиса. Эту ночь можешь спать спокойно. Твой час еще не пробил.

Она быстро вышла. В растерянности Лоиса даже не сделала попытки удержать ее, а в комнате стало настолько пусто, словно девушка унесла отсюда последнюю искру жизни.

Не спеша Лоиса сняла свадебный наряд и, не глядя в зеркало, расплела волосы. Ей почему-то не хотелось смотреть в зеркало, все казалось, будто кто-то стоит у нее за спиной и подглядывает. С тех пор как Фальк стал хозяином Верлена, много грязных дел свершилось в большом зале замка. Но теперь Лоиса была полна решимости отомстить хотя бы за одно преступление, отомстить за эту женщину из Эсткарпа.

Погрузившись в мрачные размышления, она совсем забыла, что сегодня канун ее свадьбы. Впервые за последние дни Лоиса не достала со дна сундука военное снаряжение, чтобы проверить его и помечтать.

Над морем завывал ветер, но волны уже не были такими высокими, как прежде. Спрятавшись от ветра, люди Фалька терпеливо ждали добычи. Корабли, так красиво выглядевшие из окна башни, с берега казались еще прекраснее.

Запахнув поплотнее плащ, Гунольд пристально вглядывался во мглу. Корабли не из Карстена. Значит, кораблекрушение только на руку герцогству. Гунольд был уверен, что они станут свидетелями гибели вражеского флота. Как все удачно складывается! Ему выпала возможность проследить за действиями Фалька в таких обстоятельствах. По слухам, благодаря мародерству в Верлене скопились огромные богатства. Раз уж Ивиан женится на этой затравленной девке, он вправе потребовать отчета обо всех сокровищах. Гунольду явно повезло – он все увидит собственными глазами и доложит лично герцогу.

Стало уже очевидным, что корабли обречены и не смогут миновать рифов. Люди Фалька дружно высыпали из укрытий и принялись устанавливать на берегу фонари. Если эти дураки на кораблях примут их за маяки – тем лучше. Они только сэкономят им время!

Свет фонарей выхватил из мрака нос первого корабля, волны неумолимо несли его на берег, где мародеры спорили о том, в каком именно месте он разобьется. Высоко задрав нос, корабль поднялся на гребне волны и упал днищем на камни. И вдруг – исчез!

Люди на берегу остолбенели от неожиданности. Они были совершенно уверены, что прямо на их глазах корабль разбился и его обломки плывут в сети. Но сети были пусты, только ветер свистел в них. Ни корабля, ни обломков...

Никто на берегу не мог сделать ни шагу, люди не верили своим глазам, а тем временем приближался второй корабль. Он шел прямо на скалу, где стояли Гунольд и Фальк, словно его направлял невидимый рулевой, ведь у снастей никого не было и палуба была пуста.

Снова волны подняли прекрасный корабль, чтобы обрушить его на острые скалы. На этот раз судно было так близко к берегу, что Гунольду не составило бы труда прыгнуть на пустынную палубу. Нос корабля задирался все выше и выше, резной фантастический зверь на носу поднял к небу оскаленную пасть. И – вниз! Вода закипела...

Но и этот корабль исчез!

Гунольд схватил Фалька за плечо и увидел на его побледневшем лице маску невероятного ужаса. Появился третий корабль, но люди Верлена с дикими криками ринулись прочь. Брошенные на берегу фонари освещали расставленные сети, в которые, помимо грязной пены, не попало в этот раз ничего.

Чуть позже за сеть ухватилась чья-то рука, она вцепилась в нее отчаянной мертвой хваткой. Волны перекачивали тело, но унести в море уже не могли – сеть была закреплена надежно. Затем, отдышавшись, полумертвый, избитый о камни пловец ползком выбрался на пляж, распростерся на песке и затих...

Пленная колдунья

Все обитатели Верлена решили, что исчезнувшие корабли – не что иное, как насланное демонами наваждение. Даже на следующее утро Фальку вряд ли удалось бы заставить своих людей выйти на берег. Да он и не приказывал им, не рискуя лишний раз испытывать границы своей власти.

Все формальности с брачным договором он хотел завершить прежде, чем слухи о случившемся докатятся до Карса и послужат герцогу предлогом для отказа от наследницы Верлена. А чтобы хоть как-то отвлечь его послов от суеверных страхов, Фальк повел их в сокровищницу. Всем троим он сделал дорогие подарки, самому же герцогу, в знак восхищения его воинской доблестью, лорд Верлена просил преподнести от своего имени меч и ножны, усыпанные драгоценными камнями. Постоянно помня о ночном кошмаре, Фальк покрывался холодным потом и все время боролся с собой, чтобы не отдать приказа обыскать все закоулки и темные углы в замке.

От него не ускользнуло, что посланцы герцога избегают говорить о ночном происшествии, но оставалось только гадать – хорошо это или плохо. Однако примерно за час до брачной церемонии, когда они расположились в покоях Фалька, Гунольд вдруг извлек из своего подбитого мехом плаща какую-то вещицу. Он осторожно поставил ее на подоконник поближе к свету.

Тяжело пыхтя и придерживая руками живот, Сирик наклонился, с любопытством ее разглядывая.

– Что это, маршал? Зачем отобрали игрушку у деревенского мальчишки? – спросил он, отдуваясь.

Гунольд поднял на ладони грубо выструганный игрушечный кораблик с обломанной палочкой вместо мачты.

– Это, святейший, могучий корабль! – ласково сказал он. – Один из трех, что разбились нынче ночью под стенами замка. Ты прав, Сирик, это игрушка, только мы в такие игры не играем. Именем Карстена я требую от барона Фалька ответа! Что за дела у него с исчадиями Тьмы – колдуньями Эсткарпа?

Фальк напрягся, лицо его побледнело, а затем побагровело от прилива крови. С изумлением глядя на деревянный кораблик, он огромным усилием воли подавил гнев, понимая, что если сейчас сорвется, то все пропало.

– Разве послал бы я на берег своих людей собирать обломки такого кораблика? – Фальк старался сохранить видимость спокойствия. – Ты, вероятно, нашел эту штуку на берегу сегодня утром. Но с чего ты решил, что эта щепка и давешние корабли – одно и то же, да еще связал их с колдовством Эсткарпа?

– Да, я подобрал это на песке, – согласился Гунольд. – Но я давно знаю про колдовские наваждения, а поэтому прошел по берегу со своими людьми, и будь уверен, то, что мы нашли, – настоящее сокровище, не чета тому, что ты показывал нам утром. Эй, Марк, Джо!

Вошли два оруженосца и ввели связанную женщину, к которой оба, это было заметно, относились с большой опаской.

– Вот тебе флот! – Гунольд бросил кораблик Фальку. – А вот тебе человек, который, если я не ошибаюсь, и построил его!

Пленники, выброшенные волнами на берег, владыке Верлена были не в диковинку. С пленницами он тоже долго не возился, и дело, как правило, заканчивалось всегда одним и тем же. Похоже, гроза миновала, к Фальку вернулась его самоуверенность.

– Итак, – улыбаясь в предвкушении забавы, он откинулся на спинку кресла, – тебе попала колдунья!

С видом знатока он окинул женщину взглядом. Кожа да кости, но, несмотря на это, в ней чувствовалась сила. Можно и поразвлечься. Может, Гунольд сам пожелает укротить ее? Хотя колдуньи и не красавицы... А эта вообще выглядит так, словно волны носили ее по морю целый месяц. Он пригляделся к обрывкам ее одежды, что едва прикрывали тело, покрытое белым налетом высохшей соли.

«Такие кожаные куртки надевают под кольчугу, – подумал он. – Значит, у нее было оружие? – Фальк поежился. – Колдунья в кольчуге и в придачу призрачный флот! Неужели Эсткарп идет походом на Верлен? У колдуний с ним старые счеты. Но ведь с севера не поступало никаких тревожных известий. Есть над чем подумать... Но потом, потом. Сейчас все внимание на Гунольда. Как бы в последний момент не поссориться с герцогом».

Фальк старательно избегал взгляда женщины, но при всем том он чувствовал себя хозяином положения.

– Дорогой маршал, похоже, в Карсе не знают, что колдуньи силой взгляда способны подавить волю человека. Как я вижу, твои оруженосцы не приняли надлежащих мер предосторожности.

– А ты, похоже, хорошо знаком с колдуньями?

«Осторожнее, – подумал Фальк. – Гунольд стал правой рукой Ивиана благодаря не только мечу, и спорить с ним не стоит. Пусть увидит, что в Верлене нет предателей и болванов».

– Просто Эсткарп не впервые платит дань нашим скалам, – улыбнулся Фальк.

Увидев его улыбку, Гунольд тотчас распорядился:

– Эй, Марк! Набрось-ка плащ ей на голову.

Женщина стояла неподвижно. С тех пор как ее привели, она не проронила ни слова. Может, от длительного пребывания в воде или от удара о камни она еще не пришла в себя и находится в полубессознательном состоянии? Но люди Верлена не теряли бдительности, ибо эта женщина не кричала, не просила пощады и не сопротивлялась попусту. Как только ей на голову накинули плащ, Фальк придвинулся поближе. Его слова были обращены к сидящим вокруг мужчинам, хотя на самом деле они адресовались только женщине. По ее реакции Фальк хотел убедиться в правильности своего предположения.

– Разве маршалу неизвестно, как можно обезвредить колдунью? Это очень просто! И даже немножко приятно... – С видимым удовольствием он пустился в непристойные объяснения.

Сирик расхохотался. Обеими руками он держался за трясущийся живот. Гунольд тоже наконец улыбнулся:

– У вас в Верлене весьма изысканные развлечения.

Один только Дуарт, казалось, не разделял общего веселья. Опустив глаза, он молча тербил пальцы, но вскоре и на его бледных щеках, которые скрывала коротко стриженная седая борода, проступила краска.

Женщина с плащом на голове стояла неподвижно и не издала ни звука.

– Уведите ее, – приказал Фальк. – Пусть сенешаль присмотрит. Мы еще поразвлекаемся с ней. Всему свое время. – Он опять стал радушным хозяином, перестав опасаться за свое положение. – Что же, согласно воле герцога приступим в брачному договору.

Фальк терпеливо ждал. Если бы хоть кто-нибудь знал, с каким нетерпением жаждал он услышать заключительные слова, которые должен был произнести Гунольд. Даже тогда, когда Лоиса, положив руки на рукоять топора, будет стоять перед алтарем редко посещаемой часовни

Верлена, даже когда Сирик, тяжело пыхтя, будет произносить положенное по обряду, Гунольд может еще именем герцога отказаться от этого брака. Но если Лоиса все-таки станет герцогиней Карстена – ничто не помешает Фальку осуществить свой план. Он вынашивал его долго и рассчитал на много ходов вперед.

– Да-да. – Сирик запыхтел и тяжело встал, поправляя рясу. – Бракосочетание... Не будем томить невесту, Дуарт... Эх, молодость, горячая кровь... Да-да... Бракосочетание!

«Теперь все у меня в руках, – подумал Сирик удовлетворенно. – А этому лупоглазому солдафону нечего высказывать. Другое дело благородный Дуарт. Только ему и приличествует держать топор от имени своего повелителя. Это он, Сирик, посоветовал герцогу послать Дуарта. Ивиан все понял и тепло попрощался с ним перед отъездом из Карса. Скоро Ивиан поймет и то... А пожалуй, уже понял, что в союзе с Братством Храма и при поддержке древних родов Карстена ему незачем якшаться с бунтовщиками вроде Гунольда. Пусть этот брак ознаменует собой начало конца Гунольда!»

Похолодало. Лоиса быстро шла по галерее главного зала. Она терпеливо выслушала все здравные речи, но ее тошнило от этих велеречивых пожеланий счастья. Какое там счастье... Ей не нужно ничего, кроме свободы!

Захлопнув за собой дверь, она закрыла ее на все три засова. Теперь, чтобы проникнуть сюда, понадобился бы хороший таран. Лоиса принялась за работу. Первым делом она сняла с себя все украшения. Свадебный наряд – долой! Расстелив на полу платок, она стояла босиком перед зеркальным щитом, слишком возбужденная, чтобы чувствовать холод, идущий от каменных плит. Тяжелые распущенные волосы сбегали по ее плечам до обнаженных бедер.

Сначала Лоиса отрезала их на глазок, безжалостно работая ножницами, и волосы, прядь за прядью, бесшумно падали на платок. Затем, более осторожно, девушка подровняла стрижку так, чтобы волос не было видно из-под шлема. Теперьгодились и наставления Беттрис. С большим тщанием Лоиса подчеркнула сажей белесые брови и короткие ресницы, она так увлеклась деталями, что забыла на миг о целом. Отступив от зеркала, девушка внимательно оглядела свое отражение и просто поразились переменам, происшедшим с ее лицом.

Теперь Лоиса чувствовала себя уверенней и не сомневалась, что ей удастся пройти через главный зал никем не узнанной. Она подошла к ложу и стала облачаться в военное снаряжение. Затянув на поясе португею, она уже нагнулась за седельными сумками, но неожиданно ее рука остановилась. Что-то мешало ей немедленно покинуть Верлен. Весь день, пока длилась брачная церемония, она терпела, и только мысль о бегстве помогала ей держаться. Она так ждала этого вечера, понимая, что для прикрытия ее бегства ничего лучше, чем свадебный пир, и придумать нельзя, – весь замок будет кутить, и вряд ли караульные устоят перед хмельным соблазном. А кроме того, она нашла потайной ход!

Но что-то не давало ей уйти, заставляло терять драгоценное время, что-то неодолимо тянуло ее на галерею главного зала, где кипел свадебный пир... Помимо своей воли, Лоиса ринулась к двери.

Что там говорила служанка?.. Кто-то грядет на крыльях бури... Не упустит случая, Лоиса, наследница Верлена! Вот он, ее случай! Она не упустит его! Она употребит всю свою хитрость, всю осторожность, выработанные за долгие годы унижений в замке Фалька.

Девушка бросилась не к потайному ходу, о котором Фальк и его люди даже не подозревали, а к двери в главный зал. Не в силах устоять перед этим бессмысленным безрассудством, Лоиса не заметила, как ее руки сами отодвинули засовы. И вот уже ее каблуки стучат по лестнице на галерею...

Тепло от очага внизу сюда не доходило, голосов нельзя было разобрать. Пирующие ели-пили, и, похоже, скоро они перейдут к иным развлечениям. Лоиса вздрогнула от отвращения,

но не двинулась с места. Она не отрывала взгляда от главного стола и сидящих за ним людей, словно ей было важно не пропустить ни одного их жеста.

В часовне Верлена Сирик показался Лоисе весьма величественным. А может, это ряса священника преобразила его на время. Теперь же он являл собою сплошное пузо и все еще отправлял себе в рот содержимое бесконечных блюд и подносов, в то время как его сотрапезники давно насытились и только пили.

Покуда Лоиса не ушла из-за стола, любовнице отца там не было места, и Беттрис это прекрасно знала. Фальк настоял на соблюдении всех приличий. Но сейчас Беттрис торжествовала. С богатой брошью на груди – той самой, что Лоиса дала ей в сокровищнице, – она вилась у резного подлокотника высокого кресла Фалька и любезничала с ним. Поскольку Лоиса почти ничего не слышала, ее зрение обострилось. От ее внимания не ускользнуло, как Беттрис зыркает по сторонам и строит глазки Гунольду, не упуская случая выставить на всеобщее обозрение свои белые плечи и грудь, соблазнительно выглядывающие из открытого красного платья.

Дуарт сидел на краешке кресла, погружившись в какие-то мрачные размышления. Он с таким выражением смотрел на свой кубок, словно на дне его увидел какое-то жуткое предзнаменование. Простой покрой его фиолетового камзола и старческая худоба придавали ему вид лекаря в этой расфуфыренной компании. Он явно не разделял общего веселья.

«Нужно уходить, и немедленно!» – спохватилась Лоиса. В дорожном плаще, прикрывающем кожаную куртку и кольчугу, смутной тенью промелькнет она в затуманенных глазах пирующих и какое-то время сможет чувствовать себя в безопасности. Правда, сейчас холодно, но ничего, скоро весна! Лоиса сделала пару шагов, но немой приказ, который привел ее сюда, опять вернул ее к перилам галереи.

Гунольд наклонился, что-то говоря Фальку. Видный мужчина этот Гунольд, не зря Беттрис поглядывает на него. Лисье лицо, такие же, как у отца, рыжие волосы. Маршал что-то быстро показал Фальку пальцами, и до слуха Лоисы приглушенным эхом дошел дикий хохот лорда Верлена.

Лицо Беттрис вдруг исказилось, она схватила Фалька за рукав, и губы ее зашевелились, а тот даже головы не повернул, но с такой силой оттолкнул любовницу от стола, что она упала на каменный пол позади кресла.

Дуарт поставил кубок и встал. Застегнув меховой воротник плаща, он что-то мрачно сказал, и Лоиса поняла – старик против чего-то возражает. Затем, увидев, как Дуарт отвернулся от стола, девушка догадалась, что он нарвался на очередную пошлость своих сотрапезников.

Гунольд засмеялся, а Фальк ударил кулаком по столу, приказывая налить вина. Тем временем старейший из посланцев герцога, петляя между столами, направился к выходу на лестницу, ведущую в отведенные ему покои.

У центральной двери вдруг засуетились. В зал вошли воины в кольчугах и встали в две шеренги, образуя проход к возвышению, на котором стоял главный стол. Шум несколько стих, когда ввели пленника, руки которого были связаны за спиной. Лоисе сначала показалось, что это мужчина. Но зачем у него на голове мешок? Не видя дороги, он спотыкался, а люди вокруг гоготали.

Проведя рукой по столу, Фальк очистил место между собой и Гунольдом. При этом он смахнул со стола недопитый кубок Дуарта, опрокинув его на Сирика, который начал было возмущаться, но никто не обратил на него внимания. Фальк достал из кармана две монеты, подбросил – они упали на стол вверх надписями. Фальк подвинул их Гунольду, предоставляя ему право бросать первым. С интересом разглядев монеты, Гунольд отпустил какую-то шутку и бросил – выпало два профиля. Теперь была очередь Фалька. Несмотря на недавнюю грубость своего любовника, Беттрис подползла поближе и не сводила глаз с вертящихся в воздухе

монет. Когда они упали, женщина прижалась к креслу Фалька, словно результат придал ей сил и отваги, а Фальк рассмеялся и шутливо отсалютовал своему гостю.

Гунольд встал и направился в конец стола. Воины вокруг пленника расступились. Не снимая с его головы мешка, Гунольд принялся расстегивать ремни его кожаной куртки, затем рывком сдернул ее и обнажил пленника по пояс. От неожиданности все присутствующие ахнули.

Под взглядами ухмыляющихся мужчин Гунольд схватил женщину за плечо. С неожиданной для его телосложения силой он легко поднял женщину на руки и двинулся к лестнице. Видя, что понаблюдать за забавой не удастся, Фальк выразил недовольство, и многие подданные поддержали его, но Гунольд отрицательно покачал головой и не остановился.

Почему-то из всех жертв лорда Верлена, которых Лоиса столько перевидала на своем веку, именно эту нужно было непременно спасти. Девушка с тревогой подумала о том, что ей не справиться с Гунольдом, а тем более с Фальком, если тот решит отправиться следом, но что-то неодолимо заставляло ее действовать вопреки здравому смыслу.

Лоиса поспешила в свою комнату. В мужской одежде бежать оказалось значительно легче. Снова она заперла дверь на все три засова и, сбросив плащ, стремительно подошла к зеркальному щиту. Не взглянув на свое отражение, она решительно отодвинула щит в сторону, открывая вход в систему потайных ходов замка, которую обнаружила три года назад.

Она побывала здесь много раз, исследуя каменные лабиринты, и сейчас, очутившись в темноте, напрягла память, определяя нужное направление.

Спускаясь, Лоиса считала ступеньки: еще немного вниз – и крутой поворот направо. Чтобы все-таки не сбиться с пути, девушка придерживалась рукой за стену.

Опять ступеньки, но на этот раз они ведут вверх. Вот круглое пятно света – это слуховая дыра. Здесь жилая комната, и в ней кто-то есть. Лоиса привстала на цыпочки и заглянула – все верно, это одна из опочивален.

Дуарт, показавшийся ей еще более изможденным и дряхлым, прошел мимо высокого ложа к камину и протянул руки к огню. Теперь на нем не было плаща с меховым воротником. Губы его шевелились, словно он в бессильной ярости проклинал кого-то.

Лоиса двинулась дальше. Следующая слуховая дыра была темной, и она решила, что это покои Сирика, который еще не вышел из-за стола. Лоиса поспешила к следующему отверстию, откуда бил золотой луч света. Не сомневаясь в том, что она достигла своей цели, и даже не заглянув в дыру, Лоиса принялась открывать потайную дверь.

Послышалось невнятное бормотание... Звуки борьбы... Всем телом Лоиса налегла на скрытую пружину, но механизм заело. Об этих ходах в замке, кроме нее, никто не знал, и, конечно, никому не было нужды поддерживать двери в рабочем состоянии. Проход был узким. Упершись руками в противоположную стену, Лоиса налегла на дверь спиной; та внезапно подавалась, и девушка едва устояла на ногах, ухватившись за косяк. Она развернулась и выхватила меч с ловкостью, которую приобрела за долгие годы тайных упражнений.

Гунольд, борющийся на ложе со своей отчаянно сопротивляющейся жертвой, поднял на Лоису изумленное лицо. С быстротой кошки маршал отскочил к дальней стене комнаты и схватил висевшую на стуле португезу с оружием.

4

Потайные ходы

Лоиса не сразу сообразила, что в воинском облачении Гунольд принимает ее за мужчину, явившегося помешать его забаве. Держа в руке обнаженный меч, он против всяких пра-

вил выхватил из кобуры самострел, но тут его внимание переключилось на женщину, которая, несмотря на связанные руки, ползла к нему по смятой постели.

Повинуясь скорее инстинкту, чем рассудку, Лоиса схватила попавшийся под руку камзол Гунольда и швырнула ему в лицо. Это спасло ей жизнь. Рука Гунольда дрогнула, и игла вонзилась в стойку ложа, совсем рядом с девушкой.

Изрыгая проклятия, Гунольд отшвырнул камзол и резко повернулся к женщине, но та уже стояла лицом к нему, пристально глядя в глаза маршала. Когда он обернулся, она даже не шевельнулась, только вдруг разжала губы, из ее рта вывалился овальный предмет и закачался, повиснув на короткой цепочке, которую женщина сжимала в зубах.

Гунольд остолбенел. Его полужакрытые глаза начали блуждать из стороны в сторону, следя за качающимся на цепочке дымчатым камнем.

Лоиса тоже застыла у ложа, наблюдая за происходящим, – такое могло привидеться только в кошмарном сне. Женщина повернулась спиной к Лоисе, и Гунольд, не сводя глаз с камня, повернулся следом за ней. Глаза Гунольда остановились лишь тогда, когда перестал раскачиваться камень, нижняя челюсть маршала отвисла, на лбу выступили капельки пота.

То чувство, которое привело сюда Лоису, по-прежнему руководило ею, все время побуждая исполнять некую строго отведенную ей роль в этой чужой игре. Девушка молча перерезала мечом веревку, туго стягивающую руки женщины, обрывки упали на пол, оставив после себя багровые рубцы на запястьях, а женщина тяжело уронила руки, словно они больше не повиновались ей.

В это время зашевелился Гунольд – его рука, держащая самострел, стала разворачиваться с таким невероятным напряжением, будто на нее давила огромная сила. Маршал взмок от пота, из приоткрывшегося рта на грудь текли слюни.

В нем жили, казалось, только глаза – они горели ненавистью и ужасом, но отвести их от дымчатого камня он не мог. Рука с самострелом медленно разворачивалась... Плечи маршала тряслись. Стоя в нескольких шагах от него, Лоиса физически ощущала все напряжение этой безмолвной борьбы. Гунольд уже не хотел убивать – он желал только спастись, но спасения для него не было.

Ствол самострела уперся наконец в горло, и Гунольд тихо взвыл, как зверь, пойманный в капкан. Щелкнул курок. Из горла хлынула кровь. Гунольд повалился вперед, и женщина отскочила в сторону, оттолкнув Лоису. Маршал рухнул на колени перед ложем и ткнулся головой в пол, словно еще умолял о пощаде, в предсмертной агонии цепляясь руками за покрывало...

Впервые за все это время женщина повернулась лицом к Лоисе. Она попыталась поднять распухшие руки, чтобы взять камень, но не смогла и тогда снова всосала его в рот, а затем повелительно указала взглядом на проем в стене.

Всю свою жизнь Лоиса жадно слушала рассказы о колдунях Эсткарпа. Но то были сказки о дальних странах, а в сказки можно верить, а можно и не верить. Еще сегодня, когда Беттрис, помогавшая ей одеваться к брачной церемонии, красочно описывала исчезновение кораблей прошлой ночью, Лоиса была настолько поглощена своими планами и опасениями, что не придала ее рассказу никакого значения.

Но увиденное сейчас перевернуло все ее представления о женщинах Эсткарпа и их колдовстве. От прикосновения колдуньи Лоиса вздрогнула и шагнула в потайной ход, желая в тот миг лишь одного – поскорее оказаться подальше от этой женщины. Но та решительно двинулась следом, и девушка поняла – у колдуньи еще много сил, несмотря на то, как с ней обращались в плену.

Лоиса торопилась уйти отсюда побыстрее еще и потому, что опасалась появления отца. Ненасытный Фальк мог ворваться в покои Гунольда в любую минуту. Но все же она не пожалела времени и усилий, чтобы тщательно запереть потайную дверь. Почувствовав в темноте

прикосновение безвольной руки колдуньи, Лоиса содрогнулась всем телом, но, несмотря на это, ухватила ее за пояс и повлекла за собой.

Они направились в комнату Лоисы. Время дорого. Вдруг Фальку захочется провести маршала? Или войдет камердинер Гунольда? А может, отцу взбредет в голову послать за Лоисой? Нет, этого она ждать не будет и еще до рассвета покинет Верлен – с колдуньей или без нее! Утвердившись в этом решении, Лоиса почувствовала себя уверенней.

Однако, оказавшись снова в освещенной комнате, Лоиса не смогла в угоду своему рассудку оставаться равнодушной к мукам своей спутницы. Она обмыла и перевязала мягкой тканью опухшие руки колдуньи, а затем подобрала для нее кое-что из своей одежды.

Немного погодя колдунья смогла наконец поднести руки к губам, и камень скользнул изо рта в ее горсть. Женщина демонстративно отстранилась, давая понять, что Лоисе нельзя касаться камня, но девушка и так не сделала бы этого ни за какие коврижки.

– Мне на шею. – Это были первые слова колдуньи.

Лоиса молча застегнула цепочку у нее на шее, заметив, что волосы колдуньи обрезаны так же коротко и неаккуратно, как у нее самой, – возможно, с той же целью...

– Благодарю тебя, наследница Верлена, – произнесла колдунья хриплым голосом. – А теперь, прошу, глоток воды.

Лоиса поднесла чашку к ее губам.

– Благодарить меня не за что, – сказала она, набравшись храбрости. – Как я посмотрю, твое оружие посильнее любой стали!

Колдунья смотрела на Лоису поверх чашки, глаза ее улыбались, и девушка почувствовала вдруг, что ей уже не так страшно, хотя рядом с этой женщиной она по-прежнему казалась себе слишком неуверенной, слишком юной и неуклюжей.

– Я не смогла бы применить свое оружие, если бы не твое появление. Одна я бы не рискнула – нельзя, чтобы оно попало в чужие руки. Даже под страхом смерти. Но довольно об этом... – Колдунья осмотрела повязки на запястьях, затем окинула взглядом комнату Лоисы и заметила на полу платок с горкой остриженных волос и седельные сумки на сундуке. – Похоже, дорогая герцогиня, ты не собираешься отправляться в свадебное путешествие.

То ли твердый голос колдуньи располагал к себе, то ли колдовская сила подействовала, но Лоиса открылась ей:

– Никакая я не герцогиня Карстена, даром что произнесли надо мной все положенные слова и посланцы Ивиана преклонили предо мной колени. – Лоиса улыбнулась, вспомнив, каких мучений это стоило Сирику. – Я не выбирала Ивиана и согласилась на это бракосочетание лишь для того, чтобы бежать из Верлена.

– Но ты пришла мне на помощь. – Колдунья пристально посмотрела на Лоису большими темными глазами, и от этого взгляда девушке стало не по себе.

– Я не могла поступить иначе! – призналась она. – Что-то не давало мне уйти. Твое колдовство, госпожа?

– Как знать, как знать. Я обращалась ко всем, кто здесь способен услышать меня. Похоже, наследница Верлена, нас объединяет нечто большее, чем просто опасность нашего положения. Точнее, – колдунья улыбнулась, – учитывая изменения в твоей внешности, наследник Верлена.

– Зови меня Брайант. Простой наемник. – Лоиса выложила заранее придуманную легенду.

– И куда же ты собираешься, Брайант? В Карс? Или на север? Там наемники скоро понадобятся.

– Эсткарп воюет?

– Точнее сказать, его вынуждают воевать. – Колдунья встала. – Сейчас некогда. Поговорим потом, когда будем подальше от этих стен. Ты ведь знаешь, как отсюда выбраться?

Лоиса вскинула седельные сумки на плечо и натянула на шлем капюшон плаща. Она собралась гасить свет, но колдунья указала ей на платок, лежащий на полу. Ругая себя за рассеянность, Лоиса сгребла платок и стряхнула волосы в догорающий огонь камина.

– Вот так-то лучше, – сказала женщина. – Не оставляй ничего, за что тебя могут потянуть обратно. В волосах сила! – Она обернулась к среднему окну. – Оно выходит на море?

– Да.

– Оставим ложный след, Брайант. Пусть смерть Лоисы прикроет нас.

Лоиса быстро открыла окно и бросила свое свадебное платье вниз на скалы. Колдунья подсказала также привязать к подоконнику и спустить из окна скрученную простыню.

– Не думаю, – сказала она, – что, увидев открытое окно, они начнут доискиваться другого выхода из комнаты.

Наконец они юркнули в потайную дверь за зеркальным щитом. Теперь их путь лежал во тьме. Лоиса посоветовала женщине держаться правой стены и спускаться поосторожнее. Пальцы их касались шершавых плит, и вскоре они почувствовали, что стена стала влажной. Пахнуло морем и затхлой гнилью. Вниз, вниз... Послышался приглушенный плеск волн. Лоиса считала ступени:

– Вот! Здесь проход к одному странному месту.

– Странному?

– Да. Я всегда старалась здесь не задерживаться, но сейчас, боюсь, придется. Нам нужно дождаться рассвета, иначе не видно дороги.

Сделав над собой усилие, Лоиса осторожно двинулась вперед. Она бывала в этом месте трижды и всякий раз испытывала необъяснимые страх и тревогу. Вот и вновь она ощутила нарастающую угрозу, сулящую, казалось, нечто худшее, чем просто смерть. Но девушка шла вперед не останавливаясь и увлекала за собой колдунью, чувствуя за спиной ее дыхание.

Вдруг колдунья еле слышно, будто боясь, что их могут подслушать, прошептала:

– Здесь Место Силы.

– Странное место, – пробормотала Лоиса. – Не нравится оно мне. Однако другого выхода из Верлена нет.

Они ничего не видели в темноте, но почувствовали, что узкий проход кончился. Лоиса уловила слабый луч света над головой и решила, что в трещину пробивается свет утренней звезды.

Неожиданно она обнаружила и другой источник света, который сначала слабо мерцал, но становился все ярче, постепенно освещая подземелье, словно кто-то поднимал тяжелый занавес. Потом девушка услышала какое-то певучее бормотание, но слов не поняла; голос гулко отзывался в таинственном подземелье. Мутное круглое пятнышко двигалось у самого пола, разгораясь все ярче, и Лоиса догадалась наконец, что это светится камень колдуни.

По всему ее телу вдруг побежали мурашки. Казалось, сам воздух здесь насыщен энергией. Лоисе остро захотелось чего-то, но чего – она не понимала. Попадая в это место раньше, Лоиса испытывала невероятный ужас и все же нарочно задерживалась здесь, заставляя себя бороться с ним. Сейчас страха не было, но ее охватило совершенно неведомое чувство, которому она не могла дать названия.

В свете камня Лоиса увидела колдунью: та раскачивалась из стороны в сторону с напряженным лицом и отстраненным взглядом, ее губы непрерывно шевелились. Она словно просила о чем-то, спорила, заклинала. Кого? Лоиса поняла одно: они находятся во власти какой-то энергии, которая исходит буквально отовсюду – из-под скалы у них под ногами, от стен, словно нечто дремавшее здесь много столетий неожиданно пробудилось и набирало мощь.

Что же это? Лоиса тщетно всматривалась в окружающую мглу, слегка рассеиваемую слабым светом дымчатого камня. Что скрывается здесь?

– Пора уходить! – твердо сказала колдунья. Ее темные глаза были широко раскрыты, руки безвольно опустились. – Это сильнее меня! Я не могу справиться. Здесь властвует древняя Сила, людям ее не одолеть и не постичь. Здесь поклонялись богам, которым уже тысячи лет не воздвигают алтарей. Древние Силы пробудились и могут восстать! Где выход? Нужно уходить, пока не поздно.

– Свет твоего камня поможет! – Лоиса прикрыла глаза, вспоминая дорогу. – Сюда! – Она решительно указала рукой.

По широким, грубо вырубленным и источенным временем ступеням, шаг за шагом, колдунья медленно поднималась в указанном направлении. Свет ее камня в самом деле достаточно освещал их путь.

Наконец они добрались до пещеры, от которой начинался подъем, ведущий к выходу на поверхность. В неверном свете кристалла они рисковали свернуть себе шеи среди нагромождения камней, но о промедлении не могло быть и речи.

Опасения Лоисы оправдались – подъем оказался трудным. Она догадывалась, каких мучений стоило колдунье цепляться за камни едва действующими руками, хотя та не проронила ни звука. Лоиса, как могла, помогала ей, подталкивая и подпирая ее в спину. Камни катились у них из-под ног, и обе каждую минуту рисковали рухнуть вниз. Наконец они выбрались наружу и в изнеможении повалились на жесткую траву, вдыхая соленый морской ветер и глядя на серое предзвездное небо.

– Поищем на берегу лодку или отправимся пешком к холмам? – спросила колдунья.

Лоиса села.

– Ни то ни другое, – решительно сказала она. – Мы вышли к пастбищу, на котором в это время года пасут коней. Тут поблизости и лачуга, где хранится сбруя. Но ее обычно охраняют.

Колдунья улыбнулась:

– Если там один стражник, то вряд ли он сможет противостоять двум отчаянным женщинам. Покажи мне эту лачугу – и считай, что охраны там уже нет.

Они пересекли пастбище. Лоиса знала, что кони должны быть недалеко от лачуги, поскольку за два дня до шторма там разбросали каменную соль.

Над входом в лачугу горел фонарь. Неподалеку Лоиса увидела и боевых коней, специально выведенных для того, чтобы носить в битве тяжеловооруженного воина. Но где-то здесь должны были быть кони поменьше, с густой жесткой шерстью; они предназначались для охоты на холмах и были значительно выносливее тех, которым отдавал предпочтение Фальк.

Наконец Лоиса заметила как раз двух таких лошадок – словно они явились, повинувшись ее мысленному зову. Девушка сложила на землю седельные сумки и тихонько свистнула. К ее радости, лошадки послушно подошли. Они принохивались друг к другу, длинные челки спадали им на глаза.

«Только бы они дали себя взнуздать!» – подумала она, обогнула лошадок и осторожно подошла к лачуге, которую, похоже, никто и не охранял. «Неужели караульный оставил свой пост и ушел пировать? – нахмурилась Лоиса. – Если Фальк узнает – охраннику несдобровать».

Она толкнула скрипучую дверь, и ей в нос ударил запах конского пота, кожаной сбруи, а также сильный дух деревенской медовухи. Три кружки крепкой медовухи валили с ног даже Фалька. Лоиса нечаянно опрокинула ногой кувшин, и из горлышка медленно потекла густая жидкость. Стражник сладко храпел на соломенном тюфяке. Взяв две уздечки и два седла, которыми пользуются охотники, она выскользнула из хижины и затворила за собой дверь.

Лошадки спокойно позволили взнуздать и оседлать себя – Лоисе оставалось только покрепче затянуть ремни. Когда, вскочив в седла, они двинулись по единственной тропе, что вела из Верлена, колдунья спросила ее:

– Так куда же ты собираешься, наемник?

– В горы. – До мельчайших подробностей девушка продумала план бегства из замка, но теперь, сидя в седле, она не представляла себе, что делать дальше. Вырваться из стен Верлена казалось ей столь несбыточной мечтой, столь недостижимой целью, что все свои усилия Лоиса направила на решение этой задачи, особенно не задумываясь ни о чем другом. – Ты говоришь, Эсткарп воюет?

Прежде ей никогда не приходило в голову отправиться в страну, рассказы о которой навевали страх. Но теперь, когда рядом с ней настоящая колдунья из тех краев, почему бы и нет?

– Да, наемник, Эсткарп воюет. Но что ты скажешь о Карсе, герцогиня? Не желаешь ли взглянуть на свое герцогство и собственными глазами увидеть, от какого будущего ты отказалась?

От неожиданности Лоиса пустила свою лошадку в галоп, что было здесь совсем небезопасно.

– Карс? – переспросила она и задумалась.

Конечно, герцогиней она быть не желает, но, с другой стороны, Карс – это центр южных земель, к тому же, если понадобится помощь, там всегда можно отыскать своих родственников. А затеряться в таком большом городе простому наемнику – пара пустяков, и это сейчас самое важное. Больше того, вздумай Фальк разыскивать ее, вряд ли ему придет в голову искать дочь в Карсе.

– Эсткарп немного подождет, – сказала колдунья. – Из Карстена исходит угроза, и я должна знать, что там замышляется.

Лоиса дала себя уговорить без всякого принуждения. Ей даже показалось, что она наконец нашла ту путеводную нить, следуя которой добьется всего, о чем только мечтала.

– В Карс так в Карс, – решила наследница Верлена.

Часть третья

Карстен

1

Склеп Вольта

Пять человек лежали на прибрежном песке небольшой бухты – один из них, с разбитой о камни головой, был мертв. День стоял жаркий, и солнце нещадно жгло полуобнаженные тела. Душный воздух был насыщен запахом гниющих водорослей.

Приподнявшись на локте, Саймон закашлялся. Его мутило. Он отполз чуть в сторону и выблевал то, что еще оставалось в его желудке. Это привело его в чувство, и, справившись с головокружением, он сел и осмотрел себя – все его тело было в синяках.

Мысли путались. Из всего происшедшего память сохранила лишь скудные обрывки. Кошмар начался бегством из Сулькара... Потом Магнис Осберик взорвал силовую установку, и взрыв не только стер с лица земли весь город, но и вызвал шторм, который разбросал по морю спасательные шлюпки с остатками гвардейцев.

Он вспомнил, как, очнувшись первый раз, насчитал три шлюпки, вышедшие из Сулькара, но потом началось что-то ужасное. Волны крутили и вертели их, как скорлупки, и в конце концов выбросили на береговые скалы. Сколько все это продолжалось?..

Саймон растер ладонью лицо – оно было покрыто налетом соли, ресницы слипались, глаза открывались с трудом. Оглядевшись, он понял, что, кроме него, в живых осталось только трое.

До самого горизонта расстиралось спокойное море. Волны лениво катали по песку клочья спутанных водорослей. А позади, за их спинами, возвышалась отвесная скала. Присмотревшись, Саймон обнаружил много трещин и решил, что здесь можно будет подняться, но пока он не испытывал ни малейшего желания карабкаться куда бы то ни было. Ему не хотелось даже шевелиться. После ледяной воды было так хорошо сидеть и греться на солнышке.

– Са-а...

Один из лежащих шевельнулся, и длинная рука отбросила в сторону пучок водорослей. Человек закашлялся, и его вывернуло наизнанку. Затем он поднял голову и тупо осмотрелся. Увидев Саймона, капитан гвардейцев Эсткарпа криво улыбнулся.

Встав на четвереньки, Корис по-крабьи отполз подальше от прибойной полосы.

– На Горме говорят, – прохрипел он, – кому суждено кончить жизнь на плахе, тот ни за что не утонет. Похоже, мне уготована плаха. Древние знали, что говорили.

С трудом Корис подполз к лежащему рядом гвардейцу и перевернул безвольное тело на спину: лицо воина тоже было покрыто белым налетом соли, но грудь его ровно вздымалась и опускалась – значит, жив.

– Это Дживин, – сказал Корис. – Отличный всадник, – добавил он задумчиво.

Саймон истерически расхохотался, прижав кулаки к ноющему животу.

– Вот уж действительно, – выдавил он сквозь смех, – это сейчас самое ценное качество!

Но Корис осматривал уже другого гвардейца:

– Танстон!

Услышав это имя, Саймон обрадовался. За свою недолгую службу в гвардии Эсткарпа он проникся глубоким уважением к этому младшему офицеру. Заставляя себя двигаться, он

помог Корису оттащить подальше от воды двух еще не пришедших в сознание гвардейцев. Затем, цепляясь руками за скалу, он поднялся на ноги:

– Воды бы...

Ощущение покоя, охватившее Саймона после того, как он очнулся, прошло. Страшно хотелось пить, каждая клеточка его тела жаждала влаги. Он мечтал не только напиться, но и смыть с тела жгучую соль.

Задрав голову, Корис мрачно осматривал скалу. Выбраться из этой бухты можно было лишь двумя путями: либо попытаться обогнуть скалы вплавь, либо лезть прямо на утес. Саймона мутило от одной мысли снова войти в воду – и так он спасся каким-то чудом.

– Здесь нетрудно подняться, – сказал Корис, но вдруг слегка нахмурился. – Похоже, углубления в стене вырублены специально. Правда, очень давно...

Прижавшись грудью к скале, он привстал на цыпочки, поднял над головой длинные руки и уцепился пальцами за небольшой выступ. Тело его напряглось: он подтянулся и начал карабкаться вверх.

Кинув последний взгляд на отмель и на двух гвардейцев, лежавших на песке, Саймон полез за ним. Похоже, капитан был прав. Силами природы или людьми сделаны эти углубления, как бы то ни было, но, цепляясь за них руками и ногами, взбираться оказалось значительно легче. Поднявшись метров на десять, они добрались до карниза.

Сомнений не оставалось – карниз дело рук человеческих: отчетливо виднелись следы инструментов каменотеса. Здесь отвесная стена кончалась, и далее шел крутой подъем до самой вершины утеса, но это было все-таки лучше, чем карабкаться по отвесной стене, когда кружится голова и подгибаются колени.

Корис снова заговорил:

– Сможешь дальше один? Я посмотрю, как там Дживин и Танстон.

Саймон закивал, но тут же пожалел об этом и ухватился за скалу, пережидая, пока мир вокруг него перестанет качаться. Стиснув зубы, он полез вверх по откосу, большую часть пути проделывая на карачках, и остановился, лишь когда скала внезапно расступилась перед ним. Потирая израненные пальцы, он вглядывался в темноту пещеры. Дальше наверх пути не было. Оставалось надеяться, что в пещере есть другой выход.

– Саймон! – раздался тревожный окрик снизу.

Он с трудом спустился обратно на карниз и посмотрел вниз. Там, задрав голову, стоял Корис, а рядом с ним – Танстон, поддерживающий Дживина. Саймон слабо помахал им рукой, и те с неимоверными усилиями поволокли Дживина вверх, на карниз.

Саймон ждал, он не хотел входить в пещеру один. Казалось, мужество оставило его и силы иссякли. Но едва над краем карниза показалась голова Кориса, Саймон снова воспрянул духом и помог ему затащить Дживина.

– Здесь какая-то тайна, – сказал капитан. – Я тебя снизу не видел, пока ты не помахал рукой. Кто-то хорошо потрудился, чтобы скрыть вход в пещеру.

– Ты думаешь? – Саймон недоверчиво помотал головой. – Да будь там хоть сокровища древних королей, они мне не нужны. Вот если бы вода...

– Вода! – эхом повторил Дживин. – Воды, капитан... – жадно попросил он, повернувшись к Корису.

– Воды пока нет, потерпи немного.

В пещеру можно было влезть только на четвереньках. Обдирая кожу на плечах и боках, первым протиснулся Корис.

Узкий проход кончился, но свет почти не проникал сюда, и приходилось держаться руками за стены.

– Тупик! – Рука Саймона уперлась в скалу. Но он поспешил с выводами: сбоку сочился слабый свет, и они увидели, что узкий проход сворачивает направо.

Они ускорили шаг, и все-таки в конце прохода их ждало разочарование. Свет не становился ярче, и, выйдя на открытое место, они оказались в сумерках подземелья, а не на солнце.

Источник света настолько поглотил внимание Саймона, что он на время забыл о головной боли. Вдоль стены шел ряд круглых отверстий, похожих на иллюминаторы, и сначала Саймон не мог понять, почему они не видели их с берега, ведь окошечки явно выходили на море. Но затем он решил, что это, возможно, эффект материала, которым были забраны отверстия, — он едва пропускал солнечный свет.

Впрочем, света было вполне достаточно, чтобы увидеть хозяина этой пещеры, который сидел неподвижно на каменном троне, вырубленном прямо из скалы. Руки его лежали на широких подлокотниках, голова склонилась на грудь, и казалось, что он спит.

Лишь когда Дживин шумно вздохнул, будто сдерживая рыдание, Саймон сообразил, что они попали в склеп, и душная тишина пещеры начала давить так, словно они находились в заколоченном гробу.

Преодолевая волнение и благоговейный страх, Саймон приблизился к подножию каменного трона, всмотрелся в сидящего и пришел к выводу, что этот человек — некогда вождь, жрец или король — не принадлежал к расе Эсткарпа или Горма.

Смуглая пергаментная кожа была гладкой, словно искусство балзамировщика превратило ее в полированное дерево. Черты полускрытого лица говорили о могучей воле и душевной отваге, крупный орлиный нос преобладал над остальными чертами. Подбородок сидящего был заострен, глаза глубоко запали. Казалось, этот человек произошел от птицы.

Это впечатление усиливала одежда, напоминающая оперение. Тонкая талия сидящего была охвачена широким поясом, а на коленях лежал такой огромный боевой топор, что Саймон усомнился, мог ли этот человек при жизни поднять его.

На голове мумии была корона, усыпанная драгоценностями. На пальцах, сжимающих рукоять топора, мерцали перстни. Но на всем вокруг лежала печать такой отчужденности, что Саймон не посмел подойти вплотную к трону.

— Вольт! — сдавленно вскрикнул Дживин, потом забормотал что-то на незнакомом языке.

Саймон решил, что это какое-нибудь заклинание.

— Подумать только! Легенда оказалась былью! — Корис подошел к Трегарту. Глаза его горели — как ночью во время битвы в Сулькаре.

— Неужели Вольт? — пробормотал Саймон.

— Вольт Воитель! — уверенно подтвердил Корис. — Вольт Громовержец! Вольт, которым пугают теперь непослушных детей! Эсткарп древен, корни его знаний восходят к доисторическим временам, но Вольт старше Эсткарпа! Он из тех, кто пришел сюда раньше нынешнего человечества. Род его вымер еще до того, как человек вооружился камнем и дубиной против диких зверей. Но Вольт пережил свой род, знал первых людей, а они знали его, знали его топор! Оставшись один, Вольт пожалел людей, и перед тем, как уйти навсегда, своим топором он прорубил людям дорогу к знанию и могуществу. Кое-где до сих пор поминают Вольта с благодарностью, хотя и побаиваются его, как боятся всего, что превышает разумения. В иных же местах его ненавидят лютой ненавистью, потому что мудрость Вольта противостояла их низменным побуждениям. Так что одни поминают Вольта молитвой, другие — проклятиями, он бог и демон. Теперь мы воочию убедились, что он существовал и даже в чем-то походил на нас. Хотя кто знает, какими неизвестными нам способностями он обладал.

Эй, Вольт! — Рука Кориса взметнулась вверх. — Я Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, приветствую тебя и сообщаю, что свет мало изменился с тех пор, как ты покинул его. Мы все еще воюем, и мир у нас недолговечен. А сейчас на нас ползет Тьма из Кольдера. И поскольку море лишило меня оружия, прошу, отдай мне свое! Если мне доведется встать лицом к лицу с кольдерами, я не посрамлю твоего славного топора!

Корис подошел к трону и решительно протянул руку. Саймон услышал приглушенное восклицание Дживина и шумное дыхание Танстона. Улыбаясь, Корис взялся за рукоять топора и осторожно потянул его на себя. Сидящий на троне казался совсем живым, и Саймон ожидал, что вот-вот костлявые пальцы сомкнутся и потянут топор обратно. Но этого не случилось. Топор легко перешел в руки Кориса, и казалось даже, будто тот, кто много столетий держал его, не только не противится, но и сам подталкивает оружие Корису.

Саймон ожидал, что рукоять топора прогнута и сейчас же переломится в руках капитана, но тот взмахнул им и рубанул воздух – лезвие остановилось в каком-нибудь дюйме над каменным помостом. В его руках оружие обрело новую жизнь, оно повиновалось воле Кориса.

– Благодарю тебя, Вольт! – воскликнул капитан. – Никогда еще мои руки не держали такого прекрасного оружия. С ним я проложу путь к победе! Я Корис с Горма, Корис Безобразный, но с твоей легкой руки, Вольт, я стану Корисом Завоевателем, и твое имя вновь прозвучит по всей земле!

Наверное, голос Кориса поколебал столетиями недвижимый воздух пещеры: это было единственное разумное объяснение тому, что произошло в следующее мгновение. Фигура на троне вдруг кивнула, раз-другой, словно Вольт принимал клятву капитана, и тут тело, еще мгновение назад казавшееся таким прочным, начало рассыпаться прямо на глазах.

Дживин в ужасе закрыл лицо руками, Саймон едва не вскрикнул. Вольт – если это и в самом деле был Вольт – перестал существовать, на троне осталась только горстка праха. Но топор – в руках Кориса! Первым оправился от изумления невозмутимый Танстон, обратившийся к своему командиру:

– Вольт исполнил свой долг. Капитан, теперь твоя очередь. Хорошо, что с тобой его оружие. Оно принесет нам удачу.

Корис еще раз ловко взмахнул топором, и лезвие со свистом рассекло воздух. Саймон отошел от опустевшего трона.

Оказавшись в этом мире, он уже принял как должное колдовство женщин Эсткарпа; оставалось принять и Вольта. Как бы то ни было, легендарный топор Вольта не принес им ни воды, ни пищи.

– Если отсюда нет другого выхода, придется возвращаться на берег и попробовать обойти скалы морем, – заметил Танстон.

Но выход нашелся. Позади трона они увидели проход, заваленный землей и щебнем. Ножам и просто руками они принялись расчищать завал. Даже со свежими силами им пришлось бы нелегко, а тут... Единственное, что заставляло Саймона держаться, – ужас перед возвращением в воду. Наконец они уперлись в закрытую дверь.

Должно быть, она была сделана из какой-то очень прочной местной древесины. Но гниение не тронуло ее. Больше того, казалось, будто естественный химический процесс за долгие века превратил дерево в камень. Вперед выступил Корис:

– Это мое дело.

Вновь взлетел топор Вольта. Саймон едва не вскрикнул, представив, как прекрасное лезвие топора расколется о камень, но раздался звон, и опять топор взмыл в воздух и вновь обрушился на дверь изо всех сил могучих плеч капитана.

Дверь раскололась, и часть ее упала наружу. Корис отошел в сторону, а остальные принялись расширять проход. В лицо им ударил яркий дневной свет, свежий ветерок разгонял затхлый воздух подземелья.

Разобрав остатки двери и продравшись сквозь заросли сухого бурьяна, они оказались на другой стороне утеса. Глазам их открылся спуск к ручью через луг с изумрудной весенней травой и маленькими желтыми цветами, разбросанными там и сям, словно золотые самородки.

Не говоря ни слова, Саймон заковылял вниз, чтобы поскорее промочить пересохшее горло и смыть с тела едкую соль. Чуть позже, подняв от воды мокрую голову, он обнаружил, что Корис исчез. Саймон ни минуты не сомневался, что капитан вышел из пещеры Вольта вместе со всеми.

– А где Корис? – Он повернул голову к Танстону, который с наслаждением тер лицо пучком мокрой травы.

Дживин, закрыв глаза, лежал на берегу ручья.

– Он вернулся к морю, – тихо сказал Танстон. – Гвардеец не должен оставаться открытым ветрам и воде, если о нем может позаботиться его командир.

Саймон пристыженно умолк. Он совсем забыл о мертвом воине, оставшемся на берегу. Хотя в гвардию Саймон вступил добровольно, он еще не чувствовал себя полноценным гвардейцем. Эскарп слишком древен, его жители, его колдуньи – слишком чужды ему. Что там обещал Петроний, уговаривая воспользоваться его услугами? Что он отправится в мир, который ему по душе? Саймон солдат – он и попал в воюющий мир, но здесь воюют не так, и порой он чувствовал себя лишним.

Саймон вспомнил женщину, с которой бежал по болоту, не зная еще, что она колдунья... Иногда ему казалось, что они чем-то близки друг другу... Но сейчас не было и этого.

При бегстве из Сулькара она оказалась в другой шлюпке. Неужели ее постигла та же участь, что и других в безжалостном море? В нем шевельнулось незнакомое чувство, которому он решил не давать воли, чтобы оставаться в этом мире сторонним наблюдателем. Повернувшись на другой бок, он подложил под голову согнутую руку, заставил себя расслабиться и уснул.

Спал он чутко и недолго, потому что, когда проснулся, солнце стояло еще высоко. Пахло стряпней. На небольшом костерке под скалой Танстон жарил рыбу, нанизанную на прутья. Корис спал в обнимку с топором, его юное лицо осунулось от усталости. Когда он бодрствовал, этого никто не замечал. Дживин, лежа на животе у ручья, голыми руками ловил рыбу, доказывая тем, что он не только отличный всадник.

Когда Саймон приблизился, Танстон приподнял бровь.

– Вот твоя доля, – показал он на рыбу. – Здесь, конечно, не трапезная гвардейцев, но все-таки...

Саймон хотел уже приступить к еде, когда заметил напряженный взгляд Танстона, и тоже посмотрел вверх. Над их головами описывала широкий круг черная птица с белым пятном на груди.

– Сокол! – выдохнул Танстон так, будто это слово означало опасность не меньшую, чем засада кольдеров.

2

Соколиное Гнездо

Распластав крылья, как всякая хищная птица, сокол завис над ними. Разглядев болтающиеся на его лапках красные ленты, Саймон понял, что сокол не дикий.

– Капитан! – Танстон тряс за плечо Кориса.

Тот сел и, как ребенок, стал тереть глаза кулаками.

– Капитан! Сокольники!

Корис задрал голову, потом встал и, заслонив глаза от солнца, некоторое время следил за парящей птицей. Затем капитан свистнул, и Саймон подивился точному маневру сокола.

Сложив крылья, он камнем упал вниз – прямо на рукоять топора Вольта, лежавшего в траве. Сокол раскрыл клюв и хрипло заклекотал.

Капитан склонился над птицей, осторожно взяв пальцами одну из лент, привязанных к ее лапе. На солнце сверкнуло металлическое кольцо. Корис пригляделся к нему.

– Налин. Он где-то неподалеку. Лети, крылатый воин! – сказал Корис, обращаясь к соколу. – Мы одной крови с твоим хозяином, и между нами мир.

– Жаль, капитан, что твоих слов не слышит этот самый Налин, – заметил Танстон. – Охраняя свои границы, сокольники сначала стреляют, а потом уж задают вопросы. Если, конечно, останется, кому их задавать.

– Именно так!

Эти слова раздались прямо у них за спиной. Гвардейцы резко повернулись, но не увидели ничего, кроме пустынного луга и скал. Неужели говорила птица? Дживин с сомнением поглядел на сокола, но Саймон, отказываясь верить в подобные чудеса, схватился за нож, единственное оружие, которое осталось у него при себе после бури.

Однако Корис и Танстон сохраняли спокойствие, – вероятно, чего-то в этом роде они и ожидали. Медленно и отчетливо, словно желая убедить невидимого слушателя, капитан заговорил:

– Я Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, меня выбросило штормом на этот берег. Со мной трое гвардейцев: начальник караула цитадели Танстон, Дживин и Саймон Трегарт, чужестранец, присягнувший на верность Эсткарпу. Клятвой Меча и Щита, Крови и Хлеба я прошу убежища. Мы не враждуем, но и над вами нависла угроза.

Его слова эхом прокатились по скалам, и все стихло. Сокол вновь хрипло закричал и взлетел в небо.

– Теперь остается ждать либо проводника, либо иглы в спину, – мрачно заметил Танстон.

– От врага-невидимки? – спросил Саймон.

Корис пожал плечами:

– У каждого народа свои хитрости, и сокольники – не исключение. Если они вышлют проводника, считайте, что нам повезло. – Он принялся. – А пока давайте-ка лучше подкрепимся.

Саймон ел рыбу, но при этом не сводил глаз с луговины у ручья. Его спутники, похоже, не особенно беспокоились, а он все пытался понять, откуда шел тот голос. Впрочем, в сложных ситуациях Саймон научился ориентироваться по поведению Кориса: раз капитан спокоен, значит серьезной опасности не предвидится. И все-таки Саймону хотелось узнать побольше о хозяевах этой земли.

– Кто они такие, эти сокольники?

– Подобно Вольту, – Корис ласково погладил рукоять топора, – они выходцы из легенды, хотя род их и не такой древний. Сначала они были просто наемниками и прибыли сюда на кораблях сулькарцев, покинув свою родину из-за нашествия диких племен. Они служили у мореходов в охране и нанимались в матросы. До сих пор некоторые молодые сокольники нанимаются на корабли. Но большинство из них сейчас уже не думают о море: любовь к горам у них в крови, ибо горы – их родина. Вот почему однажды они пришли к Верховной Владычице Эсткарпа и предложили взять на себя защиту южных границ в обмен на позволение поселиться в наших горах.

– Это было выгодное предложение, – заметил Танстон. – Жаль, что Владычица не смогла принять его.

– Отчего же?

Корис мрачно улыбнулся:

– Саймон! Разве ты не достаточно прожил в Эсткарпе, чтобы понять, что там установлен матриархат? Сила Эсткарпа не столько в мечях его воинов, сколько в его женщинах. Только

женщины владеют Даром колдовства. А у сокольников свои обычаи, и они дорожат ими ничуть не меньше, чем наши колдуньи – своими. Их мужчины живут в боевых отрядах, отдельно от женщин. Дважды в году избранные молодые воины отправляются в женские поселения, чтобы зачать новое поколение, – так в загон к кобылам запускают жеребцов. У сокольников нет понятия о страсти, о любви между мужчиной и женщиной. Они и мысли не допускают, что женщина годна на что-либо еще, кроме как рожать им сыновей. Потому-то цивилизованному Эсткарпу они показались дикарями. Верховная Владычица заявила, что, если сокольники поселятся в пределах Эсткарпа, колдовской Дар его женщин пропадет. И сокольникам было отказано в поселении. Но, снабдив их всем необходимым, Владычица разрешила им пересечь нашу страну, чтобы они ушли южнее и поискали себе другое место. Она объявила им, что, если они обоснуются за пределами Эсткарпа, колдуньи будут жить с ними в мире и не поднимут на них оружие. Но это было лет сто назад, а то и больше.

– И они укрепились в горах?

– Еще как! – воскликнул Танстон. – Трижды они отбивали нашествие полчищ из Карстена. Похоже, сами горы воюют на их стороне.

– Ты говоришь, Эсткарп не принял их союза, – заметил Саймон. – Тогда что это за Клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба? Или все-таки между вами существует определенное взаимопонимание?

Корис сосредоточенно принялся вытаскивать из рыбы кости, но, не выдержав, улыбнулся, а Танстон просто расхохотался. Лишь Дживин выглядел несколько смущенным, словно речь зашла о таких вещах, о которых говорить вслух не следует.

– Сокольники же – мужчины...

– Но ведь и гвардейцы Эсткарпа – тоже мужчины! – не отставал Саймон.

Корис мрачно усмехнулся, а Дживин нахмурился.

– Саймон, не пойми превратно. Мы глубоко почитаем обладательниц Дара. Но по самой своей природе они далеки от нас и живут другими интересами. Ты ведь знаешь, когда колдунья становится настоящей женщиной, она теряет свой Дар. Поэтому они ревниво блюдут себя, оберегая Силу, составляющую весь смысл их жизни. Они гордятся тем, что они женщины. Для них сокольники, не признающие ни женскую гордость, ни их Дар и видящие в женщине лишь бездуховную плоть, неприемлемы. Мы же, гвардейцы, хоть и не разделяем взглядов сокольников, но, как воины, уважаем их, и между нами нет вражды. Гвардия Эсткарпа не ссорится с сокольниками! А кроме того, – Корис выплюнул рыбью кость, – кажется, близок день, когда нам понадобится их помощь.

– Ты прав! – закивал Танстон. – Карстен постоянно угрожает нам. И хотим мы того или нет, если Карстен двинется на Эсткарп – между нами сокольники. Это все понимают. Может, потому Верховная Владычица и промолчала, когда после Большого Снега в прошлом году мы отправили зерно и скот в их селения.

– Там голодали женщины и дети, – заметил Дживин.

– Да. Запасы подошли вовремя, – добавил Танстон.

– Сокол? – Дживин указал рукой вверх, и они увидели зависшую над их стоянкой птицу.

На этот раз сокол оказался предвестником небольшого пограничного отряда. Всадники подъехали и остановились, глядя на гвардейцев.

У них были низкорослые кони, грубошерстные и выносливые, пригодные для езды по узким горным тропам. Седлами служили простые подушечки. У каждого всадника был раздвоенный рог, на котором сидела птица. Дозорный сокол, приведший сюда отряд, подлетел к предводителю всадников и сел на свое место.

Подобно гвардейцам Эсткарпа и сулькарцам, сокольники носили кольчуги, за спинами у них виднелись небольшие щиты. Шлемы их напоминали головы все тех же соколов, и, хотя

Саймон понимал, что в прорези забрала на него смотрят глаза обыкновенных людей, он чувствовал себя не очень уютно под этими взглядами.

– Я Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, – сказал Корис. Он стоял, опершись на топор, и ждал ответа.

Всадник, чей сокол только что вернулся к хозяину, поднял вверх правую руку в жесте, однозначном во все времена.

– Налин с гор! – раздался из-под шлема гулкий голос.

– Между нами мир, – полуутвердительно произнес Корис.

– Между нами мир. Владыка Крыльев примет капитана гвардейцев в Соколином Гнезде.

Саймон поначалу сомневался, что эти лошадки выдержат двойную тяжесть. Но, сев позади одного из сокольников, он убедился, что лошадки крепко стоят на ногах и даже как будто не замечают дополнительной тяжести.

Горная тропа, ведущая в крепость сокольников, была явно не рассчитана на слабонервных – лишь усилием воли Саймон заставлял себя не закрывать глаза, когда они продвигались по краю пропасти и его ноги зависали над каменной бездной.

Время от времени какая-нибудь птица поднималась в небо, улетала вперед, парила там над глубокими ущельями и снова возвращалась к своему хозяину. Саймона так и подмывало расспросить, как птицы общаются с людьми; ему казалось, что крылатые разведчики о чем-то докладывают своим хозяевам.

Наконец отряд спустился в ущелье, вдоль которого шла ровная, широкая дорога. Но всадники пересекли ее и снова стали карабкаться по кручам. Саймон решился заговорить со своим напарником:

– Я здесь на юге впервые. Разве эта дорога не ведет через горы?

– Это торговый тракт. Мы его охраняем, и только. Нам это выгодно. А ты тот самый чужестранец, что вступил в гвардию Эсткарпа?

– Да.

– В гвардию не берут простых наемников. – Сокольник помолчал. – Похоже, вас изрядно потрепало море.

– Люди не могут управлять бурей, – уклончиво ответил Саймон. – Мы живы... И на том спасибо.

– Благодаря судьбу, что вас не отнесло южнее. Грабители Верлена много чего вылавливают во время кораблекрушений, но не слишком-то заботятся о живых людях. Настанет день, – жестко продолжил всадник, – и Верлен убедится, что ни скалы, ни рифы не спасут его. Когда герцог наложит на замок свою лапу, там будут гореть не просто ложные маяки, там запылывает пожарище!

– А что, Верлен подвластен Карстену? – спросил Саймон. Он давно уже собирал факты вот так, по крупицам, чтобы составить себе представление об этом мире.

– По их обычаям, дочь лорда Верлена должна выйти замуж за герцога, поскольку право владения у них передается по женской линии. Тогда герцог сможет присвоить себе все сокровища Верлена, награбленные с разбившихся кораблей. А может, и вообще приберет к рукам все побережье. С давних пор наши мечи служат мореходам, хотя морские сражения – чуждая нам стихия. Но судя по всему, скоро нас опять призовут.

– Вы воевали на стороне Сулькара?

Сокольников кивнул:

– Гвардеец, мы пришли сюда из-за моря на кораблях сулькарцев! И с тех пор по первому зову приходим им на помощь.

– Больше вас не позовут... – начал Саймон и пожалел о том, что распустил язык.

– Что ты хочешь сказать? Наши соколы летают далеко, но не до северных гор. Что случилось с Сулькаром?

Саймон замешкался с ответом. Вдруг зависший над ними сокол громко заклекотал.

– Слезай! – резко приказал всадник Саймону, и тот молча повиновался.

Все четверо гвардейцев остались стоять на тропе, а верховые осторожно двинулись вперед. Корис подозвал к себе гвардейцев:

– Засада! Приготовиться к бою!

Вскинув топор на плечо, капитан побежал вслед за удалявшимися всадниками так быстро, что лишь Саймону оказалось под силу не отстать от него.

Впереди слышались крики и лязг оружия.

– Карстенцы? – выдохнул Саймон, догнав Кориса.

– Вряд ли. В этих местах завелись разбойники. Налин говорит, что они совсем обнаглели. На мой взгляд, появление этих головорезов хорошо вписывается в общую схему. С севера угрожает Ализон, кольдеры давят с запада, здесь – разбойничьи банды и подступает Карстен. Давно уже волки и стервятники мечтают вонзить когти в Эсткарп. Нас пока спасают только их взаимные распри. Да, есть народы, которые, переживая свой закат, уходят во тьму, но защищают остатки того, что им дорого.

– И это закат Эсткарпа? – на бегу спросил Саймон.

– Как знать... А вот и они!

Внизу, на торговом тракте, кипел бой. Сокольники спешили, поскольку узкое ущелье не давало всадникам преимущества. Они наступали плотной группой, вытесняя разбойников из засады на открытое место. Но в скалах прятались снайперы и осыпали сокольников градом игл.

Корис спрыгнул с карниза прямо на головы двум затаившимся снайперам. Саймон двинулся вдоль тракта; метко брошенный его рукой булыжник размозжил голову одному из разбойников. В тот же миг он снял с пояса поверженного врага самострел и обоймы с иглами и тут же вступил в схватку.

Птицы тоже не остались в стороне: они с клекотом пикировали на разбойников, выклеывая им глаза и раздирая когтями лица. Саймон стрелял без передышки, время от времени отмечая возгласом точное попадание. По мере того как таких возгласов становилось больше, в душе Саймона понемногу рассеивалась горечь от поражения в Сулькаре.

Пронзительный сигнал рога перекрыл крики соколов, по ущелью яростно заметался разорванный флаг банды, и уцелевшие разбойники начали отступление, уходя по скалам, где верховые сокольники не могли их преследовать. День клонился к вечеру, вокруг ложились черные тени.

Разбойники оказались вне досягаемости людей, но скрыться от соколов было практически невозможно. Птицы парили над скалами и нет-нет камнем падали вниз, а последующий вопль доказывал, что еще один враг наказан. Саймон поискал глазами Кориса. Тот все еще держал в руках обгаженный кровью топор, но при этом что-то оживленно обсуждал с одним из сокольников. Другие воины ходили между телами поверженных, время от времени они наклонялись и наносили короткий удар мечом, добивая раненых. Словом, делали то же самое, что Саймону уже довелось наблюдать после боя с кольдерами. Не желая смотреть на все это, он занялся подгонкой трофейной портупеи.

На свист хозяев из темноты возвращались соколы. Двух погибших сокольников положили на спину нервно вздрагивавшей лошади. Многие были ранены, и их поддерживали товарищи. Но разбойники понесли значительно бóльшие потери.

Саймон опять сидел верхом за спиной всадника, но этот сокольник не был расположен к разговорам. Он держался за раненую грудь и скрежетал зубами при каждом толчке.

Ночь быстро спустилась на горы, черные вершины заслонили небо, сгустилась тьма. Теперь они продвигались по широкой и довольно ровной, в отличие от предыдущей, тропе.

Она привела их к крутому подъему – здесь сокольники основали свою крепость. Глядя на нее, Саймон даже присвистнул от восхищения.

В свое время его поразили древние стены Эсткарпа, которые, казалось, поднялись из земли в момент ее рождения. Удивил его и Сулькар, хоть и был он полускрыт пеленой липкого тумана. Но эта крепость была частью самой горы! Саймон догадался, что строителям удалось найти скалу, изрытую сетью пещер, которые оставалось только расширить и благоустроить, ибо Соколиное Гнездо было не просто крепостью, но горой, превращенной в крепость.

Всадники перешли подъемный мост, переброшенный через пропасть, которую, к счастью, скрывала тьма. Мост был настолько узок, что двигались по нему гуськом, и, лишь оказавшись под сводами пещеры, Саймон перевел дух. Он помог спешиться раненому всаднику и огляделся в поисках гвардейцев. Неподалеку он заметил высокую фигуру темноволосого Танстона, потом увидел Кориса и Дживина, пробиравшихся к ним.

Казалось, хозяева на какое-то время позабыли о гостях. Лошадей увели, и сокольники, посадив своих соколов на кожаные перчатки, уходили в боковые проходы. Наконец к ним подошел начальник пограничного отряда:

– Владыка Крыльев желает говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит – к вашим услугам!

Корис подбросил топор, поймал его и с поклоном отвел лезвие в сторону:

– Меч и Щит, Кровь и Хлеб, сокольник!

3

Колдунья в Карсе

Саймон проснулся, сел на своей узкой койке и сжал руками гудящую от боли голову. Ему снился какой-то кошмар, но в памяти не сохранилось ничего, кроме ощущения дикого ужаса. Придя в себя окончательно, Саймон обнаружил, что находится в келье, – таковы были жилые помещения сокольников. Голова раскалывалась. Но, помимо боли, у него появилось ощущение настоятельной необходимости выполнить какой-то приказ. Или то была мольба о помощи...

Боль ослабла, но тревога нарастала, не позволяя больше оставаться в постели. Он набросил кожаную куртку, которую ему дали сокольники, и вышел. Близился рассвет.

Они находились в Соколином Гнезде пятый день, и Корис хотел уже пробиваться на север к Эсткарпу по горам, которые кишмя кишели разбойниками. Саймон понимал, что капитан хочет уговорить сокольников пойти на союз с ними. Вернувшись в Эсткарп, он, конечно, употребит все свое влияние, чтобы убедить колдуний отказаться от предрассудков, и тогда храбрые воины горной страны, случись что, выступят на их стороне.

Суровых жителей гор опечалило известие о гибели Сулькара, и они немедленно начали приготовления к войне. В нижних этажах этой удивительной крепости день и ночь трудились кузнецы и оружейники. Хитроумные умельцы готовили те крошечные устройства, при помощи которых передавались сведения от сокола его хозяину. Устройство это являлось самой охраняемой тайной сокольников, поэтому Саймон так и не узнал, что это за приспособление.

В этом мире подобные неожиданности часто ставили Саймона в тупик. Как-то не укладывалось в голове, что люди, владеющие мечами, способны в то же время изобрести довольно изощренные средства связи. Такие несоответствия в уровне знаний и технологий сбивали его с толку. Устройство сокольников, способное передавать изображение и звук, поразило его куда больше, чем колдовство женщин Эсткарпа.

Колдуньи Эсткарпа... По каменным ступеням Саймон поднялся на сторожевой пост. Туман уже сошел, и взору его открылась величественная горная цепь. За перевалами отсюда была видна и страна за горами. Саймон знал, что это Карстен.

Карстен! Он так задумался, что совсем забыл о часовом, который вдруг спросил:

– У тебя есть сообщение, гвардеец?

Сообщение? Это слово как будто что-то сдвинуло в его мозгу. На мгновение к нему опять вернулась головная боль, словно напоминая: он должен что-то сделать. Да, несомненно, это предчувствие, но не такое, как на пути в Сулькар, – сейчас в нем было не предупреждение, а призыв. Пусть Корис с гвардейцами едет на север, если ему так нужно, но Саймон отправится на юг. Окончательно перестав противиться этому тревожному призыву, он решил слепо подчиниться ему.

– Какие вести с юга? – спросил он часового.

– Спроси Владыку Крыльев, гвардеец.

Часовой подозрительно взглянул на Саймона. Тот повернулся и направился к лестнице:

– Обязательно спрошу!

Но прежде чем идти к командиру сокольников, Саймон разыскал капитана. Корис готовился к походу на север.

– Что случилось? – Капитан поднял голову от седельной сумки.

– Смейся, если хочешь, – коротко сказал Саймон, – но я отправляюсь на юг.

Корис уселся на край стола, покачивая ногами.

– Что это тебя в Карстен потянуло?

– Вот именно – потянуло! – Саймон попытался объяснить словами возникшее ощущение. Особым красноречием он никогда не отличался, но тут обнаружил, что и себе-то самому толком объяснить ничего не может. – Меня тянет, и все...

Корис перестал болтать ногами, его красивое лицо стало суровым.

– С каких пор... И как это тебя «тянет»? – жестко спросил он. Так командир требует отчета от своего подчиненного.

Саймон выложил все как есть:

– Мне снился сон, а когда я проснулся, то ничего не мог вспомнить. Но вот только что со сторожевого поста увидел Карстен и понял, что мне нужно именно туда.

– А сон?

– Какой-то кошмар... не помню, не могу объяснить.

Корис ударил кулаком по ладони:

– Ладно! Дорого бы я дал, чтобы Дар твой был посильнее! Но раз тебя тянет – мы отправляемся на юг!

– Мы?

– Танстон и Дживин поедут с известиями в Эсткарп. Пограничный силовой барьер кольдерам пока не по зубам. Танстон временно заменит меня на посту капитана гвардейцев. Пойми, Саймон, я же с Горма! А Горм теперь воюет с Эсткарпом, хотя это уже мертвый, захваченный демонами Горм. С тех пор как Верховная Владычица дала мне приют, я верой и правдой служил Эсткарпу, но и теперь не отступаю! Только, кажется, пришло время, когда пользы от меня будет больше за его границами. Как знать, – лицо Кориса потемнело, словно от тяжких сомнений, – может, именно через меня, поскольку я с Горма, кольдеры ударят в самое сердце Эсткарпа. Ты же видел, что они сотворили с людьми, которых я хорошо знал. И никто не ведает, на что еще способны эти демоны. Они же напали на Сулькар с воздуха!

– Но может, это и не колдовство? – заметил Саймон. – В моем мире полеты – обычное дело. Интересно посмотреть, как они это делают, многое прояснилось бы...

Корис усмехнулся.

– Можешь не беспокоиться, нам еще не раз предоставится возможность познакомиться с их хитростями. Пойми, Саймон, неспроста тебя на юг потянуло! А два меча, вернее, – с улыбкой поправился он, – топор и самострел – это значительно лучше, чем просто один самострел. Сам по себе зов с юга – добрый знак. Значит, та, что бежала с нами из Сулькара, жива и зовет нас на помощь.

– С чего ты взял? – Саймон и сам подумывал об этом, а уверенность Кориса разогнала все сомнения.

– Обладающие Даром способны посылать мысленные сообщения, подобно тому как сокольники посылают своих соколов. Такое сообщение, встретив на своем пути родственный разум, вызывает к нему и предупреждает. Я уверен, Саймон, что зовет тебя колдунья, которую ты спас от ализонцев, поскольку именно с тобой у нее, похоже, установился контакт. Ты, Саймон Трегарт, не нашей крови, и в твоём мире, как видно, Даром обладают не только женщины. Разве не ты первым почуял засаду по дороге в Сулькар? Ничуть не хуже колдуньи! Мне все ясно, едем в Карстен! Колдовство колдовством, но мы с тобой и сражались бок о бок! Сейчас я отдам распоряжения Танстону и передам с ним послание Верховной Владычице. А потом мы с тобой займемся настоящим делом.

Облачившись в кольчуги и вооружившись трофейным оружием, они отправились на юг по торговому тракту, ведущему в Карс. Их щиты без герба должны были свидетельствовать о том, что они свободные наемники. Дозорный отряд сокольников проводил их до границ горной страны.

Всю дорогу Саймона терзали сомнения. Не ошибся ли он? Однако ощущение необходимости двигаться на юг не оставляло его, хотя кошмаров он больше не видел. Просыпаясь по утрам, он с нетерпением пускался в путь.

И чем дальше они углублялись в Карстен, тем больше и богаче были селения, расположенные в плодородных долинах широких рек. Многие местные феодалы предлагали двоим воинам с севера поступить к ним на службу. Корис только презрительно усмехался, услышав размеры предлагаемого жалованья. Его высокомерие, видимо, вызывало не меньшее уважение, чем огромный боевой топор. Саймон обычно помалкивал, но все время был начеку. Он запоминал местность, присматривался к обычаям и образу жизни карстенцев. Когда они с Корисом оставались вдвоем, он засыпал капитана градом вопросов.

Тот рассказал ему в нескольких словах, что некогда здесь обитал народ, родственник жителям Эсткарпа. И действительно, то и дело встречающиеся по пути темноволосые карстенцы с бледными, хорошо очерченными лицами напоминали Саймону людей севера.

– На них обрушилось проклятие Силы, – пояснил Корис.

– Проклятие?

Капитан пожал плечами:

– Тому причиной сама природа колдовского Дара. Его обладательницы не могут иметь детей. Женщин, желающих выйти замуж и рожать детей, год от году становится у нас все меньше. Девушка, достигшая брачного возраста, может выбирать в Эсткарпе из двадцати мужчин. Да и бездетных семей хватает. Так было и здесь. Поэтому, когда сюда пришли дикие племена, они без особого труда захватили побережье и постепенно прибрали к рукам всю страну. Древние роды откочевали на окраины. С течением времени у завоевателей выдвинулись военачальники. Они становились герцогами. Нынешний герцог Карстена поначалу был простым наемником. Но благодаря своему уму и воинскому искусству он добился высшей власти.

– Та же участь ожидает и Эсткарп?

– Возможно. Но кровь народа Эсткарпа смешалась с кровью сулькарцев, которые одни, по-видимому, могут иметь детей от женщин Эсткарпа. Так что на севере древняя кровь несколько обновилась. Однако все это не так уж и важно. Ныне самая большая угроза исходит

от Горма. Саймон! Как тебе нравится город, к которому мы приближаемся? Это Гартгольм, а за рекой – уже Карс.

– Нам в Карс, – помолчав, ответил Саймон. – Меня по-прежнему что-то давит.

Корис нахмурился:

– Значит, нам следует двигаться осторожно и поглядывать по сторонам. Даром что герцог не из благородных, но он далеко не глуп. В Карсе немало глаз и ушей, которые будут следить за каждым шагом двух новоприбывших наемников, особенно если мы не поспешим встать под его знамена.

Саймон задумчиво смотрел на баржи, стоящие у городского причала.

– Вряд ли кого заинтересует раненый наемник. Разве не в Карсе живут лучшие лекари, пользующие воинов, искалеченных в битвах? Скажем, зачем герцогу полуслепой вояка, у которого помутилось зрение от удара по голове?

– И которого привез подлечиться в Карс его товарищ! – подхватил Корис. – Славно придумано, Саймон! И кто же будет этим несчастным?

– Скорее всего, я. В такой роли мне легче не вызвать подозрений у людей герцога.

Корис одобрительно кивнул:

– Коней мы продадим здесь. Они слишком явно свидетельствуют о том, что мы пришли с гор: в Карсе к горам относятся с большим подозрением. Дальше отправимся по реке на барже.

Капитан немедленно занялся продажей лошадей, и вскоре они с Саймоном уже поднялись на баржу, где Корис пересчитал клинообразные кусочки металла, служившие в Карстене деньгами. Он ссыпал их в кошелек и усмехнулся:

– В моих жилах течет кровь торговцев, и сейчас я лишний раз доказал это, продав коней втридорога. Нам хватит и на еду, и на то, чтобы в Карсе, если понадобится, сунуть в чью-нибудь жадную лапу. – Капитан положил на скамью сумку и топор, с которым не расставался с тех самых пор, как взял его из рук Вольта.

Больше суток провели они на барже, которая неторопливо спускалась по реке. На закате второго дня, когда показались стены и башни Карса, Саймон вновь сжал голову руками – ее пронзила невыносимая боль. К счастью, боль была непродолжительной, а когда исчезла, в голове у Саймона остался зрительный образ: плохо мощный переулок, стена и дверь в ней. Вот она – их цель, что находится в Карсе.

– Снова, Саймон? – Рука капитана опустилась ему на плечо.

– Да... – Саймон смотрел на кровавый закат над рекой. Где-то в городе он должен отыскать этот переулок, эту стену и дверь и там встретит ту, которая ждет. – Узкий переулок, стена, дверь.

Корис все понял.

– Маловато, – заметил он. Капитан напряженно смотрел в сторону города, словно силой воли хотел преодолеть расстояние, разделяющее баржу и гавань.

Вскоре они были уже на пристани и направились к городским воротам. То и дело спотыкаясь, Саймон старательно разыгрывал из себя полуслепого. Нервы его были напряжены, и весь он был охвачен одним желанием – отыскать нужный переулок. Ниточка, которая вела его сюда через всю страну, теперь превратилась буквально в прочный канат.

Корис поведал у ворот трогательную историю о ранении Саймона, незаметно сопроводив рассказ щедрым даром начальнику охраны, после чего их беспрепятственно пропустили в город. Едва они завернули за угол, Корис презрительно фыркнул:

– Приди наемник, подобный нам, к воротам Эсткарпа, я отправил бы его восвояси, даже имени не спросив. Доходили слухи, что герцог в последнее время очень изменился. Но я не думал, что он настолько распустил своих людей.

– Говорят, любого человека можно купить, – заметил Саймон.

– Верно. Но хороший командир знает цену своим людям и доверяет им соответственно. А эти продаются задешево. Впрочем, за хорошие деньги они хорошо сражаются. В чем дело, Саймон? – быстро спросил капитан, поскольку тот внезапно остановился.

– Мы идем не в ту сторону. Нам надо на восток.

Корис прошел немного по улице и вернулся:

– Через четыре дома переулок, а ты уверен, что нам туда?

– Уверен.

На случай если начальник охраны окажется все-таки более бдительным, Корис продолжал вести Саймона медленно, придерживая его под руку. Пройдя переулок, они вышли на другую улицу. Саймон скрывался в подворотне, пока Корис прошел назад, чтобы проверить, нет ли за ними слежки. Несмотря на свою запоминающуюся внешность, капитан умел каким-то образом оставаться незамеченным. Вскоре он вернулся:

– Если за нами следят, то они работают почище моих разведчиков, во что я не верю! Надо побыстрее уходить отсюда, пока нас никто не приметил. Нам все еще на восток?

Тупая боль в голове Саймона то усиливалась, то ослабевала, и он ориентировался по ней совсем как в игре «горячо-холодно». Когда они вошли в очередной кривой переулок, боль усилилась. Вдоль переулка шли глухие стены домов, редкие окна которых были темны и занавешены.

Они ускорили шаг. Саймон с опаской поглядывал на окна. Наконец он увидел дверь – ту самую дверь из видения. Он тяжело дышал, стоя перед ней, но не от усталости, не от быстрой ходьбы, а скорее от внутреннего напряжения. Собравшись с духом, он постучал.

Однако ответа не последовало, и это весьма озадачило Саймона. Тогда он толкнул дверь, но она была заперта.

– Ты не ошибся? – спросил Корис.

– Нет!

Саймон твердо знал: то, что привело его сюда, находится по ту сторону двери, которая снаружи не имела даже ручки.

Корис отступил на пару шагов, измеряя взглядом высоту стены:

– Когда стемнеет, тут можно перелезть, но сейчас нас могут заметить.

Однако, позабыв всякую осторожность, Саймон забарабанил по двери кулаками. Корис схватил его за руки:

– Ты что, хочешь собрать сюда все войско герцога? Давай отсидимся в таверне, а ночью вернемся.

Едва он договорил, за дверью послышались шаги. Корис насторожился, приготовив к бою топор, а Саймон нащупал рукоять самострела. Дверь слегка приоткрылась, и послышался негромкий голос.

За полуоткрытой дверью стоял стройный юноша в кольчуге и шлеме, скрывающем верхнюю часть лица. Он был невысок – даже ниже Кориса.

Он перевел взгляд с Саймона на Кориса, и вид капитана, очевидно, его успокоил, так как юноша отступил назад и знаком предложил им войти. Они вошли в сад, миновали аккуратные клумбы, где чернели высокие стебли побитых заморозком цветов, затем высохший фонтан с многовековой рыжей накипью по краям. Каменная птица с отбитым клювом тщетно пыталась увидеть свое давно несуществующее отражение.

Потом они вошли в дом, и в глаза им ударил яркий гостеприимный свет. Юноша замешкался у калитки, запирая ее, но в доме их уже ждали.

Саймон видел эту женщину в лохмотьях, когда она убегала по болоту от охотничьих псов; видел ее в Эскарпе на совете в строгом платье, соответствующем ее высокому положению; видел облаченной в кольчугу, когда рядом с ней ехал верхом в Сулькар. Теперь она стояла перед

ним в пурпуре и золоте, с бриллиантами на пальцах, с жемчужной сеточкой поверх коротко остриженных волос.

– Саймон! – Женщина не протянула к нему рук, не поприветствовала, она лишь назвала его по имени, но на душе почему-то стало тепло и спокойно. – О, и Корис! – Она заговорила ласково, шутливо, имитируя интонации придворных дам. – Вы пришли, рыцари, за советом к Владычице из Карса?

Корис опустил топор и сбросил с плеч седельные сумки:

– Мы пришли по твоему зову, точнее, Саймон привел. А вот зачем – надеемся услышать от тебя. Как бы то ни было, хорошо, что тебе удалось спастись, госпожа.

Саймон молча кивнул. И на этот раз он не смог найти слов, чтобы выразить охватившее его чувство.

4

Приворотное зелье

Корис опустил кубок и выдохнул:

– Сначала постель, какой не может похвалиться ни одна казарма, затем – две такие трапезы! Подобного вина я не пробовал с тех пор, как покинул Эсткарп, да и давненько я не сидел за столом в столь милой компании.

Колдунья тихо захлопала в ладоши:

– Какие манеры, Корис! Однако вы оба терпеливы. За два дня ни один из вас не спросил, чем мы тут в Карсе занимаемся, под этой крышей.

– Под этой крышей... – задумчиво повторил Саймон. – Здесь, случайно, не посольство Эсткарпа?

Колдунья улыбнулась:

– Довольно остроумно, Саймон, ты почти прав, только мы здесь – инкогнито. В Карсе уже есть одно посольство Эсткарпа, и там живет самый настоящий посол, не имеющий к колдовству ни малейшего отношения. Он присутствует на официальных приемах, обедает у герцога во время празднеств и вообще имеет безупречную репутацию. Но посольство расположено совсем в другом конце города. А мы здесь...

Колдунья замолчала, и Корис шутливо заметил:

– Кабы не нужна была наша помощь, не болела бы у Саймона голова. Нам что, нужно выкрасть Ивиана? Или просто проломить парочку черепов?

Юноша, которого колдунья называла Брайантом, двигался по комнате легко, большей частью помалкивал, однако всюду поспевал. Колдунья до сих пор не удосужилась рассказать гвардейцам, кто он такой и откуда взялся. Брайант потянулся к вазочке с печеньем. Без кольчуги и шлема он выглядел довольно щуплым и слишком юным, чтобы хорошо владеть оружием, висевшим у него на поясе. Но его решительный взгляд и плотно сжатые губы говорили о том, что колдунья знала, кого выбирала себе в помощники.

– Что скажешь, Брайант? – обратилась она к нему. – Не притащить ли сюда Ивиана? – В ее вопросе прозвучало озорство.

Не переставая грызть печенье, юноша пожал плечами:

– Ну, если тебе хочется его видеть... А мне не очень.

Брайант произнес это с ударением на слове «мне», что не ускользнуло от внимания мужчин.

– Нет, герцог нам пока не нужен, – усмехнулась колдунья. – Пожалуй, мы займемся его дамой...

Корис присвистнул:

– Альдис! Не думал я...

– Что нам есть дело до возлюбленной герцога? Ты, Корис, заблуждаешься, как и все мужчины. У меня есть все основания познакомиться поближе с этой Альдис. К тому же имеется отличный повод заманить ее сюда.

– Эту шлюху? – воскликнул Саймон.

– Ее положение в герцогстве держится исключительно на благоволении Ивиана. Пока герцог прикован к ее постели, она может властвовать, хотя нарядами и драгоценностями тоже не брезгует! Мужчины, добивающиеся осуществления своих планов, идут на поклон к Альдис, даже люди из старой знати! Что же касается женщин знатных родов – Альдис жестоко мстит им за прежние обиды. Когда она добилась внимания Ивиана, ей поначалу было вполне достаточно богатых подарков и роскоши. Лишь потом, со временем, потребности ее возросли. Но без герцога Альдис – не больше чем портовая девка, и она это прекрасно понимает.

– А что, Ивиан уже воротит от нее нос? – поинтересовался Корис.

– Герцог женился!

Саймон следил за рукой Брайанта, потянувшейся было к вазочке с печеньем. Рука резко изменила направление, и вместо печенья юноша взял кубок с вином.

– В горах сказали, что Ивиан женился на наследнице Верлена.

– Да, брачный договор на топоре, – усмехнулась колдунья. – Герцог даже не видел свою молодую жену.

– Стало быть, Альдис опасается соперничества. Если молодая жена окажется еще и красавицей... – небрежно сказал Саймон и перехватил косой взгляд Брайанта.

– Она не красавица! – бросил юноша с таким вызовом, что Саймон несколько смутился. Кто он, этот Брайант? Где откопала его колдунья? Может, он влюблен в наследницу Верлена или рассчитывал на наследство и теперь злится, что остался на бобах?

Колдунья рассмеялась:

– Ну, это дело вкуса. А ты, вероятно, прав, Саймон. Я думаю, с тех пор как Альдис узнала о женитьбе Ивиана, она плохо спит по ночам, мучаясь сомнениями, долго ли еще герцог будет держать ее подле себя. Если это так, то она вполне созрела для наших целей.

– Я готов поверить, что в такой ситуации Альдис станет искать помощи, – заметил Саймон. – Но почему именно у тебя?

Колдунья укоризненно покачала головой:

– Конечно, мне нельзя действовать здесь открыто, как колдунье из Эсткарпа, но в Карсе я не впервые, и у меня есть определенная известность. Видишь ли, мужчины и женщины, а особенно женщины, всегда желают знать, что их ждет. За последние три дня ко мне дважды приходили служанки Альдис под чужими именами и с вымышленными историями. Когда же я назвала их настоящие имена и кое-что о них рассказала, девицы с круглыми глазами побежали к своей госпоже. Поэтому можно не сомневаться, скоро заявится и сама Альдис.

– Но зачем она тебе, если ее влиянию на герцога скоро придет конец?.. – Корис помотал головой. – Женщин, вообще-то, трудно понять, а сейчас я совсем запутался. Наш враг – Горм, а не Карстен! По крайней мере, мне так казалось.

– Горм! – За внешним спокойствием колдуньи таилась буря эмоций. – Горм всюду тянет свои грязные лапы!

– Ничего не понимаю! – Корис тяжело опустил кулаки на стол. – Как Горм может дотянуться до Карстена?

– Вернее сказать – Карстен тянется к Горму, проще – продает им людей! – возбужденно произнесла колдунья и закрыла лицо руками. – Мы уже видели в Сулькаре, что кольдеры сделали с воинами Горма, превратив их в послушное оружие. Но Горм всего-навсего маленький

остров, и, прежде чем он пал, многие его защитники погибли, лишь оставшихся в живых сделали одержимыми.

– Верно! – Корис помрачнел. – Едва ли на Горме они взяли много пленных.

– Вот именно. А когда Магнис Осберик взорвал Сулькар, то, наверное, прихватил с собой немало таких заводных солдатиков, сослужив последнюю службу своему народу.

– Должно быть, с живой силой у кольдеров туговато, – полувопросительно сказал Саймон, напряженно обдумывая различные варианты.

– Очень на то похоже. Во всяком случае, сами они почему-то не могут или не хотят воевать. Даже сейчас, когда кольдеры стоят буквально у нас на пороге, мы почти ничего о них не знаем. Верно одно – они покупают людей!

– Но из рабов плохие воины, – заметил Саймон. – Кроме того, дай рабам в руки оружие – и они восстанут.

– Саймон, Саймон, неужели ты забыл о засаде под Сулькаром? Подумай сам, разве такие люди могут восстать? Нет, кто марширует под гром боевых барабанов Кольдера, не имеет собственной воли. К тому же достоверно известно, что последние шесть месяцев в гавань Карса заходят баркасы, на которые грузят заключенных из тюрем герцога. Иногда хватают прохожих на улице или в порту, и особенно тех, за кого некому заступиться либо кого не сразу хватятся. А такие дела долго не утаишь: один сболтнет здесь, другой там, так по словечку мы и вызнали все. Людей продают кольдерам! Но если так обстоят дела в Карстене, то отчего не быть тому же в Ализоне? Теперь, по крайней мере, я поняла, почему моя миссия там не удалась и меня так быстро раскрыли. Они сумели выследить меня, как собаки, что гнались за нами по болотам. В общем, сейчас мы совершенно уверены, что Кольдер собирает на Горме войско, чтобы совершить вторжение на материк. Тогда, пожалуй, и Карстен, и Ализон поймут, что поставляли на Горм оружие для собственного уничтожения. Собственно, Альдис нужна, чтобы узнать все подробности этой грязной торговли с Гормом, она ведь не может вестись без ведома и согласия герцога.

Корис заерзал на стуле:

– Госпожа! Воины тоже любят поболтать, и если наемник пройдет по кабачкам, да с туго набитым кошельком, он может принести свежие новости.

Колдунья с сомнением посмотрела на него:

– Ивиан далеко не глуп. У него повсюду есть глаза и уши. Стоит только человеку вроде тебя, капитан, показаться в кабаке – и это сразу станет известно герцогу.

Кориса ее замечание несколько не смутило.

– Разве Корис с Горма не потерял своих людей и свою репутацию в Сулькаре? Не бойся, госпожа, на случай расспросов у меня готова отличная легенда. А тебе, – Корис перевел взгляд на Саймона, – лучше не показываться на людях, чтобы не мозолить глаза. Наверняка история, рассказанная у городских ворот, уже вовсю пошла гулять по городу. А как насчет молодого человека? – Капитан покосился на Брайанта.

К удивлению Саймона, невозмутимый юноша мягко улыбнулся и взглянул на колдунью, как будто спрашивал у нее разрешения. Та лукаво улыбнулась в ответ:

– Брайант, конечно, не рубака, дорогой капитан, но мы знакомы давно, и уверяю тебя, не стоит недооценивать его искусство владения мечом. Я думаю, он еще удивит вас – и не раз!

Корис засмеялся:

– Ну, госпожа, если это говоришь ты, значит так оно и будет. – Он потянулся за топором.

– А эту игрушку лучше оставить дома, – остановила Кориса колдунья. – Ее-то уж обязательно приметят. – Она положила руку на рукоять.

Пальцы колдунии словно примерзли к топору, и Саймон впервые за все их пребывание здесь увидел, что она выведена из равновесия, больше того – потрясена!

– Откуда это, Корис? – Голос колдунии дрогнул.

– Разве ты не знаешь, госпожа? Топор перешел ко мне по доброй воле от того, о ком сложены легенды. И я готов отдать за него жизнь!

Женщина отдернула руку, будто обожглась:

– По доброй воле?

Корис вспыхнул:

– В таких случаях я не имею привычки лгать! Я принял топор, и он будет служить только мне!

– Тогда тем более не таскай его по улицам Карса. – Это был наполовину приказ, наполовину – просьба.

– Хорошо, но покажи мне здесь укромное местечко, где я могу его оставить, – с большой неохотой согласился капитан.

Колдунья на минуту задумалась, потирая пальцем подбородок.

– Ладно, сходи в город, я надеюсь услышать от тебя подробный отчет. Ступай за мной, я покажу тебе укромное местечко.

Саймон и Корис прошли за ней в комнату, стены которой были увешаны старинными гобеленами с едва различимым уже рисунком. Колдунья отогнула один из гобеленов, открыв деревянную панель с резным рельефом диковинного зверя. За панелью была скрыта ниша, в угол которой Корис и поставил свой топор.

Точно так же как Саймон ощутил груз столетий в древнем Эсткарпе, так же как уловил нечто сверхчеловеческое в пыльном склепе Вольта, сейчас он, казалось, кожей почувствовал какое-то странное излучение, идущее от стены. Во всяком случае, по телу у него побежали мурашки.

Несмотря на то что Корис так трясся над своим сокровищем, колдунья с самым безразличным видом закрыла нишу, словно там осталась обыкновенная метла. Брайант невозмутимо стоял у входа в комнату. Саймон пытался разобраться в своих ощущениях, все еще ничего не понимая, и, когда все вышли, он задержался, чтобы осмотреть комнату.

Мебели почти не было, только кресло черного дерева с высокой спинкой стояло тут, словно взятое из зала для аудиенций, и напротив него черного же дерева – стул. Между ними на полу были разложены довольно странные предметы, принесенные сюда непонятно зачем. Разглядывая их, Саймон задумался...

Сначала его внимание привлекла небольшая, на пригоршню угля, жаровня, что стояла на отполированной доске. Затем он перевел взгляд на глиняную чашку с каким-то сероватым порошком, на пузатую склянку... Да... никакой мебели, и все эти странные вещи...

Он не слышал, когда вернулась колдунья. Пристально глядя на него, женщина вдруг спросила:

– Кто ты, Саймон?

Он обернулся:

– Ты же все знаешь, ты же присутствовала тогда... Да и невозможно солгать при вашем-то способе собеседования!

– Верно, ты не лгал. Но я все-таки спрашиваю вновь – кто ты, Саймон? По дороге в Сулькар ты раньше меня почувствовал засаду. Но ты же мужчина! – Колдунья опять потеряла самообладание. – И ты почувствовал, ты ведь понял, что делается здесь.

– Не совсем. Я только знаю, что здесь присутствует что-то невидимое, но оно тем не менее существует.

– Вот! – Колдунья сжала кулаки. – Ты не должен этого чувствовать, но все-таки чувствуешь! Я здесь колдую, чтобы узнать, о чем думают и чего хотят люди, приходящие ко мне, но я далеко не всегда прибегаю к этой Силе, которая сильнее моей. Три четверти моего Дара – это наваждения, в Сулькаре ты имел случай видеть это. Мое колдовство не призывает ни демонов, ни пришельцев из других миров. Но есть иная Сила – и она иногда приходит на мой зов.

Тогда я могу творить самые настоящие чудеса! Могу, например, предвидеть несчастья, хотя и не всегда знаю, откуда они придут, могу вызвать разрушения... И клянусь жизнью, это уже не наваждения!

– Верно, – сказал Саймон. – И в моем мире случались события, которые никак не укладываются в рамки здравого смысла.

– И это делают ваши женщины?

– Нет, и мужчины тоже. Некоторые мои солдаты предвидели несчастья, смерть, свою или чужую. Я знал старинные дома, где тоже таилось нечто такое, чего нельзя увидеть, но только чувствуешь, – нечто не менее странное, чем то, что скрывается здесь.

Колдунья смотрела на Саймона с нескрываемым изумлением. Затем ее рука начертила в воздухе между ними какой-то знак, и тот на мгновение вспыхнул огнем.

– Ты видел?

Было ли в ее голосе обвинение или радостное признание, Саймон не успел понять: на весь дом загремел гонг.

– Альдис! И с ней наверняка охрана! – Колдунья подошла к стене и открыла нишу, где был спрятан топор Кориса. – Прячься! – приказала она. – Они непременно обыщут дом, и будет лучше, если тебя не увидят.

Времени на возражения не оставалось, и Саймон с трудом втиснулся в не очень-то просторное укрытие. Колдунья быстро задвинула панель, и он оценил, как прекрасно приспособлено это место для наблюдений: в резном орнаменте панели были просверлены отверстия как для доступа воздуха, так и для подглядывания.

Заточение произошло настолько быстро, что Саймон не успел опомниться, а когда попытался было сдвинуть панель с места, то обнаружил, что изнутри она не открывается и он практически замурован в этой камерке вместе с топором Вольта. Оставалось только ждать, когда колдунья соизволит выпустить его отсюда.

Саймон с раздражением прильнул к одному из глазков, чтобы посмотреть, что делается снаружи. Как раз в этот момент двое воинов, втолкнув в комнату колдунью, принялись рыскать по всем углам, отдергивая гобелены.

Глядя на них, женщина рассмеялась и с сарказмом бросила через плечо кому-то, ожидавшему на пороге комнаты:

– Похоже, в Карсе на слово не верят. Бывало ли такое, чтобы обитатели этого дома впутались в неблагоприятное дело? Твои ищейки, госпожа, не найдут здесь ничего, кроме пыли и паутины. Признаться, я не очень хорошая хозяйка. Но мы просто теряем время.

Саймон восхитился ее актерским искусством: колдунья говорила об обыске, как о детской шалости, намекая своей собеседнице, что пора прекратить это ребячество, коль скоро они намерены заняться серьезным делом.

– Гальсфрик! Доннар!

Воины встали по стойке смирно.

– Если хотите, ищите в других комнатах, а нас оставьте в покое!

Ищейки вытянулись в струнку у двери, и в комнату вошла женщина, которую Саймон наконец увидел. Она сбросила с плеч роскошный плащ, а колдунья, плотно прикрыв за воинами дверь, повернулась к ней:

– Добро пожаловать, леди Альдис!

– Как ты верно заметила, женщина, мы теряем время. – Слова прозвучали резко, но все-таки бархатный голос вошедшей мог обворозить любого мужчину.

Возлюбленная герцога вовсе не походила на пышную, перезрелую портовую девку, как ее представила им колдунья. Напротив, это была еще не вполне сформировавшаяся девушка с небольшой высокой грудью, скромно прикрытой складками платья. В ее внешности весьма

противоречиво присутствовали сладострастие и холодность одновременно, и, разглядывая Альдис, Саймон понял, почему ей удается удерживать подле себя сластолюбца-герцога.

– Ты сказала Фирте... – снова те же резкие нотки, обернутые в бархат.

– Я сказала твоей Фирте, что я могу сделать и что за это хочу! – Колдунья заговорила не менее резко, чем ее посетительница. – Ты принимаешь мои условия?

– Я приму их не раньше, чем ты докажешь свои способности. Дай мне то, что я хочу, а потом называй свою цену.

– Хороший же у тебя способ торговаться, госпожа. Все преимущества на твоей стороне.

Альдис улыбнулась:

– Раз ты утверждаешь, что у тебя есть Сила, значит ты можешь не только помогать, но и заставлять, Владычица. В таком случае я для тебя легкая добыча. Говори, что мне делать, и не тяни, я могу доверять тем, за дверью, лишь до тех пор, пока их жизнь висит на кончике моего языка. Но в Карсе есть и другие языки!

– Дай руку! – Колдунья взяла чашку с порошком.

Альдис протянула унизанную кольцами руку, и колдунья уколола ее иглой, вынутой из складок платья. Когда капля крови упала в чашку, она долила туда жидкости из бутылки и все перемешала. Затем колдунья раздула огонь под жаровней.

– Сядь. – Она указала Альдис на стул и, едва та села, положила ей на колени доску и поставила на нее жаровню.

– Думай о том, кого желаешь! Думай только о нем, госпожа!

Месиво в чашке, словно тесто, стало подниматься над огнем, и колдунья запела. Саймон почувствовал, что тревожное чувство, охватившее его, когда колдунья начертила в воздухе огненный знак, схлынуло и стало исчезать.

В ее пении таилось нечто чарующее, навевающее сладкие грезы, будоражащее воображение. Саймон прикусил губу. Это волнение исходило от женщины, которую он, казалось, начал понимать. Но подобные чары скорее присущи Альдис и ей подобным женщинам, а от бесстрастной колдуньи Эсткарпа он такого не ожидал! Пение все сильнее действовало на Саймона, и тогда он закрыл ладонями уши, чтобы не слышать больше этих звуков, которые, властно врываясь в него, горячили кровь в жилах, наполняли жаром все тело.

Лишь увидев, что губы колдуньи перестали шевелиться, Саймон отнял ладони от ушей. Лицо Альдис разругалось, губы увлажнились, широко раскрытые глаза невидяще смотрели перед собой. Колдунья сняла с ее коленей жаровню и доску, переложила содержимое чашки в кусок ткани и подала сверток своей посетительнице:

– По шепотке добавляй это ему в еду и питье. – Голос колдуньи ослабел, она, казалось, валилась с ног от усталости.

Альдис взяла сверток и спрятала его за лиф платья.

– Не сомневайся, я использую это как следует! – Она подхватила свой плащ и пошла к двери, бросив на ходу: – Я дам тебе знать, как пойдут дела.

– Я узнаю сама, госпожа.

Альдис вышла, а колдунья так и стояла, опершись на спинку кресла, как будто ноги не держали ее. На ее усталом лице застыло выражение безразличия, смешанной со стыдом, словно она прибегла к дурному средству для достижения благородной цели.

Когда трижды протрубит рог...

Корис усердно полировал лезвие топора куском шелковой тряпки. Вернувшись из города, он немедленно потребовал свое сокровище назад и теперь, сидя на подоконнике, рассказывал:

– ...Он ворвался с таким видом, словно по пятам за ним гнались кольдеры, и выложил все сержанту! Тот с перепугу аж пролил вино, за которое, кстати, платил я! А этот парень орал как ненормальный. Мне, по правде, вся эта история кажется чистой выдумкой, и все же я готов поспорить на недельное жалованье карстенского наемника – в ней что-то есть!

Пока Корис говорил, Саймон внимательно наблюдал за колдуньей и за Брайантом. Впрочем, колдунья все равно ничем бы не выдала того, что нечто подобное она уже слышала. Зато молодой человек не имел, конечно, ни ее выдержки, ни достаточного жизненного опыта, и его реакция на рассказ капитана несколько удивила Саймона – Брайант держался чересчур безразлично.

– Вижу, госпожа, – заметил Саймон, – эта история вовсе не кажется тебе выдумкой.

После визита Альдис его отношения с колдуньей стали несколько напряженными, она это, безусловно, чувствовала, но пока не предпринимала никаких шагов, чтобы изменить существующее положение.

– Гунольд действительно мертв, – спокойно сказала она. – Его больше нет, как нет и Лоисы, наследницы Верлена. Так что, Корис, этот солдат соврал разве самую малость. – Колдунья посмотрела на капитана. – Но то, что эти события связывают с нападением Эсткарпа, разумеется, совершенная чушь.

– Знаю, госпожа. Мы никогда не действуем исподтишка. Однако, может быть, здесь что-то другое? Я не люблю задавать лишних вопросов, но скажи, может, на скалы Верлена выбросило кого-нибудь из гвардейцев, покинувших Сулькар?

Колдунья отрицательно покачала головой:

– Сила говорит мне, что в живых остались только вы четверо, капитан.

– Но ведь эти события или слухи о них могут стать предлогом для войны, – нахмурился Корис. – Гунольд был другом Ивиана; не думаю, чтобы герцог оставил его гибель неотомщенной. Тем более что маршал умер при таких загадочных обстоятельствах.

– Фальк! – Это имя, как игла из самострела, вырвалось из уст Брайанта. – Отвечать будет Фальк! – Лицо юноши побледнело. – Ему еще предстоит объясняться с Сириком и Дуартом! Что и говорить, владыке Верлена сейчас не позавидуешь. Но этот твой болтун сообщил сержанту такие подробности, словно слышал отчет из первых уст.

– Корабль с посольством герцога только что прибыл в Карс. А посол, как утверждают, любит поболтать, – заметил Корис.

– Корабль! – Колдунья резко встала, и ее расшитое золотом алое платье всколыхнулось подобно языку пламени. – Фалька на мякине не проведешь. Но как-то уж все слишком быстро. Не думаю, чтобы Фальк так спешил, дабы только отвести гнев Ивиана...

Темные глаза колдуньи хмуро осмотрели собравшихся, словно она сравнивала свои силы с силами противника.

– Не нравится мне это. Людей из Верлена, конечно, следовало ожидать – Фальку просто необходимо заговорить зубы герцогу, иначе башни его собственного замка обрушатся ему на голову. Он найдет способ склонить на свою сторону Сирика с Дуартом, чтобы те подтвердили его выдумки. Все так. Но события развиваются слишком быстро. Уж очень это похоже... Я готова поклясться, что...

Колдунья стала расхаживать по комнате, шурша платьем.

– Мы, колдуньи Эсткарпа, владеем наваждениями, но, клянусь Даром, тот шторм не был таковым! Разве что кольдеры умеют управлять силами природы... – Колдунья замерла на месте и прижала пальцы к губам, как бы боясь проговориться. – Если кольдеры умеют... – Она перешла на шепот. – Не могу поверить, что мы оказались здесь по воле кольдеров! Не желаю верить! И все же... – Женщина повернулась лицом к Саймону. – Я понимаю Брайанта, зная мотивы его поступков, понимаю, что движет Корисом, но тебя, человека, появившегося на болоте торов, я не понимаю! Если ты не тот, за кого себя выдаешь, значит мы сами виноваты в своих несчастьях.

Корис насторожился, с силой сжав рукоять топора, и шелковая тряпка упала на пол.

– Он принят Верховной Владычицей, – сказал капитан спокойно, но Саймон видел, что Корис следит за каждым его движением, будто ждет внезапного нападения.

– Это так! – Колдунья кивнула. – И не хочется верить, что кольдеры проникли к нам в самое сердце, а мы не сумели этого распознать. Кольдеры могли поставить завесу, – продолжала она рассуждать вслух, – но это уже само по себе вызывало бы подозрения! Хотя... Есть еще один способ проверки! – Она расстегнула воротник платья, достала колдовской камень и немного подержала на ладони, вглядываясь в его дымчатую глубину. Затем, сняв цепочку с шеи, колдунья протянула камень Саймону. – Возьми!

Корис вскрикнул и соскочил с подоконника, но Саймон спокойно принял камень. Гладкий кристалл сначала был холодным, как всякая полированная вещь, а потом вдруг стал нагреваться, делаясь все горячее, и странное дело – этот жар не обжигал ладоней. Камень словно ожил. На его поверхности появилось мерцающее свечение.

– Я знала! – хрипло прошептала колдунья. – Ты не кольдер! Нет! Кольдер не смог бы держать камень, ибо в нем – Пламя Силы! Я рада тебе, брат по Дару! – Женщина вновь начертила в воздухе перед собой тут же вспыхнувший знак и, когда он погас, взяла у Саймона камень.

– Но он – мужчина! Клянусь, прошедшие перевоплощения не могут так себя вести! К тому же мы жили с ним бок о бок в казарме! – зачастил Корис. – Я не возьму в толк, как это Даром владеет мужчина?

– Он человек из другого мира, другого времени, а что мы знаем о других мирах? Во всяком случае, теперь я уверена в одном: он не кольдер. Возможно, конечно, что именно таких людей кольдеры готовят для решающей битвы... Но сейчас нам нужно...

Рассуждения колдуньи были прерваны звоном гонга. Саймон и Корис переглянулись, Брайант достал самострел.

– Это у входа, – сказал он.

– Звон-то условный, да слишком не вовремя, – нахмурилась колдунья. – Посмотри, Брайант, но будь осторожен.

Корис и Саймон молча последовали за молодым человеком. Они еще не дошли до дверей, когда услышали снаружи какой-то шум, и Саймон напрягся, уловив в нем что-то очень хорошо знакомое. Корис помрачнел:

– Это толпа! Гул разъяренной толпы!

Саймон, сразу вспомнив пережитый им когда-то ужас, утвердительно кивнул и приготовил самострел.

Пришедший, без всякого сомнения, принадлежал к Древней расе Эсткарпа, и синяки на лице не могли этого скрыть. Когда они открыли дверь, человек буквально упал им на руки, и Корис еле успел подхватить его. Толпа на улице загудела, да так, что земля вздрогнула под ногами, но Брайант уже запер дверь на все засовы.

Человек вымученно улыбнулся Корису и хотел было что-то сказать, но из-за рева толпы никто ничего не слышал. Отложив разговоры, Саймон и Корис затащили беглеца в дом.

Когда появилась колдунья, он уже оправился настолько, что даже попытался поприветствовать ее. Женщина налила в чашку немного какой-то синеватой жидкости и поднесла к его губам.

– Что с Вортимером?

Человек откинулся на спинку кресла:

– Ты можешь послушать, как его гонят, госпожа! Вместе с ним и другие наши, те, кто успел вовремя добраться до посольства. За остальными же охотятся на улицах. Перед выходцами из Эсткарпа и перед теми, кто принадлежит Древней расе, герцог приказал трижды протрубить в рог! Он просто сошел с ума!

– И их тоже? – Колдунья прижала ладони к вискам, словно хотела унять нестерпимую головную боль. – У нас мало времени! Нельзя терять ни минуты!

– Вортимер послал меня, чтобы я тебя предупредил. Ты последуешь за ним, госпожа?

– Пока нет.

– Тех, перед кем трижды протрубили в рог, всякий может убить в любую минуту. А в Карсе теперь убивают, сперва вволю поиздевавшись, – бесстрастно сказал беглец. – Не знаю, насколько ты можешь рассчитывать на Альдис...

Колдунья засмеялась:

– Я вовсе не рассчитываю на Альдис, Вортгин. Нас пятеро... – Она вертела в руках чашку. – Но сейчас речь идет не о наших жизнях. На окраинах Карстена живут древние роды, и, если их вовремя предупредить, они, может быть, успеют уйти через горы в Эсткарп. К тому же все, что мы узнали здесь, необходимо сообщить Верховной Владычице. Боюсь, не хватит сил, одной мне не справиться. – Она посмотрела на Саймона. – Ты должен помочь мне, брат!

– Но я не знаю как! – воскликнул он. – У меня нет опыта.

– Ты просто встанешь рядом и совместными усилиями мы... В этом вся наша надежда, Саймон.

Корис смотрел через окно в сад и спросил, не оборачиваясь:

– Перевоплощение, госпожа?

– А что мы можем предпринять еще? – Колдунья пожала плечами.

Вортгин облизал сухие губы:

– Делай что хочешь, госпожа, но надо уходить из этого проклятого города. Тогда я смогу привести под твои знамена людей провинции, у меня там много родственников, и мне поверят.

– Идемте! – Колдунья повела их все в ту же таинственную комнату, где она колдовала.

Уже в дверях Корис остановился:

– Я возьму с собой подарок Вольта. Не изменяй меня так, чтобы я не смог поднять топора.

– Я назвала бы тебя сумасшедшим, – резко сказала колдунья, – если бы не знала истинной ценности этого оружия. Но учти, оно сделано не человеком, поэтому не знаю, получится ли. А теперь помогите мне, да поживее!

Когда Корис и Саймон отнесли к стене комнаты кресло, стул и другие вещи, колдунья убрала ковер и колдовским камнем провела на полу несколько линий, которые вспыхнули, приняв форму огненной пятиконечной звезды. Немного поколебавшись, Корис положил топор Вольта в ее центр.

Колдунья повернулась к Саймону:

– На самом деле мы все останемся такими, какие есть, и лишь на время изменим облик, чтобы обмануть тех, кто встанет на нашем пути. Дай мне опереться на твою Силу, чтобы сконцентрировать свою. – Она все оглядела, поставила рядом с топором жаровню и раздула в ней угли. – Приготовьтесь! И будь что будет!

Корис тронул Саймона за руку:

– Раздевайся донага, иначе Сила не подействует, – сказал он, стягивая с себя куртку.

Саймон последовал его примеру, а потом они вместе помогли раздеться Вортгину.

Наполняя комнату красноватым маревом, из жаровни повалил дым, почти скрыв из виду неуклюжую фигуру Кориса и мускулистое тело Вортгина.

– Встаньте по лучам звезды! – приказала колдунья и добавила: – А ты, Саймон, встань рядом со мной.

Он пошел на ее голос и сразу потерял из виду Кориса. Потом он увидел бледную руку колдуньи, что тянулась навстречу его руке. Под ногами пылал контур звезды, ничего другого невозможно было разглядеть – дымовая завеса поглотила комнату.

Откуда-то издалека послышалось пение. Саймону показалось, что он стал растворяться, что его тело вот-вот распадется на мельчайшие частички и сольется с этим маревом. И в то же время он ощущал тепло, но не снаружи, а изнутри; больше того, он чувствовал движение этого тепла – оно потоком уходило из его тела через правую руку. Саймон подумал даже, что мог бы увидеть, как это происходит, если бы не дымовая завеса. Впрочем, это было не так уж важно, главное, сам он не стал этим дымом, он по-прежнему существует!

Пение стало громче. Саймону уже доводилось слышать такое, но тогда оно будило в нем вожеление, с которым пришлось бороться усилием воли. Теперь пение действовало как-то иначе, во всяком случае желания противиться его воздействию не возникало.

Саймон невольно закрыл глаза, внимая ему, и звуки, казалось, проникали в каждую точку его тела, но в то же время он знал, что поток тепла, исходящий через его руку, питает силой эти звуки.

Немного погодя руки Саймона безвольно повисли, движение тепла прекратилось и пение смолкло. Саймон открыл глаза. Мареву понемногу редело, в нем появились просветы. В одном из них Саймон увидел мерзкую рожу головореза, которую и лицом-то трудно было назвать. Но на жуткой этой физиономии сияли лукавые глаза Кориса! А рядом с ним стояло другое страшилище с изъеденной язвами кожей и пустой глазницей.

Разбойник с глазами Кориса перевел взгляд с Саймона на соседа и ухмыльнулся, обнажив гнилые желтые зубы.

– Славная компания!

– Одевайтесь! – раздался откуда-то голос колдуньи. – Теперь вы – негодяи, вылезшие из подвалов Карса, чтобы убивать и грабить. Именно такие красавчики выползают на улицы, когда трижды звучит рог!

Все снова облачились в свою одежду, хотя она не очень подходила для таких подонков, какими они выглядели сейчас. Корис поднял с пола какую-то ржавую железную палку с крючьями, на которую Саймон даже внимания не обратил.

В комнате не было зеркала, и Саймон не знал, как выглядит он сам, но догадывался, что его внешность не менее отвратительна, чем у остальных. Он предполагал, что измениться должны были и колдунья, и Брайант, но то, что через минуту открылось его взору, превзошло все ожидания. Колдунья превратилась в горбатую седовласую старуху с лицом, искаженным гримасой лютой злобы. А вместо молодого человека рядом с ней стояла девушка в расшитом золотом алом платье.

Да, невзрачный Брайант превратился в пышнотелую красотку, которая даже не позаботилась о том, чтобы завязать шнурки на корсаже. Старуха ткнула пальцем в Саймона:

– Это твоя добыча, молодчик! Взвали красотку на плечо, а когда устанешь, вот эти разбойнички пособят тебе. И смотри не выходи из образа!

Она толкнула мнимую девушку в спину с такой силой, что та, споткнувшись, упала в объятия Саймона. Он легко подхватил ее и вскинул на плечо. Колдунья еще раз осмотрела всю братию взглядом опытного режиссера и напоследок, для полноты картины, сдернула платье с одного плеча девушки.

Саймон же только подивился колдовскому искусству. Он был уверен, что все они изменятся лишь для зрительного восприятия, но его не покидало ощущение, что он держит в объ-

ятях самую настоящую женщину! Ему все время приходилось напоминать себе, что в действительности у него на плече Брайант.

По улицам Карса разгуливали не одна подобная им разбойничья шайка. Но каково же было видеть мнимым разбойникам сцены грабежа и насилия и не иметь возможности помочь несчастным. Это мучило их всю дорогу до пристани. Там у ворот стояла охрана. Когда Саймон со своей вопящей жертвой на плече подошел к воротам, сопровождаемый бандой оборванцев, колдунья с мешком за спиной забежала вперед, неожиданно споткнулась и упала, рассыпав награбленное добро. Содержимое мешка сверкало и переливалось в дорожной пыли.

Стражники бросились собирать драгоценности, а их офицер грубо оттолкнул старуху в сторону. Однако один из них, похоже, решил не изменять своему воинскому долгу, а может, его больше привлекала добыча Саймона. Как бы то ни было, он преградил дорогу копьем и нагло ухмыльнулся:

– Эй, оборванец! Оставь-ка здесь свой скоропортящийся груз! Тебе больно жирно будет, а тут есть кому за ней присмотреть.

Едва он договорил, Корис зацепил его своей ржавой палкой за ногу, стражник рухнул, и вся компания бросилась через ворота к причалу. За ними по пятам гнались разъяренные охранники.

– В воду! – крикнул Брайант и, вырвавшись из рук Саймона, бросился в реку.

Капитан прыгнул следом за ним и вынырнул рядом с алым платьем, вздувшимся на воде. Вортгин, прихрамывая, тоже бежал к берегу. Саймон оглянулся, ища глазами колдунью.

За ними больше никто не бежал, а на дороге завязалась какая-то потасовка. Вытащив самострел, Саймон ринулся туда со всех ног. Трижды он останавливался, чтобы выстрелить, и трижды игла достигала цели. А потом он увидел распластанную на земле старуху и приставленный к ее горлу меч.

Саймон успел сделать еще два выстрела, после чего пустил в ход кулаки и, вероятно, переломал немало костей, в общем охранники, оставшиеся на ногах, попросту разбежались. Саймон взвалил на плечо бесчувственное тело колдунии и двинулся к ближайшей барже. С большим трудом ему удалось подняться на палубу.

Неожиданно женщина очнулась и начала вырываться, решив, по-видимому, что оказалась в руках насильника. От неожиданности Саймон потерял равновесие, и они вместе полетели в воду. Наглотавшись воды, он вынырнул, оглянулся – женщина была рядом.

– Эй!

Их окликнули с плывущей по течению баржи и бросили веревку. Саймон и колдунья взобрались на судно и увидели Кориса, машущего им рукой.

У противоположного борта баржи покачивалась на воде небольшая шлюпка, в которой сидели Вортгин и склонившийся над водой Брайант – его тошнило. В мокром платье, облепившем тело, он поистине выглядел как жертва насилия. Когда все спустились в шлюпку, Корис оттолкнулся от баржи своей крючковой палкой.

– Я думал, ты потерял ее у ворот, – заметил Саймон.

– Скорей меня убьют, чем я ее потеряю! – обиженно воскликнул капитан. – Да что об этом, главное – нам удалось оторваться от охранников, и у нас появилась небольшая передышка. Надеюсь, нам удастся добраться незамеченными до другого берега, ведь они, наверное, решили, что мы укрылись на барже. Подождем, пока она отойдет подальше от гавани, и отчалим.

С его предложением все согласились, однако еще довольно долго беглецы оставались под прикрытием баржи. Брайант наконец пришел в себя и все норовил отвернуться, словно стесняясь своей новой внешности. Колдунья сидела на носу шлюпки и внимательно осматривала противоположный берег.

На их счастье, вскоре начало темнеть. Под покровом ночи беглецы рассчитывали уйти как можно дальше от Карса. Вортгин хорошо знал здешние места и мог провести их полями, минуя селения, близ которых можно было нарваться на заставу.

– Нынешним приказом Ивиан самого себя обрекает на гибель, – сказал Вортгин. – Старая знать недолюбливает герцога, а с нами они связаны кровными узами. Может, они и не встанут на нашу сторону, но, во всяком случае, людям герцога помогать не будут. Уж скорее закроют глаза и уши, сделав вид, что ничего не знают.

– Да, Карстен отныне для нас закрыт, – согласилась колдунья. – Думаю, нужно уходить к границе, пока не поздно. Так-то... Тьма наступает!

Встретив ее взгляд, Саймон понял, что колдунья говорит не о ночной тьме, которая быстро сгустилась над их головами.

6

Поддельный сокол

Саймон, Корис и Вортгин, прикрывшись ворохом сена, лежали в поле за стогом и наблюдали, что делается в деревушке у перекрестка дорог. Там мелькали сине-зеленые плащи наемников герцога. Четверо хорошо вооруженных всадников явно были снаряжены для дальнего похода. Соблюдая церемониал, предводитель этого небольшого отряда подъехал к Столбу Объявлений и приложил к губам рог. Его латы сверкали серебром в лучах утреннего солнца.

– Раз... два... три... – вслух считал Корис.

Звуки рога разносились по всей округе, но что говорили наемники селянам, отсюда разобрать было невозможно.

Корис повернул голову к Вортгину:

– Герцог поспешает. Тебе нужно отправляться к своим, чтобы успеть их предупредить.

Вортгин с силой воткнул в землю кинжал, словно перед ним была грудь наемника в сине-зеленом плаще:

– Пешком я все равно не успею.

– Верно. Но у них есть как раз то, что нам требуется. – Корис ткнул пальцем в сторону верховых.

– За мостом дорога проходит через лес, – заметил Саймон.

На лице капитана, и без того ужасном, появилась злобная гримаса.

– Скоро они закончат разговоры. И нам пора.

Покинув засаду, они перешли вброд реку и двинулись по запущенной лесной дороге, которая уходила на север. Здешняя старая знать недолюбливала герцога, не любили его и простые люди, поэтому, кроме главных трактов, все остальные дороги постепенно приходили в негодность.

Дорога шла между холмами, поросшими травой и кустарником, – места небезопасные для любого путника, а тем более если на нем плащ наемника. Саймон укрылся в кустах, Корис занял позицию поближе к реке, чтобы отрезать противнику путь к отступлению, а Вортгин засел по другую сторону дороги напротив Саймона. Теперь оставалось только ждать.

Предводитель наемников оказался толковым командиром. Один его человек ехал впереди и внимательно осматривал придорожные кусты, но он миновал спрятавшихся, не обнаружив их. Следом проехали двое – сам предводитель и его адъютант. Четвертый всадник замыкал отряд.

Когда он поравнялся с Саймоном, тот выстрелил, но не в него, а в адъютанта.

Выстрел оказался точным. Демонстрируя отличное владение конем, предводитель мгновенно развернулся и увидел, как замыкающий всадник тоже упал с лошади, кашляя кровью.

По плечу Саймона чиркнула игла – разорвав одежду, она оцарапала кожу, и он понял, что противник ему попался достойный. Ехавший впереди щитоносец ринулся было на помощь командиру, но тут Вортгин поднялся из-за куста и бросил в него кинжал. Оружие сверкнуло на солнце и вонзилось воину в горло – тот рухнул на землю, даже не вскрикнув.

В следующее мгновение над самой головой Саймона пронеслись копыта лошади, которая, вдруг потеряв равновесие, упала на спину и подмяла под себя хозяина. Тут из засады выскочил Корис и обрушил на голову тщетно пытающегося освободиться офицера свою железную палку.

Они быстро раздели наемников и поймали коней. Упавшая лошадь, к их радости, поднялась и как будто ничего себе не повредила, но перепугалась и беспокойно ржала. Оттащив тела наемников в кусты, они привязали снаряжение воинов к седлам, после чего направились к заброшенной овчарне, где оставили колдунью и Брайанта.

Когда они подходили к овчарне, двое оставшихся о чем-то жарко спорили: раздраженные возгласы Брайанта прерывал суровый голос колдуньи.

Но едва в проеме ветхой изгороди показался Саймон, они замолчали и не проронили ни слова, пока мужчины заводили коней с поклажей. Вдруг Брайант вскрикнул и бросился к узлу с кольчугой и кожаной курткой.

– Я хочу свою внешность обратно! И немедленно! – крикнул он запальчиво.

Впрочем, Саймон вполне разделял чувства молодого человека: в его-то возрасте играть ненавистную роль девицы – да это хуже рабства! Даже им, людям, давно уже подчинившим свою жизнь приказу, и то не хотелось больше оставаться в столь отвратительном обличье, хотя, возможно, только оно и спасло им жизнь.

– И то верно, – поддержал юношу Саймон. – Можем ли мы стать прежними по своей... точнее, по твоей воле, госпожа? Или требуется выждать какой-то срок?

Колдунья хмуро посмотрела на них из-под спутанных косм:

– Зачем тратить на это время? Нас еще могут настигнуть люди герцога. Вижу, вы уже встретились с ними.

Она взяла в руку сине-зеленый плащ, словно намереваясь примерить его к своей согбенной фигуре.

Брайант угрюмо смотрел на колдунью, прижимая к груди узел с кольчугой и курткой, его губы были плотно сжаты.

– Я уйду отсюда сам собой! Или вообще никуда не пойду! – воскликнул он, и Саймон ни на минуту не усомнился, что так оно и будет.

Колдунья сдалась. Достав из-за пазухи небольшой мешочек, она бросила его юноше:

– Ступай к ручью, омойся. Но порошка больше щепотки не трать, а то другим не хватит.

Брайант поймал мешочек и, прижимая к груди узел с одеждой, стремглав выскочил из овчарни, как будто боялся, что его остановят.

– А с нами как? – твердо спросил Саймон, готовый двинуться вслед за Брайантом.

Корис привязывал лошадей к покосившейся изгороди. Его бандитская физиономия была отвратительна, но он умудрялся по-прежнему заразительно смеяться.

– Пусть птенчик спокойно избавится от своих нарядов, Саймон. В конце концов, он же столько терпел. Это платье, наверное, совсем вывело его из себя.

– Платье? – с удивлением спросил Вортгин. – Но...

– Саймон не принадлежит Древней расе, – перебила его колдунья, проведя растопыренными пальцами по своим космам. – Он еще плохо представляет себе, что такое перевоплощение. Ты прав, Корис. – Колдунья как-то странно посмотрела на капитана. – Нужно дать Брайанту спокойно прийти в себя.

Сине-зеленый плащ незадачливого наемника мешком висел на юном воине, который много бодрее возвращался от ручья. Он швырнул алый комок ненавистного платья в угол овчарни и яростно принялся забрасывать его землей. Саймон, Корис и Вортгин направились к ручью.

Прежде чем окунуться самому, Корис тщательно обмыл и протер свою ржавую палку с крючьями. Выходя из воды, он уже держал в руках топор Вольта. Они разобрали одежду. Корис вновь надел свою кольчугу, которую захватил из Карса: никакая другая не подошла бы ему. В целях маскировки поверх кольчуги он накинул плащ наемника, так же поступили и остальные.

Вернувшись в овчарню, Саймон отдал мешочек колдунье. Та некоторое время подержала его, о чем-то раздумывая, а затем снова убрала себе за пазуху.

– Вы – славные воины герцога, а я – ваша пленница. В шлемах и капюшонах вы почти не похожи на людей Древней расы, во всяком случае, это не так бросается в глаза. Ну, разве что немножко у Вортгина. Но если меня увидят в истинном обличье, то все пропало. Поэтому, пожалуйста, со сменой внешности я повременю.

Так они и покинули заброшенную овчарню – четверо воинов в сине-зеленых плащах наемников герцога и старуха, примостившаяся позади Брайанта. Лошади отдохнули, но всадники не торопились. Нужно было пересечь всю страну, и они двигались, избегая больших дорог и селений. Наконец они достигли места, откуда Вортгину надлежало отправиться на восток.

– А мы вдоль торговых трактов поедem на север, – сказала колдунья из-за спины Брайанта. – Если успеем предупредить сокольников, они беспрепятственно пропустят беженцев через горы. Скажи своим людям, чтобы не брали с собой много скарба – только оружие и провизию, сколько выдержит лошадь. И да будет с тобой Сила, Вортгин! Те, кого ты приведешь в Эсткарп, станут кровью в его жилах!

Корис снял с плеча рог наемника и протянул его Вортгину:

– Он послужит тебе пропуском, если встретишься ненароком с людьми герцога. Удачи тебе, брат! Попадешь на север – приходи в гвардию. Для тебя там всегда найдутся подходящие доспехи!

Вортгин махнул рукой на прощание, прищипорил лошадь и галопом поскакал на восток.

– Что дальше? – спросила колдунья Кориса.

– К сокольникам!

Она фыркнула:

– Ты забыл, капитан, хоть я стара и немощна с виду и кажется, что все соки из меня уже высосаны, я все же остаюсь женщиной – и, значит, ворота крепости сокольников для меня закрыты. Переведи меня с Брайантом через границу, а потом отправляйся к своим женоненавистникам и сделай все, чтобы они были с нами! Граница, оцетинившаяся мечами, заставит Ивиана трижды подумать, прежде чем напасть на нас. Даже если сокольники только переведут наших родичей из Карстена через горы, мы и то будем у них в неоплатном долгу. Но прежде сбросьте вот это! – Она дернула рукой сине-зеленый плащ Брайанта. – Иначе в горах вас пригвоздят к какому-нибудь дереву, прежде чем разберутся, кто вы есть на самом деле.

На этот раз, когда над ними закружился сокол, Саймон не удивился тому, что Корис назвал птице настоящие имена членов отряда и объявил, зачем они направляются в горы. Капитан ехал впереди, Саймон – сзади, а в середине ехали Брайант с колдуньей. Они расстались с Вортгином в полдень, а теперь солнце уже клонилось к закату. Весь день они почти ничего не ели, если не считать скудных запасов из седельных сумок наемников.

Корис натянул поводья и подождал остальных. Он не сводил глаз с приближающихся гор, и Саймону показалось, что капитан потерял свою обычную уверенность.

– Что-то мне это не нравится, – проговорил Корис. – Мое сообщение давным-давно должно было попасть по назначению, и пора бы уже появиться дозорному отряду. Почему их нет? Когда мы были в Соколином Гнезде, сокольники прямо выступали за союз с Эсткарпом.

Саймон с тревогой смотрел на горные склоны:

– Без проводника я бы не отважился в темноте ехать дальше. К тому же, если ты считаешь, капитан, что сокольники ведут себя странно, тем более лучше не углубляться в их владения. Давайте станем лагерем в первом же подходящем месте.

Саймона прервал Брайант, который, запрокинув голову, внимательно следил за парящей над ними птицей:

– Станный какой полет... – Юноша, бросив поводья, изобразил руками движение крыльев. – Сокол обычно машет крыльями вот так... Я часто наблюдал за ними. А эта птица, смотрите, – хлоп, хлоп, хлоп!

Теперь уже все наблюдали за кружащей над ними птицей. Саймон не заметил в этом пернатом часовом ничего особенного. Точно такой же сокол, какого встретили они, выйдя из склепа Вольта. Впрочем, он ничего не смыслил в орнитологии.

– Ты можешь высвистеть его вниз? – спросил он Кориса.

Капитан вложил пальцы в рот и громко свистнул.

В тот же момент Саймон вскинул самострел. Корис с криком ударил его по руке, но тот уже успел выстрелить. Игла попала точно в белое пятно на груди сокола, однако птица как ни в чем не бывало продолжала кружить над их головами.

– Я же говорил, что это не птица! – воскликнул Брайант. – Колдовство!

Ожидая объяснений, все повернулись к колдунье, но она не сводила глаз с сокола, который с торчащей в груди стрелой делал над ними очередной круг.

– Это не наша Сила, – вырвалось у нее невольно. – Не знаю, что это, но оно не живое!

– Кольдер! – воскликнул Корис и сплюнул.

Колдунья медленно покачала головой:

– Если это и кольдер, то не одержимый, как это было сделано с людьми Горма. Не знаю, ничего не могу понять...

– Нужно его поймать, – предложил Саймон. – Смотрите, он снижается. Может, стрела тянет его вниз? Дай-ка мне твой плащ, – обратился он к колдунье и спешился.

Она протянула ему свой драный плащ, и, перекинув его через руку, Саймон начал взбираться на скалу, мимо которой шла тропа. Он рассчитывал на то, что птица никуда не улетит за это время, и не ошибся. К тому же с каждым кругом сокол спускался все ниже и ниже.

Саймон ждал удобного момента, расправив плащ, и, держа его за угол, наконец бросил его в сокола, и птица забилась в этой импровизированной сети. Саймон потянул плащ на себя, но сокол рванулся в сторону, вырвался и, как слепой, ударился головой о скалу.

Саймон бросился на него, ощутив под руками настоящие перья, но под ними... Он даже присвистнул от удивления. Под покровом сломанных перьев и прорванной кожи виднелась путаница мелких металлических деталей, колесиков, проводков и небольшое устройство, напоминающее мотор. Подняв сокола за крыло, Саймон спустился со скалы к товарищам.

– Ты уверен, что у сокольников только настоящие соколы? – спросил он Кориса.

– Соколы для них священны, – сказал Корис и побледнел, увидев внутренности птицы. – Нет, это не их выдумка. Ученые соколы – их сила, зачем им подделки?

– Но кому-то же понадобилось поднять в небо механического сокола! – воскликнул Саймон.

Колдунья склонилась над птицей и тоже дотронулась до нее. Когда она подняла глаза на Саймона, в них были вопрос и тревога.

– Другой мир... – прошептала она. – Это не наше колдовство. Такое не может быть порождено ни нашим временем, ни нашим миром. Чужое, Саймон, чужое...

Ее прервал возглас Брайанта, который, подняв руку, снова смотрел вверх. Еще одна черно-белая птица снижалась над ними плавными кругами. Саймон опять потянулся за самострелом, но юноша резко ударил его по руке:

– Этот – настоящий!

Корис свистнул, и птица, повинаясь приказу, как и положено ученому соколу, села на ту самую скалу, рядом с тропой.

– Я Корис из Эсткарпа! – крикнул капитан. – Пусть тот, кто послал тебя, крылатый брат, поторопится. Уже вершится большое зло, а впереди, возможно, еще большее. – Он взмахнул рукой, сокол поднялся в небо и улетел в горы.

Саймон убрал механическую птицу в свою седельную сумку. Еще в Соколином Гнезде он заинтересовался средствами связи сокольников и устройствами, которые они крепили к лапам соколов. Создание столь миниатюрных и точных приборов требовало соответствующих знаний, но откуда они у жителей средневековой крепости? Такое же недоумение вызывали у него искусственное освещение и система отопления Эсткарпа и Сулькара, а уж об энергетической установке, которую взорвал Магнис Осберик, и говорить нечего. Может быть, все это – остатки достижений древней цивилизации? Или все-таки пришло из другого мира?.. Ничего не видящими глазами Саймон смотрел вперед, силясь разрешить загадки этого мира.

Корис говорил ему о сверхчеловеческой расе Вольта, предшествовавшей нынешнему человечеству. Может, это и есть следы знаний вымершей расы? А может, сокольники и сулькарцы получили необходимые им знания где-нибудь за морем? Саймон хотел получше рассмотреть поддельного сокола, чтобы определить хотя бы, какой тип разума мог его создать.

Сокольники появились неожиданно, просто как из-под земли выросли перед ними. Они ожидали приближения отряда, не преграждая дороги, но и не приглашая следовать за ними.

– Фальтьяр с Южных ворот! – Корис узнал их предводителя и снял с головы шлем, чтобы в лучах заходящего солнца можно было увидеть его лицо. – Я Корис из Эсткарпа, со мной гвардеец Саймон...

– И женщина! – холодно сказал сокольник, а его сокол заклекотал и взмахнул крыльями.

– Эта леди из Эсткарпа! Я должен провести ее через горы, – сказал капитан столь же холодно и жестко. – Мы не просим у вас убежища, но у нас есть важные известия для Владыки Крыльев.

– Путь через горы открыт для тебя, гвардеец. А известия ты можешь передать через меня: еще до восхода луны я доложу их Владыке Крыльев, Но ты сказал соколу, что здесь творится большое зло, а впереди еще большее. Я должен знать, в чем дело. Неужели Карстен двинул сюда свои войска?

– Герцог приказал трижды протрубить в рог перед людьми Древней расы, и они, спасая жизни, обратились в бегство. А кроме того... Саймон, покажи им.

Саймон замешкался, ему не хотелось отдавать механическую птицу, пока он сам не успел в ней как следует разобраться. Горец осмотрел останки сокола, провел пальцем по крылу, тронул стеклянный глаз, отогнул прорванную кожу и увидел под ней металлические детали.

– Он летал? – недоверчиво спросил сокольник.

– Летал, как твой, и следил за нами точно так же.

Фальтьяр ласково погладил по голове свою птицу, словно желал убедиться, что она настоящая.

– Здесь и впрямь творится большое зло. Ты сам должен говорить с Владыкой Крыльев! – Было видно, как горец разрывается между желанием соблюсти древние обычаи своего народа и необходимостью немедленных действий. – Если бы не женщина... госпожа... – неохотно поправился он. – Ей нельзя входить в Соколиное Гнездо!

Тут вмешалась колдунья:

– Мы с Брайантом останемся здесь, капитан, вы же с Саймоном поезжайте к Владыке Крыльев. А ты, сокольник, запомни мои слова: близок день, когда придется отказаться от многих древних обычаев – и нам в Эсткарпе, и вам в горах. Лучше жить и сражаться, чем умереть

связанным цепями предрассудков. Над миром нависла небывалая угроза, и мы должны быть вместе!

Сокольник опустил глаза и молча неуклюже отсалютовал, всем своим видом давая понять, что идет на большие уступки. Затем его сокол с клетотом взвился в небо, а хозяин обратился к Корису:

– Будь спокоен, мы обеспечим госпоже полную безопасность. Едем!

Часть четвертая

Горм

1

Прорыв через границу

В небо поднимался столб черного дыма, озаряемый время от времени языками пламени. Саймон привстал на стременах, чтобы лучше видеть завершение схватки его партизанского отряда с карстенским войском. На этот раз им тоже повезло. Но как знать, долго ли это будет продолжаться?.. Во всяком случае, до тех пор, пока удача не отвернется от них, они будут совершать свои вылазки в долины, прикрывая отход из Карстена темноволосых беженцев, которые пробираются к границе целыми кланами, в полном вооружении и в одиночку, страдая от ран и истощения. Вортгин сделал свое дело. Древняя раса, точнее, то, что осталось от нее, через открытую сокольниками границу уходила в Эсткарп.

Люди, не обремененные семьями и горящие желанием с оружием в руках отомстить врагу, оставались в горах, пополняя отряды Саймона и Кориса. Когда же капитана гвардейцев отозвали в Эсткарп, Саймон остался командовать один.

Они вели партизанскую войну, методы которой Саймон хорошо изучил в другое время в другом мире. В горах такая война была эффективна вдвойне, поскольку люди Саймона, в отличие от карстенских наемников, знали здешние места прекрасно. Кроме того, он заметил, что хмурые молчаливые всадники, которые ехали теперь за его спиной, какой-то неразрывной связью связаны с самой этой землей, с ее горами, животными и птицами, хотя те и не служили им так же, как ученые соколы сокольникам. Например, Саймон обратил внимание на то, что стада оленей затаптывают следы их лошадей, а вороны с криками кружат над засадами карстенских наемников. Поэтому перед каждой вылазкой Саймон непременно выслушивал сообщения своих сержантов и серьезно обдумывал их советы.

Хотя люди Древней расы отлично владели оружием, они все-таки не были рождены для войны и к ратной службе относились как к не приятной обязанности, которую надлежит побыстрее выполнить и забыть. Убивая, они не истязали людей, поскольку вообще были не способны на жестокость – в отличие от карстенских живодеков, которые чинили зверства над захваченными в плен беженцами и вырезали целые деревни.

Однажды, в одной из деревень, где произошла резня, побелевший, усилием воли сдерживающий тошноту, Саймон поразился словам одного из своих молодых офицеров:

– Не могли они сотворить такое по своей воле.

– А я такое и раньше видал, – возразил Саймон. – И все это делали самые обыкновенные люди.

Офицер, который прожил в этих местах всю свою жизнь и месяц назад бежал отсюда в горы, покачал головой:

– Ивиан – солдат, бывший наемник, и воевать – его дело. Но учинить такую расправу – значит посеять к себе лютую ненависть на многие-многие годы. А ему ведь здесь править. Герцог совсем не глуп, чтобы уничтожать свое собственное достоинство. Не мог он отдать приказ творить такие зверства!

– Но ведь эта резня не случайность... И мы видим подобное не первый раз! Словно здесь орудует какая-то банда, возглавляемая извергом!

– Верно. Мне кажется, что мы сражаемся с одержимыми.

Одержимые!.. Саймон вспомнил, в сочетании с каким словом говорили так в его прежнем мире: одержимые дьяволом! Что ж, пожалуй, после всего увиденного с этим офицером можно согласиться. Одержимые дьяволом... Опять вспомнилась засада на дороге в Сулькар. Да, одержимые, лишённые души! Неужели снова кольдеры?

Саймон начал делать записи о таких событиях, хотя вести дневник он не имел привычки. Больше всего его удивляло то, что ни разу не удавалось застать этих убийц на месте преступления. Ему хотелось посоветоваться с колдуньей, но та вместе с Брайантом ушла на север вслед за первой волной беженцев.

Многочисленные дозоры партизан ежедневно доставляли Саймону разведданные. По вечерам, уединившись в очередном наспех оборудованном командном пункте, он пытался осмыслить их и свести воедино, но ничего определенного до сих пор сказать было невозможно. Тем не менее он все больше убеждался, что некоторые карстенские отряды действуют несвойственным им образом, и предполагал, что в войска герцога проникло чье-то чужое влияние.

Чужаки! Как и прежде, Саймона терзала мысль о таинственном несоответствии уровня развития общества и его технических достижений. Люди, бежавшие из Карстена, рассказывали ему, что энергетические установки появились у них давным-давно – их привезли откуда-то «из-за моря». Оттуда же, «из-за моря», привезли свои энергетические установки и сулькарские мореходы, а Древняя раса приспособила эти установки для освещения и отопления помещений. И сокольники со своими удивительными средствами связи приплыли сюда «из-за моря». И кольдеры – тоже «из-за моря»! И что это вообще означает? Неужели все идет из одного источника?

Добытые сведения Саймон отправлял с гонцами в Эсткарп, получая от колдуний, в свою очередь, новости с севера. Единственное, в чем Саймон был уверен, – пока его отряд пополняют воины Древней расы, он может не бояться проникновения чужаков, поскольку эти люди сразу почувствовали бы присутствие одержимых.

В горах обнаружили еще трех поддельных соколов. Но пока их ловили, все они разбились, и Саймону принесли только жалкие обломки. Кто и зачем сделал их? Это так и оставалось загадкой.

Ингвальд, офицер из карстенских беженцев, стоял рядом с Саймоном и смотрел на уничтоженную деревню в долине.

– Основные наши силы, с трофеями, уже отошли в горы, командир. На этот раз мы кое-что прихватили с собой. После пожара они не смогут определить, что попало в наши руки. Там взяли четыре ящика игл и порционно провизии.

– Многовато для небольшого отряда. – Саймон нахмурился. Его мысли вернулись к текущим делам. – Похоже, герцог собирается где-то здесь базировать свои войска, а это может означать подготовку массированного наступления.

– Не понимаю, – задумчиво сказал Ингвальд. – С чего все это вдруг началось? Конечно, мы не особенно любим – да и не за что! – людей с побережья. Явившись из-за моря, они оттеснили нас вглубь страны. Но ведь десять поколений мы жили с ними мирно, не вмешиваясь в дела друг друга. Древняя раса никогда не помышляла о войне и не давала повода для столь внезапного нападения. Но чем дальше, тем больше становится ясно, что все это давно и тщательно продумано.

– И не обязательно герцогом! – Саймон тронул коня. Адъютант ехал по тропе бок о бок с ним. – Мне нужен пленник, Ингвальд! Один из тех извергов, что развлекались в деревне у развилки дорог.

Темные глаза воина сверкнули.

– Если мы схватим такого, командир, его немедленно приведут к тебе.

– Живого и способного говорить! – предупредил Саймон.

– Живого и способного говорить? – повторил приказ Ингвальд. – Мы тоже считаем, что такой пленник многое бы мог прояснить. Но мы ведь ни разу не видели убийц! Только следы их работы! И думаю я, что зверствуют они намеренно, пытаясь запугать нас.

– Тут много неясного, – начал Саймон размышлять вслух. – Похоже, некто считает, что жестокостью нас можно запугать. Однако тогда этот некто не понимает, что этим он лишь усиливает сопротивление. А может... – Саймон помолчал. – Может, он делает это намеренно, чтобы направить нашу ярость на герцога и на Карстен вообще, втянуть Эсткарп в войну на юге, а затем ударить совсем в другом месте.

– А может быть, то и другое одновременно, – добавил Ингвальд. – Я знаю, командир, что ты ищешь чужаков в карстенском войске. Слышал и о событиях под Сулькармом, и о людях, проданных на Горм. Среди нас таких точно нет, мы бы их сразу распознали, как с самого начала поняли, что ты не из нашего мира.

Саймон удивленно обернулся и встретил спокойную улыбку Ингвальда.

– Да-да, человек из другого мира! Конечно, до нас дошли слухи о тебе, но уже после того, как мы сами поняли, что ты пришелец. Странно, ты из другого мира и все-таки не чужой нам. Кольдер, к примеру, не смог бы жить и воевать вместе с нами. Да и к сокольникам он ни за что бы не проник – его бы сразу распознали соколы.

– Как это? – заинтересовался Саймон.

– Птицы и звери легко отличают чужаков, даже лучше колдуний. Так что люди, подобные тем, с Горма, сразу будут ими обнаружены. Ученые птицы Соколиного Гнезда обеспечивают безопасность горной страны.

Как бы то ни было, еще до заката Саймону пришлось убедиться в том, что эта хваленая безопасность не более надежна, чем уязвимое тело птицы.

На стоянке воины разбирали трофеи. Саймон откладывал в сторону то, что собирался отправить в Соколиное Гнездо, когда услышал оклик часового и ответ приближающегося сокольника. Обрадованный возможностью переслать горцам их долю трофеев и тем самым разгрузить своих людей, Саймон двинулся ему навстречу.

Однако всадник почему-то, вопреки обычаю, не поднял забрало, как это было принято делать при встрече с союзниками. Впрочем, не только это заставило Саймона остановиться – его воины неожиданно насторожились и, оставив свои дела, двинулись к верховому, заходя ему в тыл. Как это уже бывало не раз, Саймона охватило чувство надвигающейся опасности.

Ни секунды больше не раздумывая, он молча бросился на всадника и схватил его за пояс, с удивлением отметив, что сокол даже не шелхнулся при нападении на его хозяина. Саймон действовал столь стремительно, что всадник не успел достать оружие, но затем, будто опомнившись, он всем телом навалился на Саймона и повалил его на землю. Руки в железных перчатках неумолимо потянулись к горлу Трегарта.

Его отчаянное сопротивление было подобно борьбе со стальной машиной – уже через мгновение Саймон понял, что пытается совершить невозможное. То, что было скрыто под доспехами сокольника, немыслимо одолеть в одиночку и голыми руками. К счастью, Саймон был не один: крепкие руки воинов стащили с него противника и, несмотря на то что он яростно отбивался, прижали его к земле. Потирая исцарапанное горло, Саймон привстал на колени.

– Снимите с него шлем! – приказал он.

Ингвальд занялся ремешками шлема и наконец с трудом расстегнул их.

Весь отряд собрался вокруг воинов, прижимающих к земле чужака, который не переставал вырываться. У всех мужчин горной страны была характерная внешность – рыжеватые волосы и желто-карие глаза, как и у их пернатых слуг. Таким же был с виду человек, прижатый к земле, но собравшиеся около него воины твердо знали, что перед ними лежит кто угодно, только не сокольник.

– Покрепче свяжите его! – приказал Саймон. – Я думаю, Ингвальд, мы нашли то, что искали.

Он подошел к лошади, на которой приехал в лагерь мнимый сокольник, – она была вся в поту, с удил свисали клочья пены. Похоже, ее едва не загнали. В глазах животного стоял дикий страх, однако, когда Саймон потянулся к узде, лошадь даже не шевельнулась и по-прежнему стояла, опустив голову, только крупная дрожь пробежала по всему ее телу.

Сокол сидел совершенно спокойно: он не бил крыльями, не норовил клюнуть Саймона. Тот, осторожно протянув руку, схватил птицу и сразу ощутил, что держит в руках нечто неживое.

С соколом в руке он повернулся к адъютанту:

– Ингвальд, позови сюда Латора и Кару. – Он назвал имена двух лучших разведчиков. – Пусть срочно отправляются в Соколиное Гнездо, надо выяснить, как далеко проникла эта зараза. Даже если там все в порядке, мы должны предупредить сокольников. А вместо доказательств, – Саймон поднял с земли птицеклювый шлем всадника, – пусть покажут вот это. Я уверен, шлем настоящий и сделан руками горцев. – Он подошел к связанному пленнику. Тот молчал, но глаза его горели ненавистью. – Нет, не могу поверить, что это один из них...

– А мы не возьмем его с собой? – спросил Кара. – Или хотя бы птицу?

– Нет. Мы еще ничего не узнали, поэтому пока оставим их у себя. А этого нужно хорошенько стеречь. – Он кивнул на связанного.

– Пещера у водопада, командир! – воскликнул Вальдис, юноша из клана Ингвальда, последовавший за ним в горы. – Там достаточно одного часового у входа. И никто не знает о ней, кроме нас.

– Хорошо. Ингвальд, проследи за этим.

– А ты, командир?

– Я хочу выяснить, откуда идет его след. Как знать, может, он явился из Соколиного Гнезда, тогда чем раньше мы узнаем печальную правду, тем лучше.

– Вряд ли, командир. Но даже если и так, то он ехал кружным путем, ведь крепость сокольников находится от нас к востоку, а всадник появился с запада, на тропе, что идет от моря. Санту! – Ингвальд позвал одного из тех воинов, которые связывали пленника. – Поставь на тропе часовых и пришли ко мне Калуфа – который первым окликнул этого всадника.

Саймон оседлал лошадь и пристегнул к седлу сумку с провизией. В нее же он положил и механическую птицу, впервые попавшую к нему в руки неповрежденной. Он заканчивал сборы, когда к нему подбежал Калуф.

– Ты уверен, что всадник появился с запада? – спросил Саймон.

– Я готов поклясться в этом на Камне Энгиса, командир! Сокольники не любят море, хотя иногда они и служат у мореходов. Но я не слышал, чтобы они патрулировали побережье. А этот появился как раз между скалами, что прикрывают тропу, идущую от бухты, и ехал он так, словно хорошо знал дорогу.

Саймон встревожился не на шутку. Эту бухту они обнаружили пять дней назад, и она была его единственной надеждой на организацию морской связи с севером. В бухте не было скал и подводных камней, которыми изобиловало все побережье, и Саймон вознамерился соорудить там гавань для небольших судов, чтобы переправлять на север беженцев и в то же время снабжать защитников границы оружием и боеприпасами. Если бухта находится в руках врага, это надлежит выяснить – и немедленно!

В сопровождении Калуфа и еще одного воина Саймон покинул лагерь. По пути он внимательно изучал местность, отмечая все, что могло пригодиться для будущих операций. Но мысли о делах насущных перемежались раздумьями совсем иного рода.

Когда он сидел в тюрьме, у него было предостаточно времени, чтобы довольно глубоко заглянуть в самого себя. А глубины эти были мрачны. Его душа словно спала до сих пор под спудом повседневных забот воинской службы. Порой ему казалось, что, кроме них, ничего и нет, что там, внутри, – пустота. А может, Саймон просто не давал выхода тому, что там было?

Он познал страх, но это преходящее чувство обычно только побуждало его к действию. Некогда он поверил Петронию, что, шагнув за Ворота, он найдет себя вновь. Но пока этого не произошло. Ингвальд говорил об одержимых... Одержимые дьяволом... Но как узнать, владеешь ли ты собой сам, или тобой руководит некто?

Саймон как бы раздвоился, постоянно наблюдая за собой со стороны. Чужак... Его воины сразу это почувствовали. Может быть, он сам так же неуместен в этом мире, как те несоответствия, над которыми он ломает голову? Саймону показалось, что он находится на пороге какого-то открытия, которое значит очень много не только для него самого, но и для дела, которому он служит.

Ход его мыслей мгновенно прервался, когда он увидел большую ветку дерева, изогнутую горными ветрами и почти лишенную зелени. Она черной линией выделялась на фоне ясного неба, но еще чернее было то, что висело на ней.

Саймон пригнулся в седле, рассматривая три маленьких тельца, раскачивающиеся на ветру, – раскрытые клювы, остекленевшие глаза, когтистые лапы с алыми лентами и серебряными пластинками. На ветке висели три настоящих сокола со свернутыми шеями, которых специально повесили здесь, чтобы всякий проезжающий по тропе наткнулся на них.

– Зачем? – воскликнул Калуф.

– Вероятно, предупреждение. – Саймон спешил и бросил поводья Калуфу. – Оставайтесь на месте. Если меня долго не будет, возвращайтесь и доложите все Ингвальду. За мной не ходите, мы не можем зря терять людей.

Воины начали было возражать, но Саймон решительно остановил пререкания и углубился в заросли. Вскоре он обнаружил следы множества ног, сломанные ветки, вытоптанную траву, обрывки каких-то тряпок. Саймон приближался к морю: послышался шум прибоя. Все следы свидетельствовали о том, что люди пришли со стороны бухты.

Он уже дважды ходил этой тропой и теперь восстанавливал в памяти картину местности. К сожалению, берег бухты был совершенно лишен растительности, и по обе ее стороны возвышались голые скалы. Оставалось одно – сделать крюк и забраться на утес.

Этот подъем напомнил Саймону другую скальную стену, по которой он карабкался к склепу Вольта. Вот и сейчас он цеплялся руками и ногами за малейшие трещины в камне и наконец добрался до верха, лег на живот и посмотрел вниз.

Саймон ожидал увидеть все, что угодно, – голый прибрежный песок без всяких следов присутствия человека, отряд карстенских наемников, стоящий на якоре корабль... Но увидел он такое... В первый момент Саймон подумал, что перед ним просто очередное наваждение этого странного мира. Потом испугался – уж не галлюцинации ли у него начались, а вдруг то, что он видит, – порождение его собственного мозга? Но, присмотревшись внимательнее к совершенно гладкому металлическому корпусу, Саймон понял, что он хотя и очень напоминает ему нечто знакомое, но все же отличается от всего, что он видел раньше.

Очевидно, это все-таки какой-то корабль, несмотря на то что у него почему-то нет ни надстроек, ни мачт, ни снастей. Нос и корма судна были заострены, и это придавало ему сходство с торпедой. На гладкой палубе Саймон увидел трех человек, которые стояли возле люка. Все они были в птичеклювых шлемах сокольников, но он, непонятно каким образом, вдруг понял, что среди них нет ни одного настоящего горца.

И вновь Саймон, разглядывая таинственное судно, подумал о загадках этого мира. Ведь корабли сулькарцев ходили под парусами и не имели двигателей. А этот корабль как будто явился из его собственного мира! Как могут сосуществовать два таких различных уровня цивили-

лизации? Неужели опять кольдеры? Чужое, чужое... Ему казалось, что он вот-вот поймет, вот-вот догадается...

На какое-то мгновение Саймон, увлекшись рассуждениями, потерял бдительность. Только крепкий шлем, добытый им в Карсе, спас ему жизнь – обрушившийся неизвестно откуда удар оглушил его. Он уловил запах мокрых перьев и еще чего-то незнакомого... Плохо соображая, Саймон попытался встать, но последовал очередной удар, и он краем глаза заметил крыло повергшего его врага. Сокол! Настоящий или поддельный? Этот вопрос он унес с собой в непроницаемую мглу, сомкнувшуюся над ним.

2

Проданные на Горм

От тупой пульсирующей боли разламывалась голова, в висках стучало так, словно кто-то там, внутри, колотил в барабан. Саймона бил озноб. Стоило ли приходить в сознание, чтобы терпеть такие муки? Вскоре он понял, что этот стук у него в висках усиливается каким-то внешним ритмичным постукиванием. То, на чем он лежал, равномерно, в такт ударам, вздрагивало.

Открыв глаза, Саймон не увидел света, а шевельнувшись, обнаружил, что связан по рукам и ногам. У него возникло ощущение, что он находится в заключенном гробу, и Саймон прикусил губу, чтобы не закричать от ужаса. Борьба со страхом на какое-то время притупила восприятие, и он далеко не сразу обнаружил, что в этом гробу есть и другие пленники.

Справа от него время от времени кто-то постанывал, слева – кого-то рвало, и это лишь добавляло зловония в спертую атмосферу их общей темницы. Как ни странно, эти звуки успокоили Саймона, и он позвал:

– Кто здесь? И где это мы? Кто-нибудь знает?

Стонущий человек как будто всхлипнул, но ничего не ответил – то ли он не мог справиться с болью, то ли не понял.

– Кто ты? – послышался тихий шепот справа.

– Я с гор. А ты? Это что, карстенская тюрьма?

– Уж лучше бы так! Бывал я в карстенских застенках, да и в камере для допросов тоже, а потому повторяю – лучше бы уж попасть туда.

Саймон начал вспоминать, что с ним произошло. Он забрался на скалу осмотреть бухту, обнаружил там странный корабль... Потом его атаковал сокол, поддельный конечно! А дальше – мрак. Вывод напрашивался сам собой: он находится в трюме необычного корабля!

– Мы в руках тех, кто скупает людей для Горма? – спросил он.

– Ты не ошибся, человек с гор! Тебя не было с нами, когда приспешники Ивиана продали нас кольдерам. Значит, ты один из захваченных позже горцев?

– Эй, сокольники! Люди Крылатого Племени! – громко крикнул Саймон, и эхо его голоса прокатилось из одного конца трюма в другой. – Сколько вас тут? Вас зовет один из защитников границы!

– Нас трое. Правда, Фальгьяра бросили сюда без сознания, и мы не знаем, жив ли он еще...

– Фальгьяр! Страж Южных ворот! Как вы попали в плен?

– Мы узнали о бухте, куда могут приставать корабли, а вскоре прибыл гонец из Эсткарпа и сообщил, что нам могли бы доставлять оружие морем, если бы было где высадиться. Тогда Владыка Крыльев и приказал нам разведать эту бухту. Мы были близки к цели, когда на нас напали соколы, но это были чужие птицы. Очнулись мы уже на берегу, без доспехов и без

оружия, а потом нас затащили на этот ни на что не похожий корабль. Это говорю я, Тандис, который пять лет прослужил матросом на кораблях сулькарцев и повидал столько портов и столько кораблей, что и за неделю не пересчитаешь, но ничего подобного еще не встречал!

– Тут колдовство кольдеров, – слышался слабый голос справа. – Невозможно уследить за временем, когда сидишь в непроглядной тьме. Ночь или день теперь? В Карсе меня бросили в тюрьму за то, что, когда прозвучал рог, я спрятал у себя женщину и ребенка из Древней расы. Всех, кто помоложе, перевезли из тюрьмы на остров в устье реки. Там нас осматривали...

– Кто? – быстро спросил Саймон. Подумать только, рядом находится человек, который, возможно, видел этих таинственных кольдеров!

– Не помню... – еле слышно донеслось справа. – У этих людей с Горма какое-то колдовство... Голова начинает кружиться, а потом ничего не помнишь... Говорят, что они демоны из-за моря, я думаю, так оно и есть!

– А ты, сокольник? Ты видел их?

– Да, видел. Но мне почти нечего добавить. Нас втащили сюда карстенские наемники, ну а эти – известно, оболочка без разума и воли, железные мышцы на службе у своих хозяев. И одежду у нас забрали, чтобы наших же людей одурачить.

– Одного такого мы поймали, – сказал Саймон. – Может, хоть отчасти дело прояснится.

Он спохватился, подумав, что сболтнул лишнее, ведь у этих стен могут быть уши и, возможно, кто-нибудь подслушивает беспомощных пленников.

В трюме оказалось десять карстенцев, бывшие заключенные, которых арестовали за нарушение приказов герцога, а также трое сокольников, захваченные в бухте. Большинство пленников находились в полубессознательном или близком к тому состоянии. Если они и могли что-нибудь вспомнить, то воспоминания одних заканчивались прибытием на остров в устье реки, других – на берег бухты.

Продолжая расспросы, Саймон обнаружил одну закономерность: в этот жуткий трюм попали люди крепкого телосложения, энергичные и хорошо владеющие оружием. Именно такими здесь были все, начиная от сокольников, которые, постоянно живя в военных поселениях, по существу, являлись профессиональными воинами, и кончая соседом справа от Саймона – карстенцем, который был мелким провинциальным землевладельцем и командовал отрядом самообороны. Все – в возрасте от двадцати до сорока, и все – совершенно здоровы, если не считать синяков, полученных в застенках герцога. Среди карстенцев Саймон нашел даже двух братьев из знатной, но обедневшей семьи. Молодых людей тоже бросили в тюрьму за то, что они укрывали беженцев. Однако ни одного человека Древней расы здесь не было. Опять же по рассказам пленников он понял почему: всех представителей Древней расы – мужчин, женщин и детей – убивали на месте, в плен не брали никого.

Наконец один из братьев, которого Саймон вывел из оцепенения терпеливыми расспросами, сообщил ему очень важные сведения:

– Наемник, который оглушил моего брата, – да грызут его день и ночь крысы! – не хотел брать в плен Ренстона, нашего побратима. Мы вместе ели-пили и учились владеть мечом. А когда был объявлен этот приказ, он прятался, и мы понесли ему провизию и оружие, чтобы он попытался уйти за границу. Но нас выследили и схватили, правда трое из них поплатились за это жизнью! Потом один наемник начал связывать Ренстона, но офицер сказал, что он зря старается, поскольку торговцы с Горма не берут людей древней крови. Тот начал убеждать командира, что Ренстон столь же молод и силен, как и мы, и что за него хорошо заплатят. Но офицер оборвал его и заявил, что Древнюю расу можно сломить, но не согнуть, и тут же пронзил грудь Ренстона мечом.

– Сломить, но не согнуть... – медленно повторил Саймон.

– Люди Древней расы одной крови с народом Эскарпа, – добавил юноша. – Наверное, демоны с Горма не могут подчинить их себе так же легко, как это удается с другими.

– Но почему Ивиан столь внезапно ополчился на Древнюю расу? – полушепотом спросил Саймона карстенец справа. – Ведь они ушли на окраины и не мешали нам. А те, кто подружился с ними, говорили о них только хорошее, и дружбе не мешали ни их древние знания, ни странные обычаи. Неужели Ивиан действует по чьему-то приказу? Тогда кто отдает такие приказы? И зачем? Как знать, братья мои по несчастью, может, люди древней крови, жившие среди нас, служили своего рода препятствием для проникновения зла с Горма. Ну вот Горм и решил устранить его!

Что же, вполне логично. Саймон и сам думал о происходящем примерно так же. Он собирався продолжить расспросы, но сквозь тихие стоны еще не пришедших в сознание пленников он уловил какое-то шипение – звуки, до ужаса ему знакомые. Спустя минуту он понял – в трюм поступает какой-то газ.

Люди задыхались и кашляли, бились в конвульсиях и затихали. Саймон думал лишь об одном: едва ли четырнадцать человек затащили в этот трюм только для того, чтобы умертвить газом. Он, успокоенный этой мыслью, сделал глубокий вдох, почему-то вспомнив анестезию у зубного врача в его прежнем мире.

– Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... – Слова не слова, непонятные звуки, какой-то высокий голос... Он приказывает.

Следуя инстинкту самосохранения, Саймон лежал не двигаясь.

– Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...

Боль в голове притупилась. Саймон понял, что он уже не на корабле: под ним больше ничего не вздрагивало и не качалось; он был раздет донага и дрожал от холода.

Голос смолк, но Саймон продолжал лежать неподвижно, как будто помимо воли подчиняясь какому-то приказу.

Пытаясь вывести себя из этого состояния, Саймон дважды сосчитал до ста. Ни звука. Он поднял веки и тотчас опустил их – в глаза ударил яркий свет. Мало-помалу глаза привыкли, он осмотрелся, насколько мог это сделать лежа и не шевелясь, и увиденное поразило его не меньше, чем странный корабль.

Не так уж часто Саймон бывал в лабораториях, но ряды банок, мензурок и пробирок на полках прямо перед ним свидетельствовали о том, что он находится именно в лаборатории.

Один ли он тут и зачем? Сантиметр за сантиметром, он медленно и осторожно осматривал все, что попадало в поле его зрения. Судя по всему, лежал он не на полу, но поверхность под ним достаточно жесткая, значит – стол. Саймон очень медленно повернул голову, полагая, что осторожность не помешает. Теперь ему была видна стена – серая, голая, с какой-то линией... Еще чуть-чуть повернув голову, он понял, что это дверь...

Так... Это одна сторона комнаты. Все так же осторожно Саймон повернул голову в другую сторону и увидел на столах, стоявших в ряд, еще пятерых голых людей. Все пятеро были либо мертвы, либо без сознания. Скорее, пожалуй, второе.

Потом Саймон увидел высокую худощавую фигуру человека, стоявшего к нему спиной. Человек склонился над первым в ряду столом. Кроме серого комбинезона да такой же шапочки, Саймон пока ничего не видел и не мог определить ни пола, ни расы оператора, целиком поглощенного своей работой. Рядом с ним стоял передвижной столик со всевозможными склянками. На голове распростертого человека Саймон увидел круглую металлическую шапку, а в его вены были введены иглы, к которым крепились трубочки, идущие от склянок. Похолодев от ужаса, Саймон наблюдал за умерщвлением человека в человеке, за той смертью, после которой превращаются в существо, подобное тем одержимым, с какими он сражался под Сулькарм.

То же самое ждет и его! Саймон пошевелил руками и ногами – вроде порядок. Хорошо еще, что он оказался в этом ряду последним! Саймон немного замерз, но, похоже, вполне владел своим телом.

Серая фигура, по-видимому, закончила с первым человеком и перешла ко второму. Саймон сел. Слегка закружилась голова, и он невольно ухватился руками за край стола, но, к счастью, это резкое движение не выдало его.

Очевидно, работа на другом конце комнаты была весьма сложной и требовала от оператора полного внимания. Чувствуя, что от смещения центра тяжести стол под ним вот-вот опрокинется, Саймон спустил ноги и перевел дыхание лишь тогда, когда его ступни твердо встали на гладкий холодный пол.

Он с надеждой взглянул на своего соседа, думая, что и тот, может быть, очнулся. Однако юноша лежал совершенно неподвижно с закрытыми глазами, а грудь его поднималась и опускалась с поразительно большими интервалами.

Саймон шагнул к полкам – только там он сможет найти какое-нибудь оружие. Даже если ему удастся добраться до двери незамеченным, бежать отсюда, не разобравшись в обстановке, довольно рискованно. А кроме того, он не мог оставить здесь пятерых человек, обреченных на смерть, – это хуже смерти!

Он взял с полки большую бутылку, наполовину заполненную какой-то желтой жидкостью. На ощупь бутылка казалась стеклянной, но была значительно тяжелее. Взяв ее за горлышко, Саймон осторожно двинулся к столу, над которым склонился оператор.

Босиком он двигался совершенно бесшумно и наконец, подкравшись со спины к ничего не подозревавшему оператору, изо всех сил ударил его бутылкой по голове.

Не издав ни звука, тот мешком повалился на пол и потащил за собой провода, которые только что собирался укрепить на голове очередной жертвы. Саймон бросился было на упавшего, схватил за горло, но тут же остановился, увидев разбитый, залитый кровью затылок. Саймон приподнял тело, оттащил его в проход между столами и только там взглянул в лицо тому, кого определенно считал кольдером.

То, что он увидел, несколько разочаровало его. Вопреки всему тому, что рисовало его богатое воображение, перед ним лежал обыкновенный человек. У него были мелкие черты, широкие скулы и очень маленький узкий подбородок, никак не соответствующий верхней половине лица. И что бы там ни таилось в его голове при жизни, во внешности человека не было ничего демонического.

Саймон снял с него комбинезон, затем, хоть ему и не хотелось трогать разбитую голову, снял шапочку и отправился с ней к раковине в другом конце комнаты, чтобы смыть кровь. Под комбинезоном на человеке оказалось какое-то плотно прилегающее одеяние, причем Саймон не нашел никаких застежек, и снять его не удалось, поэтому он удовольствовался только верхней одеждой.

Тем двоим, которых оператор уже подключил к трубочкам, Саймон вряд ли уже мог помочь – он просто ничего не смыслил в этих устройствах. Однако, осмотрев оставшихся троих и попытавшись поднять их, Саймон понял, что и это тоже невозможно. Вероятно, они находились в состоянии, подобном наркотическому трансу. И как это он сам избежал участи, постигшей его товарищей по несчастью?

Ничего не добившись, Саймон подошел к двери, на которой не было ни щеколды, ни ручки, но, поднажав на нее, он обнаружил, что она отодвигается вправо. Он выглянул. Стены, пол и потолок пустынного коридора были того же унылого серого цвета, что и в лаборатории. Слева от себя Саймон увидел еще несколько дверей и подошел к ближайшей из них.

Осторожно, так же осторожно, как он пошевелился, приходя в сознание, Саймон приоткрыл дверь. Заглянув в щель, он увидел людей, которых кольдеры привезли на Горм, если, конечно, он находится на Горме. Там было человек двадцать: они лежали в ряд и пока еще в

одежде, но, как Саймон понял после беглого осмотра, все тоже были без сознания. Надеюсь, что те трое, оставшиеся в лаборатории, придут в себя, он перетащил их в эту комнату и положил рядом с остальными.

Осмотрев лабораторию, Саймон нашел несколько ланцетов и прихватил с собой самый большой. Он срезал оставшуюся одежду с убитого оператора и положил тело на один из столов так, чтобы разбитая голова не бросалась в глаза при входе. К сожалению, он не понял, как запирается дверь в лабораторию, а то бы запер ее непременно.

Заткнув ланцет за пояс, он безгласно натянул на голову влажную шапочку. Несомненно, в этих бутылках и банках, что поблескивали на полках, можно было найти оружие и более действенное, но, подумав немного, Саймон махнул рукой – это не его стихия, ему сподручней, уж если на то пошло, орудовать ланцетом да собственными кулаками.

Саймон вышел в коридор и направился к следующей двери. Интересно, долго ли они еще не хватятся убитого им оператора?

Две двери открыть не удалось, но в конце коридора Саймон увидел еще одну. Она была приоткрыта, и он проскользнул внутрь, заключив после осмотра, что попал в жилую комнату. Строгая мебель, кресла, кровати и... Саймон не верил своим глазам! То, что он сначала принял за стол, было скорее пультом управления. Его мозг отказывался связать воедино мир Эсткарпа, Соколиного Гнезда, Карса с тем, что он увидел здесь, ибо там было прошлое, а это – будущее!

Открыть ящики стола Саймон не смог, хотя на каждом из них были, казалось бы, специальные углубления для нажатия пальцем. Он присел на корточки, чтобы разобраться получше.

По стенам шли такие же ящики, в них тоже были углубления для пальцев, но и эти ящики не поддавались! Стиснув зубы, Саймон решил взломать хоть один из них ланцетом.

Сделать этого он не успел – в комнате раздался чей-то голос. Саймон резко обернулся и никого не обнаружил – он слышал речь, но не видел говорящего. Языка этого Саймон не знал и, конечно, не понял ни слова, но, судя по интонации, ему задавали вопрос, на который следовало дать немедленный ответ.

3

Серый храм

За ним наблюдают? Или он слышит какое-то сообщение по системе оповещения? Убедившись, что он по-прежнему один в комнате, Саймон прислушался, пытаясь сориентироваться по интонации говорящего. Спустя немного времени он понял – повторяется один и тот же вопрос, но значит ли это, что его обнаружили?

Интересно, скоро ли невидимый диктор начнет действовать? Немедленно, если не дождется ответа? Может быть, это предупреждение, но о чем? Саймон вышел из комнаты.

Поскольку коридор здесь заканчивался тупиком, он двинулся в другой его конец, мимо комнат, где уже побывал... Но никаких комнат не было! То есть он не видел больше ни одной двери; его глазам предстала сплошная голая стена. Вспомнив о наваждениях колдуний Эсткарпа, Саймон провел рукой по серой поверхности – ничего. Если там и были скрыты двери, то не при помощи наваждения. Его убеждение в том, что кольдеры представляют собой совсем иной тип цивилизации, нежели жители Эсткарпа, и для достижения своих целей опираются на знания, а не на колдовство, окончательно укрепились в нем.

Даже технические достижения его прежнего мира показались бы людям Эсткарпа колдовством, и это значит, что в Эсткарпе лишь он, Саймон Трегарт, может осмыслить и отчасти понять творящееся на Горме, а может быть, и сделать то, что не по силам ни одной колдунье.

Саймон медленно шел по коридору, ведя рукой по стене в надежде обнаружить выход. Неужели удача отвернулась от него?

Снова над его головой раздалась команда на непонятном языке – в голосе звучали железные нотки приказа. Почувствовав опасность, Саймон замер на месте – в любое мгновение он может оказаться в западне.

И тут он обнаружил выход! Но вовсе не там, где ожидал, – дальше по коридору он увидел боковой ход, откуда лился яркий свет. Саймон вытащил из-за пояса ланцет и, приготовившись к неожиданному нападению, свернул за угол.

Вновь тишину нарушил лающий металлический голос, и Саймон пришел к выводу, что здешние хозяева еще не вполне разобрались в ситуации, – по-видимому, в комбинезоне и шапочке его принимали за оператора, который ведет себя ненадлежащим образом, и требовали от него отчета.

Решив не выходить из роли как можно дольше, Саймон почувствовал себя увереннее и, возможно, в результате этого потерял осторожность. Он едва не запаниковал, когда в помещении, куда он вошел, закрылась дверь и он оказался в замкнутом пространстве, как в мышеловке. Однако, прислонившись к стенке и почувствовав слабую вибрацию, Саймон понял, что находится в лифте. Это открытие несколько успокоило его, еще больше утвердив в мысли, что цивилизация кольдеров по своему типу близка цивилизации его прежнего мира. И что ни говори, Саймон чувствовал себя куда спокойнее, находясь в лифте кольдеров, нежели в комнате, заполненной клубящимся туманом, и глядя, как твой друг превращается в отвратительного бродягу.

Однако, несмотря на то что увиденное показалось ему отчасти знакомым, изнутри Саймона пробирал холодок, поскольку вся здешняя атмосфера была чуждой. И не только чуждой, и не только угрожающей, но отрицающей все то, что Саймон мог назвать близким себе. Он совершенно не представлял, как соотнести кольдеров с родом человеческим, в то время как колдуньи Эсткарпа – все-таки люди!

Вибрация прекратилась. Саймон не сомневался, что дверь откроется, вот только где она, с какой стороны?

На этот раз снаружи слышались какие-то звуки – тихое гудение и приглушенные голоса. Одна из стен кабины отошла в сторону, и Саймон осторожно вышел, очутившись в небольшом помещении. И снова его глазам предстало нечто до боли знакомое: вся стена напротив была занята большой картой, на которой он обнаружил изрезанную береговую линию, знакомые горы и разноцветные огоньки, разбросанные по всей карте: на побережье, где находился разрушенный Сулькар, и в заливе, где находился Горм, – бледно-фиолетовые, на равнинах Эсткарпа – желтые, в Карстене – зеленые, а в Ализоне – красные.

Вдоль всей стены под картой стоял длинный стол, на котором через равные промежутки были установлены какие-то приборы – мигали сигнальные огни, время от времени раздавался треск, и перед каждым таким устройством спиной к Саймону сидела фигура в сером комбинезоне и шапочке. Все были настолько поглощены делом, что никто даже не обернулся при появлении Саймона.

Немного в стороне стоял другой стол, похожий скорее на пульт, за которым сидели еще трое кольдеров. Тот, что посредине, был в металлическом шлеме, от которого за спину кольдера тянулась паутина кабелей и проводов. Лицо его не имело никакого выражения, глаза были закрыты, но он явно не спал – время от времени его пальцы пробежали по клавишам и тумблерам на пульте. Чем дольше Саймон наблюдал за происходящим, тем больше он убеждался в том, что попал в некий центр управления. Голос, который Саймон прежде слышал как бы ниоткуда, принадлежал кольдеру, сидевшему слева от фигуры в шлеме. Вдруг он заметил Саймона, и в первую минуту на его широком лице можно было прочесть лишь нетерпение, но почти сразу же оно сменилось ненавистью – кольдер понял, что перед ним чужой!

Саймон прыгнул. До пульта было далеко, но один из операторов, сидевших за приборами, оказался в зоне его досягаемости. Саймон нанес ему страшный удар ребром ладони – от такого удара обычно ломается позвоночник, только на этот раз он хотел просто оглушить свою жертву. Прикрываясь обмякшим телом оператора как щитом, он стал пятиться к стене, где увидел еще одну дверь, за которой и надеялся скрыться.

К изумлению Саймона, кольдер, первым заметивший его, даже не пошевелился, не делая никаких попыток помешать ему. Он лишь медленно повторял, на этот раз на языке жителей материка:

– Вернись в свой отсек и доложи своему начальнику!

Саймон продолжал пятиться к выходу. Оператор, сидевший рядом с тем, которого он оглушил, перевел изумленный взгляд с Трегарта на кольдера за главным пультом и снова на Саймона. Потом в его сторону обратились недоуменные лица и других операторов, и каждый из них явно ожидал со стороны Саймона немедленного повиновения. Кольдер встал из-за пульта и твердо сказал еще раз:

– Вернись в свой отсек! Немедленно!

Как бы не так! Саймон рассмеялся, совсем не предполагая, какой эффект произведет его смех: все кольдеры, за исключением фигуры в металлическом шлеме с проводами, повскакивали с мест. Операторы тревожно уставились на кольдеров за пультом, словно ожидая приказа.

Саймон подумал, что, не засмейся он, а заори во все горло, они все равно удивились бы меньше. Неповиновение казалось им чем-то непостижимым.

Тот, что отдавал приказы, положил руку на плечо кольдера в шлеме и потряс его, явно забеспокоившись не на шутку. Потревоженный кольдер открыл глаза, осмотрелся, и его взгляд застыл от неожиданности – теперь он смотрел на Саймона, как на привидение.

Затем последовала атака. Нет, никто не сделал ни шагу в его сторону, но какой-то мощный силовой удар придавил Саймона к стене, да так, что он едва мог вздохнуть. Тело оператора, которым Саймон прикрывался, выскользнуло из его рук и сползло на пол – он не мог его удержать, поскольку каждый вдох давался ему с огромным трудом. Если он так и будет стоять, прижатый к стене этим чудовищным прессом, едва ли его хватит надолго. Саймон лихорадочно думал, что делать. Колдовство Эсткарпа, по-видимому, обострило его восприятие, и он сообразил, что западня, в которую он попал, создана исключительно силой духа, а значит, и бороться с ней возможно только тем же средством.

Правда, хоть он и имел некоторое представление о методах колдуний, у него не было практически никакого опыта. Собрав всю свою волю, Саймон сконцентрировал ее на том, чтобы поднять руку. Это давалось с таким невероятным трудом, что, казалось, он вот-вот лишится сил.

Подняв одну руку, он так же, затрачивая огромные усилия, поднял и другую. Напрягая волю, он заставил работать мышцы ног и начал потихоньку перемещаться к выходу. По широкому лицу кольдера в шлеме пробежала тень удивления, а может, это ему только показалось?

То, что Саймон сделал в следующее мгновение, произошло как бы само собой, как бы помимо его воли – он вдруг поднял руку до уровня груди и начертил в воздухе знак.

Этот знак он уже видел дважды, когда его чертила колдунья, и тогда на краткий миг знак вспыхивал в воздухе.

Теперь же он вспыхнул просто ослепительно и погас не так быстро, и Саймон неожиданно почувствовал, что давление заметно ослабло и он может двигаться!

Саймон бросился к выходу, надеясь скрыться, но не тут-то было! Едва он выскочил в коридор, на его пути оказалось трое вооруженных воинов. В их молчаливом приближении таилась смертельная угроза, и он понял это, увидев горящие ненавистью глаза. На него шли одержимые, те самые рабы кольдеров, которые не задумываясь исполняют любой приказ.

Без колебаний Саймон двинулся им навстречу. Резко прыгнув вправо, он схватил ближайшего к нему воина за ногу и рывком повалил его на пол.

Гладкий пол коридора неожиданно очень ему помог – не устояв на ногах после резкого толчка, Саймон вместе с поверженным противником прокатился по полу мимо двух других воинов. Потом он почувствовал, как чей-то меч чиркнул по его ребрам, и в тот же миг ударил ланцетом куда-то вверх. Застонав, один из воинов рухнул, и Саймон выхватил у него из-за пояса самострел.

Он успел выстрелить вовремя, и меч, готовый сразить его, обрушился на того раненого, что лежал рядом. Третий его противник замешкался, и Саймон, не упустив случая, выстрелил еще раз.

Он прихватил с собой два других самострела и побежал по коридору. К счастью, этот коридор заканчивался не тупиком, а винтовой лестницей, каменные ступени которой шли круто вверх, видимо, внутри башни. Гладких серых поверхностей здесь уже не было.

Босые ноги то и дело скользили на каменных ступенях, но он неуклонно поднимался все выше и наконец обнаружил проход, точно такой же, как и в крепости Эскарпа. По-видимому, вся эта техника будущего была упрятана внутри обычного для здешнего мира сооружения – в крепости.

Дважды Саймону приходилось надолго затаиваться, держа наготове самострел, когда мимо проходили отряды одержимых. Одержимые воины шли ровным шагом, не рыскали по углам, и Саймон никак не мог определить – объявлена ли общая тревога, или они совершают обычный обход.

В коридорах с искусственным освещением утрачивалось чувство времени, и Саймон не знал, день сейчас или ночь и долго ли он уже находится в этой крепости. Однако он давно был голоден, и его мучила жажда. Кроме того, в тонком комбинезоне он продрог, чему, кстати, очень способствовало и сомнительное удовольствие ходить босиком по холодным каменным плитам.

Если бы иметь план лабиринта, из которого он пытается выбраться! Да хотя бы знать, где он все-таки находится? На Горме? А может, в таинственном замке Иль, который кольдеры возвели на побережье? Или еще на какой-нибудь другой базе захватчиков? В том, что это база, у Саймона не было никаких сомнений. Голод и жажда, а также желание найти хоть какое-нибудь убежище заставили его внимательно осмотреть помещения верхнего этажа. Здесь он уже не видел такой мебели, как внизу. Резные деревянные сундуки, столы и кресла – все было сделано местными мастерами. В некоторых помещениях Саймон обнаружил следы поспешного бегства и грабежа, но сейчас на всем лежал толстый слой пыли, словно уже много лет здесь никого не было.

В одной из таких комнат Саймон нашел подходящую по размеру одежду. Искал он и оружие, ведь, кроме трех самострелов, ничего другого у него не было, да и доспехи ему бы не помешали. И все же в первую очередь ему были необходимы вода и пища, и он уже начал подумывать о возвращении на столь опасные нижние этажи. Но, помышляя о спуске, он продолжал тем не менее подниматься по лестнице, осматривая все ее ответвления, попадавшиеся на пути. Он обратил внимание на то, что все окна наглухо забиты и лишь искусственное освещение позволяет хоть немного ориентироваться здесь. Но чем дальше уходил Саймон от помещений кольдеров, тем слабее становился свет.

Наконец показался узкий лестничный марш, которым, по-видимому, пользовались часто. Саймон достал самострел и осторожно двинулся по ступенькам вверх, к двери. Она легко подавалась, и Саймон выглянул на плоскую крышу, часть которой закрывал навес. То, что стояло под навесом, не особенно его и удивило после всего увиденного внизу. Саймон ни минуты не сомневался, что перед ним самолеты.

Заостренные крылья небольших самолетов были отогнуты назад, тупые носы задраны. Каждая машина могла нести пилота и двух пассажиров. Вот вам и разгадка таинственного нападения на Сулькар. Ясно, что у кольдеров таких самолетов не один десяток.

Если не будет другой возможности, то придется воспользоваться такой машиной для бегства. Знать бы только, откуда он собирается бежать? Еще раз оглядев этот импровизированный и, похоже, никем не охраняемый ангар, Саймон подобрался к краю крыши, надеясь увидеть хоть что-нибудь, что помогло бы ему определить, куда он попал.

На мгновение ему показалось, что он вновь находится в Сулькаре: внизу лежала гавань, стояли на якоре корабли, вдоль улиц, спускавшихся к морю, шли ряды домов. Однако планировка здесь была иной, чем в крепости мореходов. К тому же город был значительно больше, и там, где у сулькарцев располагались склады, Саймон увидел жилые кварталы. Хотя стоял ясный день, улицы были пустынные, а дома казались необитаемыми, но при этом он не заметил никаких признаков разрушения, которыми обычно отмечены города, брошенные людьми.

Поскольку архитектура зданий в основном напоминала Карстен и Эсткарп, это не мог быть замок Иль, возведенный кольдерами. Вывод напрашивался сам собой: он на Горме, а внизу, перед ним, очевидно, Сиппар – то самое зловещее место, куда не смогли проникнуть разведчики Эсткарпа.

Если город и в самом деле пуст, то будет нетрудно найти в гавани подходящую шлюпку, чтобы переправиться с острова на материк. Но раз уж он попал в это наглухо закрытое от внешнего мира место, стоит воспользоваться случаем и получше осмотреться.

Он стоял на крыше самой высокой в городе башни. Наверное, это цитадель древнего замка, где жили правители из клана Кориса. Если бы капитан был сейчас с ним, задача Саймона сильно бы упростилась!

Обойдя крышу, Саймон понял, что крыши других домов к ней нигде не примыкают.

Он неохотно направился к навесу, под которым стояли самолеты. Опрометчиво, конечно, залезать в машину, которой не умеешь управлять, но ничего другого ему не оставалось, и он решил попробовать в ней разобраться. Успокоенный тем, что его никто не тревожит, Саймон невольно расслабился, но, спохватившись, все-таки принял некоторые меры предосторожности и, закрыв дверь, ведущую из башни на крышу, заклинил ланцетом засов.

Потом Саймон вернулся к ближайшему самолету и легко выкатил машину на открытое место. Откинув панель в носовой ее части, он осмотрел двигатель. Мотор этого самолета мало чем походил на те двигатели, что он видел раньше, да и не очень-то он в них разбирался, но, судя по всему тому, с чем он столкнулся внизу, – эта штука может летать, справиться бы только с управлением...

Прежде чем продолжить изучение машины, Саймон рукояткой самострела, как мог, разбил моторы у остальных, рассудив, что если он и полетит, то воздушный бой ему совершенно ни к чему.

Когда он занес свой импровизированный молоток над двигателем четвертого самолета, враг снова атаковал его. Не грохотали сапоги охранников на лестнице, никто не ломился в дверь, даже к стене его не прижало, как первый раз, но сомнений не было – последовал новый удар невидимой силы, – и на этот раз, как ему показалось, его неумолимо тянуло к источнику этой силы. Саймон ухватился руками за самолет, но его продолжало тащить вместе с машиной, и он не мог сделать ничего, чтобы хотя бы замедлить это движение. Еще через мгновение Саймон ужаснулся – его тащило не к двери! Очевидно, вместо сомнительного будущего на нижних этажах башни ему уготована скорая смерть при падении с крыши.

Саймон упирался вовсю, прилагая невероятные усилия. Он попытался вновь прибегнуть к помощи колдовского знака, который так помог ему в прошлый раз, но тщетно – может быть, потому, что теперь он не видел противника.

Саймон мог лишь замедлить это сползание, выиграть секунду, минуту – но конец все равно неизбежен. Попытка продвинуться к двери не удалась, хотя он рассчитывал на то, что враг примет ее за капитуляцию. Теперь Саймон знал наверняка – они хотят только его смерти. Нужно немедленно на что-то решаться.

Он по-прежнему держался за самолет, которым собирался воспользоваться лишь в крайнем случае. Ну что ж, вот он и крайний случай! Машина находилась как раз между ним и краем крыши, куда неумолимо его влекла невидимая сила.

Шанс ничтожный, но все-таки – шанс, другого выхода у него нет. Саймон уступил силе пару шагов, делая вид, что больше не может сопротивляться. Еще шаг. Его рука легла на ручку двери в кабину пилота. Напрягая последние силы в этой дьявольской схватке, Саймон протиснулся внутрь.

Его отшвырнуло к задней стенке, и самолет вздрогнул от удара. Саймон обратился мысленно к Силам, о которых в Эсткарпе и понятия не имеют, поднял налитую свинцом руку и потянул один из рычагов на себя.

4

Город мертвых

Саймон наивно ожидал, что немедленно взлетит, но машина только покатила по крыше, набирая скорость. Она ударила носом о низкий парапет с такой силой, что, казалось, должна была развалиться на части. Саймон понял, что падает, но все-таки это не то падение, на которое рассчитывали кольдеры, – он падает в кабине самолета.

Еще мгновение спустя Саймон осознал, что падает не отвесно, а под углом. Без особой надежды он дернул за рычаг еще раз.

Последовал удар, треск, и все сменила крошечная тьма – без света, без звука.

Сначала во тьме появился красный огонек. Вскоре слуха достиг какой-то слабый повторяющийся звук, словно тикали часы или капала вода. А потом он ощутил ужасный запах. Именно он и привел Саймона в чувство окончательно. Сладковатый запах разложения бил в нос и, казалось, застревал в горле.

Саймон сел и осмотрелся. Огонек загорелся, видимо, при ударе. Невидимая сила, преследовавшая его на крыше, словно отступилась от него – он мог совершенно свободно двигаться и дышать.

Не считая многочисленных синяков, авиакатастрофу Саймон перенес вполне благополучно, очевидно, потому, что при падении большая часть удара пришлась на машину. Красный огонек горит, наверное, на приборной доске... Капает где-то совсем рядом... Ну и вонь!

Саймон попробовал вылезти из кабины. Послышался металлический скрежет, и часть кабины просто отвалилась. Превозмогая боль, он выбрался из искореженного самолета и посмотрел вверх. Прямо над ним в крыше зияла огромная дыра, из которой торчали обломки стропил. Пока он смотрел вверх, еще один обломок рухнул прямо на развороченный фюзеляж. Похоже, машина упала на крышу одного из соседних домов, и приходилось только удивляться, как ему удалось при таком ударе остаться в живых, да еще и не переломать костей.

Судя по тому, что в проломе виднелось темнеющее вечернее небо, он довольно долго пролежал без сознания. Вновь дали о себе знать голод и жажда, побуждая его отправиться на поиски воды и пищи.

Почему до сих пор враги не схватили его? Наверняка они видели, куда рухнула его машина. Разве только они не знали, что он воспользовался самолетом, и следили за ним лишь

при помощи психического контакта? Тогда им известно одно: его нет на крыше, и контакт прерван. А он всего лишь потерял сознание, но кольдеры вполне могли интерпретировать это как его гибель. Если эти предположения верны, тогда Саймон и в самом деле свободен, по крайней мере здесь, в Сиппаре.

Сначала он решил найти воду и пищу, а уж затем попытаться сориентироваться и выйти в гавань.

Саймон отыскал дверь на лестницу, ведущую, как он надеялся, вниз на улицу. Тяжелый воздух и здесь был пропитан запахом разложения. Саймон давно понял, чем это пахнет, и поспешил к выходу, но внизу запах смерти был еще сильнее.

Окна были открыты, и вечерний свет падал на лестничные площадки. Саймон шел мимо дверей, но ни одну из них не решился открыть, поскольку именно возле них тошнотворный запах был просто невыносим.

Еще один марш вниз, и открылся вход в зал, который оканчивался широким порталом. Саймон надеялся, что там и найдет выход на улицу, но прежде осмотрелся и в одной из кладовок нашел сухари, которые главным образом и составляли рацион гвардейцев Эсткарпа, а также горшок с сушеными фруктами – они тоже оказались вполне пригодными в пищу. Сгнившие остатки других припасов говорили о том, что в этом доме уже давно никто не живет. Из трубы в раковину капала вода, и, прежде чем заняться сухарями, Саймон с жадностью напился.

Несмотря на голод, есть было трудно, поскольку зловоние стояло здесь повсюду. Хотя Саймон побывал лишь в одном доме, этого было достаточно, чтобы понять: Сиппар – город мертвых, если не считать самой цитадели с горсткой кольдеров и их одержимых слуг. Похоже, захватчики безжалостно избавились от всех, кто им не был нужен, и не только убили их, но к тому же оставили лежать непогребенными в их собственных домах. Неужели чтобы запугать тех немногих, что остались в живых? Или просто потому, что им было все равно? Скорее второе... И странное чувство некоторого родства с широколицыми захватчиками, которое Саймон испытывал недолго, исчезло вдруг бесследно.

Саймон забрал с собой все найденные сухари и наполнил водой бутылку. К своему удивлению, он обнаружил, что входная дверь заперта изнутри, – неужели обитатели этого дома заперлись и совершили групповое самоубийство? Или их уничтожила та же сила, что стащила его с крыши?

Улицы оказались такими же пустынными, какими Саймон увидел их сверху, и все-таки он шел, прижимаясь поближе к домам, вглядываясь в каждый переулок. Но все двери были заперты, и ничто не шелохнулось на всем его пути до гавани.

Саймон понимал, что ни одной двери ему не открыть. Да и зачем это делать? Чтобы посмотреть на мертвецов? Неужели город вымер сразу после того, как во имя притязаний Орны и ее сына на Горм явились кольдеры? А может, значительно позднее, тогда, когда остров оказался отрезанным от внешнего мира? Впрочем, сейчас это представляло интерес разве что для летописцев, и, как бы то ни было, перед ним лежал город мертвых – мертвых телом, а в цитадели – мертвых духом. Да и сами кольдеры, внешне нормальные живые люди, очень уж походили на мертвецов.

Саймон пришел к твердому убеждению, что освободить Горм можно, лишь уничтожив цитадель. На ходу он запоминал дорогу, думая о том, что, оставив у себя под боком вымерший город, кольдеры сделали большую ошибку. Разве только в этих пустых домах у них установлена сторожевая сигнализация... В таком случае это хорошая ловушка для вражеского десанта.

Саймону вспомнился рассказ о разведчиках, которые несколько лет назад пытались проникнуть на Горм. Да и сам капитан пробовал сделать это, но не смог преодолеть какого-то таинственного барьера. Теперь же, на собственной шкуре испытал оружие кольдеров, Саймон все понял. Лишь ему удалось уйти из их логова, да и то благодаря самолету. А кольдеры даже

не пытались преследовать его в городе, и уже этот факт говорил о том, что они совершенно уверены в своем оружии.

И все-таки ему не верилось, что безмолвный город никем и ничем не охраняется, и Саймон продолжал жаться к домам, пока не добрался до гавани. Гавань была мертва, как и город, а корабли, стоявшие в ней, представляли собой жалкое зрелище: снасти многих сгнили, борта зияли пробоинами, и кое-где над волнами виднелась лишь верхняя палуба. Все свидетельствовало о том, что на этих судах уже давно не выходили в море. От материка Саймона отделяла широкая гладь залива. Если он находится в Сиппаре, а у Саймона уже не было в этом никаких сомнений, то по другую сторону залива лежит мыс, в основании которого расположен построенный кольдерами замок Иль, а на самом конце был когда-то Сулькар. Но с тех пор как крепость мореходов пала, весь этот мыс наверняка контролируется кольдерами.

Если найдется подходящая шлюпка, Саймону придется грести на восток к бутылкообразной губе в устье реки Эс и дальше в Эсткарп. Он понимал, что нужно торопиться, ибо время теперь работает против него.

Наконец он нашел подходящую лодочку – небольшую скорлупку, стоявшую в доке, и хоть не был моряком, но все же, как мог, проверил, пригодна ли она для плавания. Дождавшись полной темноты, Саймон взялся за весла; саднило ободранные ладони, ныло все его разбитое тело, но, стиснув зубы, он ровно греб, огибая гниющие останки гормского флота.

Отплыв от гавани подальше, Саймон поднял парус, но вскоре нарвался-таки на оборону кольдеров. Упав на дно лодки, он ничего не видел и не слышал, зажав руками уши, зажмурив глаза, чтобы спастись от жуткого невидимого света, от чудовищных, неслышимых звуков, которые рвались из его черепной коробки наружу, грозя расколоть ее. А ведь казалось, что, выдержав удар дважды, он достаточно хорошо познакомился с оружием кольдеров, но то, что происходило сейчас, это раздирание мозга, оказалось куда страшнее.

Сколько все это продолжалось – час? день? год? – он не знал... Ослепший и оглохший, Саймон потерял всякое представление о времени и лежал на дне шлюпки, которая покачивалась на волнах, подгоняемая ветром. Где-то позади остался мертвый и страшный, освещенный лунным светом Горм.

Ближе к рассвету в устье реки Эс Саймона подобрала шлюпка береговой охраны Эсткарпа. К тому времени он уже несколько оправился, хотя чувствовал себя совершенно разбитым. Потом на перекладных, от форта к форту, он добрался до замка Эс.

В цитадели Эсткарпа, в том же самом зале, где он впервые увидел Верховную Владычицу, Саймон доложил совету о своих приключениях на Горме и о встрече с кольдерами. Во время доклада он все время искал глазами среди колдуний ту, единственную, и не находил ее.

Когда Саймон говорил о мертвом городе, лицо Кориса окаменело. Рассказ Саймона ни разу не прерывали и по окончании почти не задавали вопросов. Затем Верховная Владычица подозвала одну из колдуний.

– А теперь, Саймон Трегарт, возьми ее за руки и думай о том человеке в шлеме, оживи в памяти малейшие детали его лица и одежды, – приказала Владычица.

Саймон подчинился, хотя и не понимал, зачем все это нужно. Он держал в своих руках сухие, холодные пальцы колдуньи и мысленно представлял себе серый комбинезон, металлический шлем с проводами, странное лицо, нижняя половина которого не соответствовала верхней, и властное выражение на нем, сменившееся замешательством, когда Саймон отказался подчиниться приказу. Колдунья отошла от него, и Владычица спросила:

– Ты видела, сестра? Ты можешь это сделать?

– Видела, – ответила женщина. – И могу воспроизвести то, что видела, поскольку Саймон Трегарт выдержал борьбу духа и изображение было отчетливым. Хотя... – Она опустила глаза на свои руки и стала разминать пальцы, словно готовилась к какой-то тонкой работе. – Хотя не знаю, сможем ли мы воспользоваться тем же приемом. Было бы лучше, если бы лилась кровь.

Саймону никто ничего не объяснил, да и на вопросы времени не оставили. Когда совет закончился, Корис сразу отвел его в казарму. Сидя в той же комнате, откуда они отправились в поход на Сулькар, Саймон спросил командира:

– А где госпожа?

Его всегда выводила из себя невозможность называть ее по имени, а теперь особенно. Но Корис прекрасно понял, о ком речь.

– Объезжает пограничные форты, – коротко сказал капитан.

– Она в безопасности?

Корис пожал плечами:

– Да кто теперь в безопасности, Саймон? Не беспокойся, колдуньи попусту не рискуют, они берегут свой Дар. – Он подошел к окну, выходящему на запад, и впился взглядом в горизонт, словно хотел увидеть что-то там, за равнинами Эсткарпа. – Значит, Горм мертв. – Слова его падали, как свинцовые гири.

Саймон снял сапоги и вытянулся на постели – он устал до предела.

– Я рассказал то, и только то, что видел собственными глазами. Жизнь есть лишь в центральной башне Сиппара, больше я ее не нашел нигде, правда не очень-то и искал.

– Жизнь? Какая жизнь?

– Спроси у кольдеров. Или у колдуний, – сонно ответил Саймон. – Может, они понимают жизнь по-другому?

Саймон догадался, что командир отошел от окна и стоит рядом с постелью, заслонив солнце широкими плечами.

– Мне кажется, Саймон Трегарт, ты тоже вернулся другим. Ты видел Горм, так ответь – жив он или мертв?

– Он порочен, – пробормотал Саймон. – Но точнее можно будет сказать в свое время. – Он уже засыпал, а потому и сам не понял, почему ответил именно так.

Саймон спал, просыпался, чтобы поесть, и снова засыпал. Никто его не беспокоил, а потому он не знал и знать не хотел, что происходит в Эсткарпе, уподобившись медведю, забравшемуся в берлогу и залегшему на зимнюю спячку. В очередной раз проснувшись, он наконец почувствовал себя бодрым и полным сил. Давненько уже не было у него такого прекрасного самочувствия, пожалуй, с самого Берлина. Берлин... Что?.. Где это – Берлин?.. В его памяти странно перемешалось прошлое и настоящее.

Саймон то и дело вспоминал комнату в заброшенном доме Карса, где на стенах висели потрепанные гобелены и где с изумлением во взоре на него смотрела женщина, рука которой начертила между ними огненный знак. Вспоминалась и другая сцена, когда та же женщина стояла с потухшим взором, опустошенная, истратившая свой Дар в колдовстве для Альдис...

Наконец о нем вспомнили. Пока Саймон отсыпался, Эсткарп собирал в кулак все свои силы. Увидев сигнальные огни на холмах, в Эсткарп прибыли отряды из Соколиного Гнезда и с южной границы. Словом, пришли все, кто горел желанием противостоять кольдерам и той судьбе, которую олицетворял собой Горм. Полдюжины бездомных теперь сулькарских кораблей пристали к берегу в бухте сокольников. Отправив в горы свои семьи, сулькарцы вооружались и готовили корабли к войне. И все были согласны с тем, что нужно напасть на Горм прежде, чем Горм нападет на них.

В устье реки Эс разбили военный лагерь, палатки стояли прямо на берегу залива, и воины видели, не выходя из них, остров, встающий на горизонте черной тенью. Чуть поодаль курсировали корабли сулькарцев, ожидая сигнала к выступлению, к которому готовились, помимо мореходов, отряды сокольников и беженцев из Карстена.

Конечно же, первым делом необходимо было разрушить заградительный барьер вокруг Горма, но с этой задачей могли справиться лишь колдуньи Эсткарпа. Неожиданно для себя и Саймон оказался в их компании. Они рассаживались за столом, который, казалось, служил

для игры. Однако шахматных клеток на нем не было, и только перед каждым креслом на столе был изображен символ.

Место Саймона оказалось рядом с Верховной Владычицей, и символ был у них один на двоих – бурый сокол в золотом овале, а над овалом – рогатая морская раковина. Слева в сине-зеленом ромбе была изображена рука, держащая топор. Далее – колючая рыба в красном квадрате.

Справа на столе было еще два символа, но Саймон не мог разглядеть какие, так как колдуны, сидевшие у этих символов, прикрывали их руками. Кто-то еще сел слева, Саймон повернул голову и почувствовал необычайный прилив сил, встретив знакомый взгляд серых глаз. Но женщина промолчала, и он тоже не проронил ни слова. Шестым, и последним за столом сидел юный Брайант, бледный от напряжения, устремивший неподвижный взгляд на изображение рыбы, как будто рыба была живой, а он силой взгляда старался удержать ее в красном квадрате.

В палатку вошла колдунья, которую Саймон держал за руки, когда ему приказали думать о кольдере с Горма, и с ней еще две женщины. Обе внесли по небольшой глиняной жаровне, от которых шел сладковатый дымок, и поставили их на край стола. Первая колдунья, принесшая с собой большую корзину, сняла с нее тряпку, и он увидел на ее дне несколько восковых фигурок.

Взяв одну фигурку, колдунья дважды поместила ее в дым от жаровен, а затем подошла к Брайанту и поднесла ее к глазам юноши. Маленький человечек с копной рыжих волос был сделан так искусно, что казался живым.

– Фальк, – сказала женщина и поставила человечка в центр красного квадрата, прямо на рыбу.

Брайант, наверное, побледнел бы еще сильнее, но его кожа и так была почти бесцветной, и Саймон заметил только, как юноша проглотил комок в горле, прежде чем произнести:

– Фальк, владыка Верлена.

Женщина достала из корзины вторую фигурку, подошла к соседке Саймона, и теперь он смог полнее оценить совершенство ее работы – в дым жаровен рука колдунии поместила прекрасную копию женщины, которая не так давно просила приворожить Ивиана.

– Альдис.

– Альдис из Карса, – кивнув, произнесла колдунья, когда фигурка опустилась на сине-зеленый символ.

– Сандар из Алисона. – Третья фигурка опустилась на стол справа от Саймона.

– Сирик. – Фигурка толстого человека в сутане заняла свое место.

Прежде чем поместить в дым жаровни последнюю фигурку, колдунья критически осмотрела ее. Затем, остановившись возле Саймона и Верховной Владычицы, она, не называя никакого имени, подержала ее перед глазами Саймона, чтобы тот смог оценить – похожа ли? Перед ним была фигурка, изображающая главного кольдера в шлеме, которого он видел на Горме. Сходство было потрясающее!

– Горм! – не найдя других слов, произнес Саймон.

Женщина аккуратно поставила фигурку в золотой овал на бурого сокола.

5

Игра Силы

Пять изящных фигурок заняли свои места на символах, нарисованных на столе. Но зачем все это? Саймон повернул голову влево. Тонкие ножки восковой фигурки Альдис были зажаты

в руках колдуньи; то же самое сделал Брайант с фигуркой Фалька, и при этом они пристально смотрели на то, что сжимали их руки. Было заметно, что юноша сильно волнуется.

Саймон опустил глаза на фигурку, стоящую перед ним. В его памяти всплыли смутные воспоминания о древних легендах, и он подумал, что сейчас в восковые фигурки начнут втыкать иголки, чтобы те, по образу и подобию которых они изготовлены, зачали и умерли...

Верховная Владычица взяла Саймона за руку так же, как тогда, в Карсе, брала его за руку колдунья, рассчитывая на его помощь. Кистью другой руки Владычица образовала полукруг у основания фигурки в шлеме, и Саймон сообразил, что нужно сделать то же самое. Теперь их пальцы соприкасались, заключая фигурку кольдера в круг.

– Думай о том, кто перед тобой, с кем ты связан борьбою духа. Оставь все прочие мысли. Сосредоточься на том, кого ты должен достать и согнуть, подчинить своей воле. За этим столом в этот час победим либо мы, либо они! Это Игра Силы!

Саймон так пристально смотрел на фигурку в шлеме, что и не знал, смог ли бы он оторвать взгляд от нее, даже если бы захотел. Наконец-то он понял и другое: его вовлекли в это таинственное действо лишь потому, что он – единственный в Эсткарпе, кто видел этого кольдера с Горма.

Маленькое лицо фигурки в металлическом шлеме стало расти, оно словно оживало, увеличиваясь. И вот Саймон снова смотрит на него – точно так же, как совсем недавно в башне Сиппара.

Вновь, как и тогда, глаза кольдера были закрыты – он всецело занят своим таинственным делом. По мере того как Саймон продолжал пристально смотреть на врага, он чувствовал, что вся неприязнь к кольдерам, вся ненависть, рожденная тем, что он видел в мертвом городе, и тем, что кольдеры творили с пленными, превращая их в одержимых, – все это собралось воедино в его душе. Так человек собирает смертоносное оружие из мелких деталей.

Теперь Саймон был уже не в палатке, за столом с символами, теперь он стоял перед кольдером в башне Сиппара, заставляя его открыть глаза, чтобы встретить его, Саймона Трегарта, взгляд и вступить в жестокую схватку разума и воли.

Глаза кольдера открылись, и Саймон заглянул в черные зрачки, которые внезапно расширились, словно кольдер узнал его и ощутил надвигающуюся угрозу.

Между ними началась борьба духа. Постепенно черты широкого лица кольдера, его шлем и прочие детали одежды исчезли – остались одни глаза. Подобно тому как в Карсе Саймон ощущал поток энергии, исходящий из его руки в руку колдуньи, сейчас он чувствовал, как Сила, сконцентрированная в его мозгу, подпитывается эмоциональной энергией куда более могучей, чем та, которую он мог бы генерировать сам, без посторонней помощи. Поддерживаемый Силой Владычицы, он на какое-то мгновение показался сам себе иглой, готовой сорваться и поразить цель.

Поначалу кольдер выглядел довольно уверенно, но вот он попытался уйти от этой борьбы – глаза в глаза, сила духа на силу духа, – да, видимо, слишком поздно понял, что попал в капкан – и тот захлопнулся! Но кольдер все еще не сдавался и боролся так, будто не мог смириться с поражением.

Саймон остро чувствовал все нарастающее напряжение этой борьбы. Наконец он дал выход переполнявшей его энергии – глаза кольдера потемнели от страха, а еще через мгновение неимоверный ужас пожирал их, словно пламя, пока не испепелил окончательно. Саймон вдруг осознал, что противник превратился в пустую оболочку и сейчас он выполнит любой его приказ точно так же, как беспрекословно повинуются рабы Горма.

И Саймон начал приказывать. Его по-прежнему поддерживала Сила Верховной Владычицы – она внимательно наблюдала за происходящим и была готова в любую минуту прийти на помощь, но пока не вмешивалась. А Саймон уже не сомневался в победе – кольдер сломлен,

и барьер будет снят! Теперь у Эсткарпа есть свой послушный робот в самом сердце цитадели врага.

Саймон поднял голову и открыл глаза. Его пальцы по-прежнему соприкасались с пальцами Владычицы, охватывая стоящую на символе фигурку, но теперь она потеряла былое совершенство – шлем кольдера превратился в бесформенный ком расплавленного воска.

Владычица высвободила руку, Саймон повернулся налево и увидел уставшее, посеревшее лицо и запавшие темные глаза. Его соседка, что концентрировала волю на фигурке Альдис, откинулась без сил на спинку стула. Голова ее восковой противницы тоже оказалась расплавленной.

Фигурка Фалька, владыки Верлена, лежала на столе, а склонившийся над ней Брайант сидел, закрыв лицо руками. От напряжения он весь взмок.

– Сделано, – нарушила тишину Верховная Владычица. – Все, что может Сила, сделано. И никогда еще она не действовала с такой мощью, как сегодня! Теперь слово за огнем и мечом, ветром и волнами. Да послужат они нам, если мы сумеем ими воспользоваться! – От нервного истощения голос Владычицы был еле слышен.

Лязгая доспехами, к столу подошел Корис и, взмахнув топором Вольта, сказал:

– Не сомневайся, госпожа! Мы сумеем использовать любое оружие, данное нам судьбой. Сигнальные огни зажжены, наши войска выступают!

Саймон встал, покачнулся, но шагнул к Корису. Женщина, сидевшая слева, сделала быстрое движение рукой, будто хотела его остановить, да так и не дотронулась до Саймона, опустив свою руку на стол, но и словами она бы не выразила того протеста, который можно было прочесть в каждой линии ее напряженного тела.

– Теперь битва пойдет под знаком вашей Силы, – заговорил Саймон, обращаясь к ней, словно они были одни в палатке. – Так воюют в Эсткарпе. Но я из другого мира, знаю другие войны, и в этом – моя Сила! В вашу игру я уже сыграл, госпожа, а теперь хочу сыграть в свою!

Саймон вышел из-за стола и присоединился к Корису, который замешкался и стоял рядом с Брайантом, положив руку на стол. Молодой человек мрачно смотрел на лежащую перед ним фигурку, которая хоть и упала, но осталась неповрежденной.

– Я никогда и не претендовал на обладание Силой, – глухо сказал он. – Похоже, здесь я потерпел поражение, так, может, с мечом в руках мне повезет больше!

Корис сделал рукой протестующее движение, но колдунья, которая была с ними в Карсе, быстро заговорила:

– Всякий, кто выступил под знаменем Эсткарпа, волен в выборе, и никто никому не должен мешать.

Верховная Владычица кивнула в знак согласия. Так втроем они и вышли из палатки на берег залива: оживленный Корис, высоко подняв свою красивую голову над непомерно широкими плечами, – ноздри его раздувались, словно он чувствовал не только запах соленого ветра; чуть живой Саймон, на которого вдруг навалилась огромная усталость, и все же он горел желанием поскорее завершить начатое дело; и угрюмый, но полный решимости Брайант, надевший шлем и обмотавший горло кольчужным шарфом, – глаза его были устремлены вперед, словно его подгоняло в бой нечто большее, нежели собственная воля.

Когда они достигли шлюпок, на которых воинов должны были перевезти на корабли, Корис обернулся:

– Вы пойдете со мной на флагмане. Ты, Саймон, будешь проводником. А ты... – Он посмотрел на Брайанта и заколебался.

Юноша с вызовом вскинул голову и сверкнул глазами, и Саймон, почувствовав, что между этими людьми происходит какая-то борьба, касающаяся только их двоих, молча ждал, чем Корис ответит на вызов юноши.

– Ты, Брайант, зачисляешься в отряд моих щитоносцев. И не отходи от них ни на шаг!

– А я, не будь я Брайант, – вскинулся юноша, – буду рядом с тобой, капитан гвардейцев Эсткарпа, тогда, когда сочту это нужным! Но в этой и в любой другой битве я сам распоряжаюсь своим мечом!

Казалось, вот-вот Корис возразит, но в этот момент их поторопили со шлюпки. Когда все разместились, Саймон заметил, что юноша старается держаться как можно дальше от своего командира.

Флагманский корабль был небольшим рыболовным судном, и гвардейцам приходилось стоять на палубе, прижавшись плечом к плечу. Следом за ним шел весь флот Эсткарпа.

Когда они подошли к Горму настолько близко, что стала видна заброшенная гавань, с кораблей сулькарцев, с их разношерстной командой, состоящей из сокольников, карстенских беженцев и уцелевших сулькарцев, раздался сигнал, и корабли выстроились в линию.

Саймон совершенно не помнил, где он наравлся на заградительный барьер при бегстве с Горма. Как бы, чего доброго, не привести весь флот в ловушку... Но он очень надеялся на то, что Игра Силы сделала свое дело и барьер будет хотя бы ослаблен.

Стоя на носу рыболовного судна, Саймон смотрел на гавань мертвого города и все ждал появления хоть каких-нибудь признаков силового барьера. А может, они подвергнутся нападению тех странных кораблей, в трюме одного из которых он побывал? Ветер раздувал паруса, и перегруженные корабли Эсткарпа тяжело рассекали волны. Вдруг какая-то посудина, сохранившая еще обрывки парусов, вышла из гавани и, таща за собой якорными канатами шлейф морских водорослей, направилась им наперерез.

На палубе этой развалюхи не было ни души. С одного из сулькарских кораблей взметнулся какой-то шар и угодил в парусник. Он пробил палубу, а из пролома взметнулись языки пламени. Сухое дерево вспыхнуло мгновенно, и пылающая посудина, минуя корабли Эсткарпа, продолжила свой последний путь неизвестно куда.

Саймон повернулся к Корису и улыбнулся. Он чувствовал, что они успешно преодолели первое препятствие.

– Мы уже прошли твой барьер? – спросил Корис.

– Пожалуй. Если только они не перенесли его поближе к острову.

Положив подбородок на рукоять топора Вольта, Корис мрачно смотрел на то, что некогда было цветущим городом, то и дело стискивая зубы, – так волк показывает клыки перед началом жестокой схватки.

– Похоже, на этот раз Сила сработала, – сказал он. – Теперь дело за нами.

Однако Саймон не терял бдительности:

– Не стоит недооценивать противника. Мы прошли только первый рубеж их обороны, возможно самый слабый.

Воодушевление Саймона быстро улетучилось – вокруг него были мечи, стрелы и щиты, а ведь у кольдеров есть оружие, основанное на достижениях науки далекого будущего: в любую минуту могло произойти что-нибудь неожиданное.

Войдя в гавань, корабли сулькарцев начали лавировать между стоящими на якоре ветхими судами, чтобы подойти поближе к берегу, а Сиппар по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Угрожающая тишина мертвого города давила на эсткарпских воинов, пугала, гасила их боевой дух и уменьшала радость оттого, что им беспрепятственно удалось преодолеть заградительный барьер.

Корис почувствовал это и, пробившись через толпу гвардейцев, ожидающих высадки, разыскал капитана судна и приказал ему побыстрее причаливать. Однако тот возразил ему, сказав, что командир гвардейцев Эсткарпа может командовать на суше, а действовать на море пусть предоставит тому, кто лучше его знает, и что он не желает распороть днище корабля, натолкнувшись на какую-нибудь затонувшую посудину.

Саймон внимательно изучал глазами берег, вглядывался в пустынные улицы, идущие вверх от гавани к цитадели Сиппара. Он даже не знал, чего теперь больше бояться – авианалета или появления на улицах затаившейся армии противника. Впрочем, отсутствие какого бы то ни было сопротивления казалось ему куда более зловещим, чем встреча с таинственным оружием кольдеров или с ордами его рабов. Все шло слишком уж гладко... Его опасения были вызваны тем, что он все-таки не очень верил в успех Игры Силы, сомневаясь в том, что расплавленная голова восковой фигурки обеспечит им победу.

Высадка прошла без происшествий: часть сулькарцев высадилась несколько в стороне, чтобы прикрыть основной десант от возможного нападения с фланга. Войско Эсткарпа двинулось по пустынным городским улицам, по которым Саймон шел всего несколько дней назад. Ожидая засады, воины внимательно осматривали все закоулки, дергали запертые двери, но так никого и не обнаружили на улицах Сиппара.

Они добрались уже до центра города, когда наконец встретили сопротивление. Враг напал не с воздуха и не с помощью невидимой силы – на них обрушились полчища пеших воинов, которые сражались так, как воюют в этом мире уже много поколений.

Неожиданно улицы заполнили вооруженные мечами воины, которые грозно наступали – стремительно и молча. Одни из них были в доспехах сулькарцев, другие – карстенцев, мелькнуло и несколько клювастых шлемов сокольников.

На войско Эсткарпа наступали не просто опытные воины, но люди, лишенные инстинкта самосохранения, все те же одержимые, что погибали не защищаясь и убивали не задумываясь. Их первый натиск был подобен удару танка по пехоте. Саймон занялся привычным делом – он стрелял и стрелял, а Корис орудовал топором Вольта, размахивая им направо и налево, выкашивая ряды противника.

Наступавшим явно не хватало разумных действий, чтобы вовремя перестроиться и использовать преимущество своего численного перевеса. Они знали только, что должны нападать, куда способны стоять на ногах и держать оружие, – что они и делали с упорством безумцев, и началась настоящая бойня, какой не могли припомнить даже выдавшие виды гвардейцы.

Топор Вольта теперь уже не сверкал на солнце – он был залит кровью. Наконец Корис поднял его, подавая сигнал, и гвардейцы двинулись вперед, оставляя улицы за собой уже не пустынными, но усеянными трупами одержимых.

– Это чтобы задержать нас, – заметил Саймон, приблизившись к командиру.

– Я тоже так считаю. Но что будет дальше? Смерть придет с неба, как было в Сулькаре? – Корис поднял голову, с беспокойством глядя на крыши.

Возможно, именно этот его взгляд и подсказал Саймону план дальнейших действий.

– Не думаю, что нам удастся пробиться в башню снизу, – начал Саймон и услышал, что Корис рассмеялся.

– Ошибаешься! Я знаю потайной ход, о котором едва ли пронюхали кольдеры. Как-никак это моя бывшая крепость!

– У меня тоже появился план, – настаивал Саймон. – На кораблях есть веревки и абордажные крючья. Пока ты будешь пробиваться с отрядом подземным ходом, пусть другой отряд пойдет по крышам, и, может быть, нам удастся взять их в клещи.

– Отлично! – согласился Корис. – Ты же у нас большой мастер по полетам с крыш! Подбери себе людей, но не больше двух десятков.

Еще дважды бросались на них полчища живых мертвецов, и хотя всех их удалось перебить, потери гвардейцев тоже с каждым шагом множились. Наконец силы Эсткарпа разделились. Саймон с отрядом из двадцати человек, взломав дверь, ринулся вверх и поднялся на крышу. Трегарт сориентировался верно – в крыше соседнего дома зияла дыра от его недавнего падения в самолете.

Саймон стоял в стороне, пока моряки перебрасывали абордажные крюки через широкую улицу на крышу возвышавшегося над ними соседнего здания. Затем воины пристегнули ремни, затянули потуже свои портупей и с решимостью поглядывали на две тонкие веревки, зависшие над улицей. Саймон отобрал с собой только тех, кто не боялся высоты, и все же теперь, оценив реальную опасность предстоящего испытания, он немного засомневался в успехе.

Саймон полез первым. Грубая веревка обдирала руки, и временами ему казалось, что он не выдержит.

Наконец перебравшись на крышу башни, Саймон снял с пояса еще одну веревку и привязал ее к стойке навеса ангара, а второй конец бросил через улицу гвардейцу, которому предстояло лезть следом за ним. Эта веревка значительно облегчила подъем всем остальным воинам.

Самолеты, которые он вывел из строя, стояли на месте, однако открытые капоты двигателей, разбросанные кругом инструменты свидетельствовали о том, что их пытались отремонтировать. Саймон оставил четверых гвардейцев охранять веревочную переправу, а с остальными двинулся вниз.

В башне их встретила все та же гнетущая тишина. Они шли по коридорам мимо запертых дверей, спускались по лестницам, но не слышали ни единого звука, кроме топота собственных сапог. Неужели башня пуста?

Гвардейцы приближались к самому сердцу цитадели, и в любую минуту можно было ожидать нападения. Свет становился все ярче, появились какие-то незнакомые запахи, говорящие о том, что если башня и пуста, то опустела она совсем недавно.

Отряд Саймона достиг наконец того лестничного марша, который врезался ему в память еще с прежнего посещения этого логова. Ниже находилось серое обиталище кольдеров. Саймон прислушался: откуда-то из глубины помещения донесся слабый ритмичный звук, подобный биению его собственного сердца.

6

Очистка Горма

– Командир! – К Саймону подошел Танстон. – Что ждет нас внизу?

– Я знаю не больше твоего, – рассеянно ответил Саймон, продолжая размышлять о том, что в этом гибельном месте он почему-то вообще не чувствует никакой опасности. Но что-то там все-таки есть, иначе не было бы звуков.

Вытащив самострел, Саймон двинулся вниз по ступеням, сначала осторожно, а потом все увереннее. Все двери были закрыты, и открыть их не удавалось. Наконец гвардейцы добрались до комнаты с картой на стене.

Здесь пощелкивание, которое они слабо слышали наверху, стало громким и барабанной дробью отдавалось в ушах.

Огоньки на карте погасли, на столах больше не было приборов, лишь остатки проводов и металлические крепления указывали, где они стояли. Однако за выносным пультом, как и прежде, неподвижно сидел кольдер в шлеме с проводами. Глаза его были закрыты – совсем как в прошлый раз, когда Саймон увидел его впервые.

Сначала ему показалось, что кольдер мертв. Он осторожно подошел к нему и пригляделся, с удовлетворением отметив, что именно этот образ он себе и представлял, держа за руки искусницу-колдунью, – зрительная память его не подвела!

В следующее мгновение Саймон застыл на месте, заметив, как рука кольдера, лежащая на пульте, шевельнулась и он нажал пальцем одну из кнопок.

Саймон прыгнул, на короткое мгновение взглянув в открытые глаза кольдера и в его лицо, искаженное ненавистью, а может, не столько ненавистью, сколько страхом... Руки Саймона вцепились в провода, что тянулись от головы кольдера к щитку на стене, он рванул их что есть силы и порвал. Кто-то тревожно крикнул, предупреждая его, и Саймон увидел направленный на него ствол какого-то оружия.

Болтающиеся обрывки проводов мешали движениям кольдера, и это, возможно, спасло Саймону жизнь. Он с размаху ударил самострелом по перекошенному лицу кольдера и рассек его до крови. Противник так и не издал ни звука, он лишь смотрел на Саймона полными ненависти глазами, и хорошо, что тот вовремя заметил оружие, появившееся в руке врага. Перехватив руку кольдера, он вывернул ему запястье так, что тонкий луч ударил в потолок, а не ему в лицо.

Оба повалились в кресло, с которого кольдер только что вскочил, и сразу послышался резкий щелчок, а затем шею Саймона обожгло огнем. Кольдер сдавленно крикнул, его окровавленное лицо исказила гримаса, но железные мышцы еще не ослабли.

Его глаза... Эти огромные глаза, они все увеличивались, заполняя собой всю комнату... И Саймон, казалось, тонул в них, и вот это уже не глаза, но затуманенное окно в какой-то иной мир, а может быть, и в другое время. Между колоннами виднеются фигуры людей в серых комбинезонах, потом они на каких-то странных машинах приближаются к нему, от кого-то отстреливаясь, и он понял, что это остатки какой-то армии уходят от преследования...

Они двигались узкой колонной, а их ужас, раздирающий на части сердце и мозг, передавался Саймону. Он и представить себе не мог, что такие муки могут существовать. Ворота... им нужно туда – за Ворота... Там у них будет время, чтобы восстановить силы и возродить на новом месте все то, чем они жили. О, у них еще хватит для этого и ума, и воли. За спиной они оставляли разбитую империю и разграбленный мир... Зато впереди – новый мир, свободный и богатый, который им предстоит завоевать.

Мираж исчез... Перед Саймоном вновь было лишь окровавленное лицо кольдера. В воздухе стоял запах горелой ткани и паленого мяса. Видение длилось, очевидно, не больше секунды, и Саймон продолжал схватку, еще сильнее заламывая руку противника и прижимая ее к креслу. Еще дважды он нанес мощные удары кулаком, и наконец пальцы кольдера разжались, выпустив оружие.

Кольдер издал слабый звук – послышалось невнятное бормотание, вызвавшее у Саймона жалость. Секундное видение бегущих людей и их эмоции, передавшиеся ему и вызвавшие невольное сочувствие, подействовали на него как удар. Подоспевшие гвардейцы повалили кольдера на пол. Последний раз в голове Саймона мелькнула мысль о какой-то близости с этим человеком, и в это мгновение он почти догадался, кто такие кольдеры, – по крайней мере, твердо знал, что они явились из другого мира. Оцепенение сменилось безразличием, и Саймон отошел от поверженного тела.

Над кольдером склонился Танстон и попытался снять железный шлем с его головы. Удивленный возглас собрал вокруг него всех гвардейцев – Танстон не мог снять шлем, поскольку выяснилось, что он является неотделимой частью тела кольдера.

– Оставьте его! – приказал Саймон. – И пусть никто не касается этих проводов.

Тут он вдруг обратил внимание на то, что трескотня, встретившая их барабанным боем, прекратилась, и понял – кольдер в шлеме как раз и был тем самым сердцем, которое, перестав биться, прекратило существование неприступной цитадели, и жизнь ушла из нее, как некогда ушла из Сиппара.

Саймон подошел к нише, в которой находился лифт, и подумал на ходу, что вряд ли он работает – ведь перестали работать все механизмы. Однако лифт оказался незакрытым, и Саймон, передав командование Танстону, вошел с двумя гвардейцами в кабину и руками закрыл дверь.

Удача, видимо, вновь была на его стороне, – по крайней мере, закрывшаяся дверь привела в движение механизм лифта. Саймон почему-то ожидал, что они окажутся на том этаже, где находится лаборатория. Однако, когда дверь открылась, он от неожиданности замер на месте, а оба гвардейца вскрикнули от удивления.

Они оказались на берегу подземной гавани, где отчетливо пахло морем и еще чем-то незнакомым. Освещенный мол уходил прямо в темную воду. На берегу лежали тела людей, среди которых не было ни одного в сером комбинезоне.

Если одержимые, встретившие гвардейцев на улицах города, были в полном воинском снаряжении, то эти люди в основном лежали совершенно голыми либо же в каких-то жалких лохмотьях.

Одни лежали кучами подле небольших повозок, с которых они, судя по всему, сгружали ящики, но еще не успели закончить своей работы, другие – рядами, словно, прежде чем упасть, были построены. Саймон подошел к одному из лежавших, склонился над ним и тотчас понял, что человек мертв по меньшей мере уже сутки.

Стараясь держаться подальше от трупов, они с опаской пошли вдоль причала, и вскоре Саймон отметил, что среди мертвых нет никого из Древней расы. Похоже, в самом деле всех рабов кольдеры набирали из других рас.

– Командир! – крикнул гвардеец, с удивлением разглядывая труп человека, возле которого он стоял. – Таких людей я никогда не видел! Посмотри на цвет его кожи, а волосы – он явно не из наших земель!

Несчастный раб кольдеров лежал на спине, как будто спал. У него была красно-бурая кожа, волосы сильно курчавились – Саймон тоже не встречал таких людей на побережье и, мысленно соглашаясь с гвардейцем, подумал о том, как же далеко раскинули свои сети кольдеры.

Саймон зачем-то прошел в другой конец гавани и осмотрелся – либо Горм изначально был построен над огромной подземной пещерой, либо кольдеры вырубили ее для своих целей, о которых ему нетрудно было догадаться после того, как он побывал в трюме их корабля. Неужели это замаскированный док флота кольдеров?

– Командир! – позвал Саймона гвардеец, который шел впереди, стараясь не задерживаться подле мертвых тел. Сейчас он стоял на самом краю каменного мола и подзывал к себе Саймона.

Вода вдруг забурлила, волны начали заливать мол, и воинам невольно пришлось отступить. Даже при скудном освещении подземной гавани они увидели, что из глубины всплывает какая-то громада.

– Ложись! – быстро приказал Саймон.

Вернуться к лифту они все равно бы уже не успели, поэтому оставалось только распластаться среди тел, притворившись мертвецами.

Все трое лежали рядом. Саймон, подложив руку под голову и держа самострел наготове, внимательно наблюдал за происходящим. Из воды показался металлический корпус с заостренными носом и кормой, с обшивки корабля потоками сбегала вода. Его предположение оказалось верным – в гавань пришел один из кораблей кольдеров.

Сначала Саймон почему-то подумал о том, что неужели он дышит так же громко, как и лежащие рядом гвардейцы? Потом представил, как блестят их доспехи среди мертвецов... А может быть, в полумраке их кольчуги не очень-то и сверкают? Смогут ли они хоть что-либо предпринять, прежде чем кольдеры пустят в ход какое-нибудь свое оружие?

Однако серебристый корабль, всплыв, равномерно покачивался на волнах, и больше не происходило ничего, словно судно было так же мертво, как и распростертые вокруг люди. Гвардеец справа тронул Саймона за руку и зашептал что-то.

Впрочем, вряд ли Саймона нужно было предупреждать – он не отводил от воды глаз и, конечно, тоже заметил, когда она снова забурилась. Поднявшиеся волны прибили к причалу первый корабль – похоже на то, что он не слушается руля.

И все-таки, не в силах поверить, что на борту корабля никого нет, гвардейцы продолжали выжидать. Лишь когда на поверхность поднялся третий корабль, а два других беспомощно закачались на поднятых им волнах, Саймон наконец встал, решив, что субмарины либо пусты, либо выведены из строя, но одно было бесспорно: они неуправляемы.

Не открывались и люки кораблей, а это позволяло думать, что на них нет ни экипажа, ни пассажиров. Правда, судя по обстановке на причале, все говорило о недавней поспешной погрузке – то ли при подготовке к нападению, то ли при отступлении с Горма. Но если кольдеры готовились к нападению, зачем убивать рабов?

Попробовать проникнуть внутрь этих серебристых торпед без всякой подготовки было бы опрометчиво, но и без присмотра оставлять их не стоит. Гвардейцы направились к лифту.

– Останетесь здесь? – обратился Саймон к своим спутникам, скорее спрашивая, чем приказывая. Мужественные гвардейцы вряд ли ослушались бы его, но он не хотел оставлять их здесь насильно.

– Эти корабли... Конечно, нужно узнать их тайну... – начал один воин. – Но не думаю, что они уйдут из этой гавани, командир.

Саймон принял эти слова как вежливый отказ. Все трое вошли в лифт, оставив за спиной подземную гавань и груды трупов. Прежде чем закрыть кабину лифта, Саймон поискал глазами панель управления – он хотел попасть на те этажи, где мог бы встретиться с отрядом Кориса, а не возвращаться в комнату с картой.

Однако стены лифта оказались совершенно голыми, делать было нечего – он закрыл дверь кабины, ожидая подъема. Когда стены лифта начали вибрировать, Саймон мысленно представил себе коридор, где находилась лаборатория, напряженно думая о том, что хорошо бы попасть именно туда.

Лифт остановился, дверь отъехала в сторону, и трое находящихся в кабине гвардейцев увидели перед собой изумленные лица вооруженных воинов. Лишь секундное замешательство спасло оба отряда от непоправимой ошибки, а затем кто-то окликнул Саймона по имени, и он увидел Брайанта.

Тут же к лифту протиснулся Корис.

– Откуда вы взялись? – воскликнул он. – Из стены выпрыгнули, что ли?

Саймон сразу узнал этот коридор, где сейчас собрались воины Эсткарпа: именно об этом месте он думал. Так неужели лифт доставил их сюда, повинаясь его желанию? Желанию!

– Вы нашли лабораторию?

– Мы много чего нашли, но мало что поняли. Но мы не встретили ни единого кольдера! А вы?

– Только одного, да и тот теперь уже мертв. Хотя кто знает, может, и все остальные тоже... – Саймон подумал о кораблях в подземной гавани. – В общем, я почти уверен, что здесь мы можем не опасаться встречи с ними.

Последующие несколько часов подтвердили, что слова Саймона оказались пророческими. Если не считать кольдера в металлическом шлеме, никого больше из прежних хозяев Горма обнаружить не удалось. И только по всей крепости гвардейцы находили мертвых рабов-воинов, которые лежали на полу где по два-три человека, а где и целыми отрядами. Создавалось такое впечатление, что все они одновременно рухнули в то самое мгновение, когда сила, заставлявшая рабов двигаться, неожиданно оставила их, бросила, превратив в ничто.

Обнаружили гвардейцы и тех пленников, что остались в соседней с лабораторией комнате; среди них Саймон нашел людей, вместе с которыми он не так давно мучился в мрачном трюме. Все они тяжело отходили от наркотического сна, а очнувшись, не помнили, что было

после того, как в трюм корабля пошел газ. Но все благодарили своих богов, что попали на Горм слишком поздно и не разделили печальной участи всех рабов Кольдера.

Корис и Саймон привели в подземную гавань сулькарских мореходов и вместе с ними на шлюпке обследовали пещеру, пытаясь найти выход. Но всюду им преграждала путь скальная стена, и это означало одно: выход из гавани находится под водой, но по какой-то причине он оказался закрытым для этих серебристых кораблей.

– Если тот, в шлеме, управлял здесь всем, – рассуждал Корис вслух, – значит с его смертью закрылся и выход. Да вообще, наверное, после того как он был побежден в Игре Силы, его приказы стали противоречивы, и кольдеры просто-напросто запутались.

– Может, и так, – согласился Саймон, вспомнив все то, что промелькнуло перед его глазами в последние мгновения жизни кольдера в шлеме с проводами. Если остальные кольдеры и впрямь замурованы в своих кораблях, то Эсткарп вполне может праздновать победу.

К одному из кораблей кольдеров привязали канат, подтащили его к причалу и попробовали открыть крышку люка, но это не удалось. Оставив сулькарцев ломать голову над этой загадкой, Корис и Саймон вошли в лифт.

– Вот еще одна тайна кольдеров, – сказал Корис, когда закрылась дверь. – Наверное, тот, в шлеме, лифтом не управлял, ведь иначе мы не смогли бы им воспользоваться.

– Ты сам можешь запросто управлять им, – сказал Саймон и прислонился к стене кабины – на него вновь навалилась усталость. До полной победы, кажется, еще далеко, хотя все, о чем он думает, – только смутные предположения... И поверят ли ему колдуньи? – Представь коридор, где встретил меня, представь и удерживай в сознании.

– Так?.. – Корис снял шлем, прислонился плечом к стене и, сосредоточившись, закрыл глаза.

Дверь открылась. Перед ними был тот самый коридор, где находилась лаборатория. Капитан засмеялся, как счастливый ребенок, которому подарили новую игрушку:

– Эге! Да мне, Корису Безобразному, подвластно колдовство! Знать, у кольдеров Силой обладают не только женщины.

Саймон вновь закрыл дверь и мысленно представил себе комнату с картой на стене, находящуюся выше. Лишь когда они оказались на нужном этаже, Саймон ответил на восклицание Кориса:

– Возможно, именно этого наследства кольдеров нам и следует опасаться более всего. У них своя Сила, и ты сам видел, какого свойства, капитан. После кольдеров Горм остается сокровищницей их знаний.

Корис бросил свой шлем на стол, стоящий под картой, и, опираясь на топор Вольта, пристально посмотрел на Саймона:

– И ты хочешь, чтобы эта сокровищница не была разграблена? – Корис мгновенно уловил смысл сказанного.

– Не знаю... – Саймон тяжело опустился в кресло и, подперев голову руками, отрешенно смотрел перед собой. – Я не ученый и не разбираюсь ни в их технике, ни в их колдовстве. Сулькарцев будут искушать корабли кольдеров, колдуний – что-нибудь другое...

– Искушать? – Кто-то повторил это слово, и Корис с Саймоном обернулись.

Увидев садившуюся рядом колдунью, Саймон встал и заметил неподалеку Брайанта.

Колдунья была в шлеме и в кольчуге, но он подумал, что, даже если бы она, перевоплотившись, изменила свою внешность, он все равно узнал бы ее.

– Искушать... – снова повторила колдунья. – Верно замечено, Саймон, ты прав – нас многое будет искушать, и потому-то я здесь. Лезвие этого меча обоюдоостро, по неосторожности можно и пораниться. Быть может, стоит закрыть глаза на эти знания и уничтожить здесь все, оградив тем самым себя от опасности, но нельзя быть уверенными, что при этом мы не

оставим открытой дверь для нового нападения кольдеров. Трудно защищаться, когда не знаешь, каким оружием пользуется противник.

– Кольдеров пока нечего опасаться, – осторожно начал Саймон. – Их тут и было-то немного, а если кто ушел, так и тех, пожалуй, можно преследовать до того места, откуда они явились. Но и там теперь закрыто!

– Закрыто? – спросил Корис.

– В последней схватке с предводителем кольдеров мне удалось узнать их тайну.

– Что они пришельцы из другого мира?

Саймон резко повернул голову. Колдунья вновь прочла его мысли или она знала что-то раньше, но молчала?

– Ты знала, госпожа?

– Я не читаю твоих мыслей, Саймон, но мы и сами узнали об этом совсем недавно. Да, они пришли сюда так же, как и ты, – но, думаю, с совсем другой целью.

– Они беглецы... бежали от какой-то катастрофы, которую вызвали сами, оставив за спиной пылающую пустыню. Не думаю, чтобы они осмелились оставить дверь открытой, и все-таки мы должны знать точно, ибо сейчас это самое главное.

– Ты считаешь, что, если мы воспримем их знания, нас может затронуть и их зло? Вряд ли. Долгие века Эсткарп жил в безопасности, охраняемый своей собственной Силой.

– Госпожа! Что бы вы ни решили, я не думаю, что Эсткарп останется прежним. Либо он изменится, либо погрозится в застое, а это ведь равносильно смерти.

Они говорили так, словно находились в комнате только вдвоем, и ни Корис, ни Брайант не имели никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Колдунья разговаривала с ним как равная с равным, раньше у Саймона такого с женщинами Эсткарпа не бывало.

– Ты прав, Саймон. Наверное, древнее единство моего народа нарушится; появятся те, кто захочет жить в обновленном мире. Но останутся и другие, которые откажутся от этих изменений. Однако все это в будущем. А что сейчас делать с Гормом, как ты думаешь?

Саймон устало улыбнулся:

– Я человек действия и отправлюсь на поиски Ворот, через которые пришли кольдеры, – выяснить, не собираются ли там свежие силы. Приказывай, госпожа, – я готов! Что же касается Горма, то я бы закрыл остров, пока не выяснится, что делать дальше. Ведь наверняка кое-кто не прочь овладеть тем, что здесь осталось после кольдеров.

– Верно. И Карстен, и Ализон дорого бы дали, чтобы похозяйничать в Сиппаре! – быстро согласилась колдунья, извлекая из-под кольчуги колдовской камень. – Слушай приказ, капитан! – обратилась она к Корису. – Пусть будет так, как предлагает Саймон. Эта сокровищница чуждых знаний должна быть закрыта. И пусть Горм будет очищен. Здесь останется гарнизон до тех пор, пока мы не решим, что со всем этим делать. – Колдунья улыбнулась Корису. – А командовать им будешь ты, Хранитель Горма.

7

Новое начало

Краска медленно заливала лицо Кориса. Он покраснел до ушей. В уголках его рта появились горькие складки, сразу состарившие его красивое юношеское лицо.

– Разве ты забыла, госпожа, – он со стуком бросил на стол топор Вольта, – что много лет назад Кориса Безобразного прогнали с этих берегов?!

– А что стало с Гормом потом? И с теми, кто прогнал тебя? – спокойно спросила колдунья. – Ты не забыл, капитан?

Рука Кориса сжала рукоять топора так, что побелели костяшки пальцев.

– Поищи другого Хранителя Горма, госпожа. Клянусь, я не вернусь сюда! Для меня это место проклято. Надеюсь, что у Эсткарпа нет претензий к капитану гвардейцев? Да и война, похоже, еще не кончена.

– Ты знаешь, он прав, госпожа, – вмешался Саймон. – Может, кольдеров и немного и большинство их замуровано в кораблях, что стоят в гавани, но необходимо добраться до их Ворот и убедиться, что они не собирают силы и не предпримут нового нападения. К тому же есть ведь еще замок Иль. И не осталось ли их гарнизона в Сулькаре? Мы не знаем и того, насколько далеко они зашли в Карстене и Ализоне? Может статься, это лишь начало большой войны.

– Хорошо. – Колдунья поглаживала камень. – Раз у тебя, Саймон, есть конкретный план – будь Хранителем ты.

Саймон не успел ничего ответить, как вмешался Корис:

– Я согласен. Владей Гормом! Вот тебе и мое благословение! И не думай, что я когда-нибудь заявлю на Горм свои права.

Но Саймон отрицательно покачал головой:

– Я солдат, и, кроме того, я из другого мира. Каждому свое. А мне – погоня за кольдерами.

Саймон провел рукой по глазам, зная, что если закроет их, то увидит узкий проход и ожесточенно пробивающихся через него людей.

– Ты собираешься в замок Иль? В Сулькар и дальше? – впервые заговорил Брайант.

– А тебе куда хочется? – спросил его Корис.

– В Карстен!

Если раньше Саймон считал Брайанта чересчур спокойным и безликим, то теперь он усомнился в своей оценке.

– А что там сейчас такого важного, в Карстене? – почти добродушно спросил Корис, но Саймон уловил в его голосе нечто такое, чего никак не мог определить словами. Похоже на то, что идет какая-то игра, но он не знал ни ее цели, ни правил.

– Ивиан!

Это имя прозвучало как боевой клич, и Брайант поднял глаза на Кориса, ожидая, как тот примет его вызов. Саймон переводил взгляд с одного воина на другого. Точно так же, как чуть раньше он разговаривал с колдуньей, теперь говорили эти двое, не обращая внимания на присутствующих.

Вновь Корис покраснел до ушей, затем побледнел, как человек, который вынужден вести борьбу и не в силах уклониться от нее. Когда капитан гвардейцев стремительно подошел к Брайанту, топор Вольта впервые остался лежать забытым на столе.

Со смешанным выражением вызова и надежды Брайант смотрел на Кориса, а тот положил руки ему на плечи и с такой силой сжал их, что у Брайанта наверняка остались синяки.

– Ты и в самом деле хочешь этого? – с трудом выдавил из себя капитан.

Ответ Брайанта был уклончивым.

– Я хочу свободы, – тихо сказал он.

Корис убрал руки с плеч юноши и рассмеялся с такой горечью, что Саймон невольно содрогнулся.

– Не беспокойся, она – твоя!

Корис так и отошел бы, если бы Брайант не схватил его за руку.

– Свобода мне нужна лишь для того, чтобы сделать свой выбор, и... он уже сделан. Неужели ты сомневаешься? Или тебя смущает то, что у меня нет той силы, которой обладает Альдис?

Альдис? Наконец-то Саймон все понял.

Корис держал Брайанта за подбородок и смотрел ему в лицо – на него капитан мог смотреть сверху вниз, а не снизу вверх, как на других.

– Ты отвечаешь ударом на удар, – заметил он. – Неплохо. Да, у Ивиана есть Альдис, и пусть они милуются друг с другом сколько угодно, хотя, на мой взгляд, его выбор не очень удачен. Но если на одном топоре был заключен брак, почему бы не заключить его на другом?

– Брак, заключенный лишь бормотанием Сирика! – вспыхнул Брайант, но он уже больше не вырывался из рук капитана.

– Нет нужды говорить мне это, наследница Верлена! – улыбнулся Корис.

– Лоиса, наследница Верлена, мертва! – сказал Брайант. – У меня нет наследства, капитан.

Корис слегка наморщил лоб:

– И об этом не стоит говорить. Разве я похож на того, кто ищет богатую жену?

Пальцы девушки выскользнули из руки Кориса и легли ему на губы, призывая к молчанию. В ее глазах горело возмущение.

– Корис, капитан гвардейцев Эсткарпа, ты не должен так говорить о себе! И тем более такой женщине, как я, – без наследства и далеко не красавице.

Саймон подошел к колдунье, понимая, что этим двоим теперь не до них, тронул женщину за плечо и улыбнулся.

– Оставим их сражаться друг с другом, – прошептал он.

Колдунья тихо рассмеялась:

– Я думаю, что этот разговор о том, кто чего стоит, скоро закончится полным молчанием.

– Насколько я понял, она и есть пропавшая наследница Верлена?

– Верно. И лишь с ее помощью мне удалось оттуда бежать – с Фальком шутки плохи.

Саймон, чутко улавливающий все оттенки ее голоса, помрачнел.

– Думаю, Фальк и его грабители скоро получают хороший урок, – заметил он.

Зная сдержанность колдуньи, Саймон никак не ожидал услышать подобное признание. И уж если обладательница Дара признается в таком, значит было и в самом деле очень опасно. У него возникло внезапное желание взять один из сулькарских кораблей, погрузить на него отряд воинов-горцев и отправиться в поход на юг.

– Да, Фальк получит хороший урок, – повторила колдунья, сохраняя свое обычное хладнокровие. – Но, как ты сказал, мы еще не окончили войну и до победы еще далеко. Безусловно, Верлен и Карстен нельзя оставлять без присмотра. Саймон, меня зовут Джелита.

Это было так неожиданно, что Саймон даже не сразу понял, что произошло. Зная древний обычай, которому колдуньи столь неукоснительно следовали, он глубоко вздохнул, с удивлением принимая такую безоговорочную капитуляцию. Ведь имя – самое сокровенное достоинство колдуньи, имени они не открывают никому!

Подобно Корису, оставившему топор на столе, Джелита положила на стол свой колдовской камень, подошла к Саймону, и он понял, что это означает: она сознательно обезоружила себя, сознательно отбросила всякую защиту и теперь отдает ему в руки то главное, что составляло ее жизнь. Саймон мог только догадываться, чего это ей стоит, и у него перехватило дыхание.

Он сделал шаг навстречу Джелите и обнял ее; его губы искали ее жаждущих губ, и в этот миг Саймон понял, что наконец-то и он сам изменился, наконец-то стал частью этого мира, его жизнь навсегда переплелась с ее жизнью. И так будет до конца его дней. И ничего другого не надо.

Книга II

Паутина Колдовского мира

1

Вызов

Ночью была гроза. Порывы штормового ветра обрушивались на стены старого замка, швыряли потоки ливня в оконца башни. Но за стенами Южного форта неистовство бури переходило в глухой шум, и этот шум успокаивал Саймона Трегарта.

Буря не волновала его. Таким, как он, не привыкать противостоять стихиям. Но в этот ранний предрассветный час, прислушиваясь, как часовой, к далеким звукам, он испытывал смутную и непонятную тревогу. Сероватый свет рассеял тени, гроза прошла, а тревога осталась.

Саймон протянул руку вдоль постели. Движение было неосознанным, как и чувство, которое им овладело: он просто нуждался в поддержке, хотя и не понимал еще, что случилось.

Пальцы ощутили тепло тела и нежность кожи. Он повернул голову. Лампа не горела, но тусклого рассеянного света хватало, чтобы разглядеть лежащую рядом. Широко открытые глаза невозмутимо встретили его взгляд, но в глубине их таилось то же беспокойство, что испытывал Саймон.

Джелита, колдунья Эсткарпа, ставшая его женой, резко приподнялась. Шелковистые черные волосы, выскользнув из-под щеки Саймона, рассыпались по ее плечам. Прикрыв руками маленькие крепкие груди, она оглядывала зал, благо полог в эту душную ночь был откинут.

То, чем жил Саймон Трегарт сейчас, воспринималось им в разное время по-разному. Когда он мыслями уходил в прошлое, настоящее казалось ему навязчивым сном. Но стоило ему забыть о былом, и мир снова обретал реальность. Кто же он такой? Разжалованный армейский офицер, преступник, избежавший мести своих сообщников по темным делам? Он воспользовался услугами Йорга Петрония, чтобы остаться в живых, и прошел через Ворота из каменных плит, чудом сохранившиеся с доисторических времен. Ходили слухи, что всякий, кто решится войти в них, таинственным образом исчезает из этого мира и попадает в иной, более близкий его душе. И это был один Саймон Трегарт.

Другой Трегарт лежал сейчас в постели – здесь, в Южном форте Эсткарпа. Саймон Трегарт – Хранитель Границы, присягнувший служить Владычицам и взявший себе в жены одну из колдуний этой древней страны. И это «сейчас» было одним из тех моментов, когда настоящее полностью заслоняло прошлое и он, как бы пройдя невидимую грань, слился с миром, в котором оказался так внезапно.

Острое предчувствие опасности пронзило Трегарта, прервав цепь размышлений о том, кто он такой и что здесь делает. Так же как Джелита, он резко поднялся и сел, коснувшись ее плечом. Его пальцы сжимали рукоять самострела, и выглядел он нелепо – ведь не было сигнала к бою, но только зов о помощи, непонятно, как им воспринятый.

– Саймон... – Голос Джелиты звучал ниже, чем обычно, и дрожал.

– Да, я тоже чувствую. – Саймон соскользнул с широкого ложа на ступеньки помоста и потянулся к креслу, на котором лежала одежда.

Где-то у стен Южного форта или в его окрестностях случилось что-то неладное. Он стал перебирать в уме возможные варианты. Морской набег карстенцев? Саймон был уверен, что

через горы отрядам герцога не пробиться: горы патрулировались сокольниками и подчиненными ему отрядами защитников границы. А может быть, внезапный удар со стороны Ализона? Угрюмое молчание северного соседа давно внушало подозрения...

Саймон натягивал сапоги и застегивал пояс, когда на ум пришло еще одно предположение, от которого у него перехватило дыхание, – кольдеры! Ведь они не были окончательно уничтожены, и теперь сила, столь же чуждая этому миру, как он сам, пробудилась и опять грозит Эсткарпу.

Уже несколько месяцев – с тех пор, как этот коварный враг нанес удар и был отбит, с тех пор, как оплот кольдеров, остров Горм, был взят штурмом, а попытка кольдеров подчинить себе соседний Карстен провалилась, – о них ничего не было слышно. Даже удержанный ими замок Иль молчал, и отряды Эсткарпа не могли ни с моря, ни с суши преодолеть невидимый барьер, защищающий его стены и башни. Саймон и не думал, что победа на Горме – это конец угрозам со стороны Кольдера: опасность сохранялась до полного изгнания чужеземцев за море. Но пока забот хватало и без того: Ализон на севере был подобен псу, готовому сорваться с цепи, а Карстен на юге – подобен дремлющему вулкану.

Саймон вслушивался в тишину, ожидая ударов набата: защитников границы, составлявших гарнизон форта, нельзя было застать врасплох. Но сигнал тревоги так и не прозвучал.

– Саймон! – Оклик был таким громким и повелительным, что он резко обернулся, держа оружие наготове.

В сумеречном свете лицо Джелиты казалось мертвенно-бледным, а глаза – бесцветными, и трудно было понять, что это – страх или нечто другое? Джелита набросила на себя темно-красное платье из тонкой ткани и придерживала его одной рукой, не успев вдеть в рукава. Платье волочилось по полу, пока она, как лунатик, медленно обходила ложе, приближаясь к Саймону. Но нет, Джелита не находилась в состоянии транса, и не страх владел ею.

– Саймон, я все та же!..

Эти слова поразили его еще больше, нежели оклик: они отозвались в нем глубокой болью, и он подумал, что эта боль не уйдет со временем, но будет расти. Так вот оно что! Значит, для нее это настолько важно? Так важно, что с тех пор, как они стали мужем и женой, она чувствовала себя ущербной и мучилась этим? И тут же другая часть его сознания, менее подвластная эмоциям, заговорила в защиту Джелиты. Колдовство было неразрывно связано с ее жизнью; как и все колдуньи, она гордилась своим Даром и испытывала восторг, владея им, однако женщина по своей воле простилась со всем этим, когда пришла к Саймону, а ведь для нее было несомненным то, что, выходя замуж, она навсегда утратит свой Дар. И как же он не понял всего этого раньше?!

Саймон протянул ей руку, хотя ему не терпелось обнять жену и крепко прижать ее к себе. Их пальцы сомкнулись, и он почувствовал, как радость, которой лучилась каждая частичка ее существа, вспыхнула в нем.

– И как ты... – начал было он, но Джелита перебила:

– Знаешь, это все еще со мной, я ничего не потеряла. О Саймон, я стала женщиной и все же не утратила своего Дара!

Ее рука разжалась, и платье, которое она придерживала на плечах, упало, а пальцы машинально потянулись к груди, отыскивая колдовской камень, с которым она рассталась при бракосочетании.

Глаза Джелиты потускнели, когда она не нашла того, что помогло бы сейчас распорядиться энергией, переполнившей ее. Затем, видимо по старой привычке находить выход из любой ситуации, она отошла от Саймона и замерла на месте, слегка наклонив голову, будто к чему-то прислушиваясь.

– Набата не слышно. – Саймон поднял платье и набросил ей на плечи.

– Я и не думаю, что это нападение, – ответила Джелита. – Но где-то беспокойно, надвигается зло.

– Если так, откуда оно исходит или от кого?

Женщина по-прежнему стояла в настороженной позе, но Саймон уже понял, что она прислушивается не к внешним звукам, а к тому, что говорит ей Сила. Его же собственное беспокойство уже переросло в жажду немедленного действия, только вот против кого или чего?

– Лоиса!.. – произнесла Джелита низким голосом и, стремительно повернувшись, направилась к сундуку, в котором хранилась ее одежда. Она принялась поспешно одеваться, но не в домашнее платье – Джелита достала кожаную куртку, которую носят под кольчугой.

Лоиса? Саймон не был уверен, что именно ей грозит беда, но не стал подвергать сомнению наитие жены. Судьба свела их, четверых, в борьбе за свободу Эсткарпа и за собственную свободу. Они боролись вместе против зла, которое Кольдер принес в этот некогда прекрасный мир: Саймон Трегарт – пришелец из другого мира; Джелита – колдунья Эсткарпа; Корис, когда-то изгнанный с Горма, – капитан гвардейцев, а затем сенешаль и маршал Эсткарпа; и Лоиса, наследница Верлена – замка на побережье, владельцы которого за многие годы скопили несметное богатство, грабя потерпевшие крушение корабли. Сбежав из замка после обручения с герцогом Ивианом, она вызволила из Верлена и Джелиту, оказавшуюся там пленницей. Вдвоем пробравшись в Карс, они начали тайную борьбу с герцогом и его приспешниками. Лоиса, одетая в кольчугу и вооруженная мечом, была среди воинов Эсткарпа, когда они штурмовали Горм. А потом в цитадели Сиппара она поклялась в верности Корису. Эта хрупкая на вид девушка оказалась на деле сильным и смелым воином.

Сейчас ей, очевидно, грозила беда, поскольку Джелита почувствовала, что Лоиса в опасности.

– Но Лоиса в цитадели Эса, – вымолвил Саймон, надевая кольчугу. – А это – сердце страны. Если враг осмелился...

– Нет, что-то не так, – отозвалась Джелита. – Море... В том, что я вижу, главное – море.

– Корис?

– Нет. Кажется, нет... О, если бы у меня был камень! – Она натянула сапоги. – А так – будто гадаешь, что там, в тумане? Куда плывет – видишь, но что несет в себе – неизвестно. И все-таки Лоиса в опасности, и это связано с морем.

– Кольдер? – не удержался Саймон от самого страшного предположения.

– Заслона кольдеров тоже нет. Чувствую только зов о помощи. Саймон, мы должны ехать куда-то на юго-запад. – Она слегка повернулась, сосредоточив взгляд на стене, будто что-то видела сквозь нее.

– Едем, – коротко бросил он.

В жилой части форта было еще тихо, но, торопливо выбегая из зала на лестницу, они слышали, как меняется караул.

– Собрать всадников! – прокричал Саймон вниз.

Его приказ был услышан – последовал слегка удивленный возглас, и они еще не успели спуститься во двор, как протрубили тревогу.

Гарнизон форта в любую минуту готов был отразить внезапную атаку: весной и летом сигнал тревоги звучал не раз, собирая его отряды на защиту границы. Ударные силы гарнизона, которыми командовал Саймон, состояли в основном из карстенских беженцев, принадлежавших к Древней расе. У них, покинувших родные места из-за резни, устроенной в Карстене по приказу герцога, были причины ненавидеть грабителей и убийц, которые властвовали ныне на их земле и быстрыми набегами прощупывали оборону Эсткарпа – последнего прибежища этой расы темноволосых и кареглазых людей, сохранивших мудрость предков и чистоту крови; расы, чьи женщины были наделены колдовским Даром, а мужчины, несколько угрюмые на вид, отличались силой и ловкостью – качествами, необходимыми в ратных делах.

– Сигнальных огней не видно, командир...

Ингвальд, помощник Саймона еще с прежних времен, ждал его во дворе крепости. Но вместо Саймона ему ответила Джелита:

– Был другой сигнал, капитан.

Ингвальд посмотрел на нее удивленно, но все же спросил:

– Нападение где-то поблизости?

– Нет, – сказал Саймон. – Что-то случилось на юго-западе. Мы отправляемся туда с частью гарнизона, а ты останешься командовать здесь.

Офицер, казалось, хотел возразить, но, помешкав, отчеканил:

– Отряд Дарстена находится в полной боевой готовности и может немедленно отправиться в горы.

Из кухни выбежала служанка с блюдом, на котором лежали походные хлебцы с кусочками жареного мяса, только что вынутые из печи. За ней неуклюже трусил толстый парнишка-помощник с кубками, наполненными вином. Джелита и Саймон ели стоя и наблюдали за тем, как конники проверяют лошадей и готовят к походу оружие.

Неожиданно Джелита чуть слышно засмеялась:

– Передающая вести услышала меня, и я сообщила ей наши новости. Жаль, что у меня нет камня, он бы сейчас очень пригодился.

Саймон был изумлен, – выходит, Джелита даже без своего камня способна общаться с юной колдуньей, связывающей их со штабом Эсткарпа! Благодаря этому военный совет уже получил сообщение Джелиты об опасности.

Саймон восстанавливал в памяти картину местности, по которой им предстояло ехать. Предгорья и горы на юге, берег моря на западе. Можно встретить на пути одну-две деревеньки, ни фортов, ни замков там нет. Правда, встречаются посты, но силы их незначительны, и к тому же располагаются они в отдалении от границы, а значит, не могут служить постоянным местом пребывания колдуний, способных предупреждать о набегах врага. Поэтому остается единственный способ связи – сигнальные огни, зажигаемые на холмах. Ни один такой огонь сейчас не горел.

Что делала там Лоиса; почему она покинула Эс и поспешила в пустынный край?

– Ее заманили туда хитростью. – Джелита снова будто прочла его мысли. – Как именно заманили, сказать не могу, но зачем – кажется, догадываюсь.

– Происки Ивиана?

Это могло служить объяснением любому действию, направленному против наследницы Верлена. По законам Карстена Лоиса – жена Ивиана, хотя они даже не видели друг друга. И обручение с ней позволяло герцогу претендовать на владение Верленом. Стоит лишь привезти в Карстен Лоису, и тогда сделка, которую Фальк заключил с герцогом, будет завершена. В Карстене, по слухам, царит смута. Ивиан, бывший наемник, добившийся власти благодаря тому, что собрал под своим началом мощное войско, чувствует враждебность со стороны старой знати. И ему необходимо решительно развеять эту враждебность, иначе его власть окажется под угрозой.

А поскольку Лоиса находится в родственных отношениях с тремя могущественными кланами Карстена, герцог мог бы, используя ее как средство для достижения своих целей, добиться многого. Но конечно, не только Карстен беспокоит его.

Ивиан чувствует себя неуютно, сознавая, что резня, которую по его приказу устроили людям Древней расы, вряд ли останется безнаказанной. Скорее всего, он не поверит, что колдунии Эсткарпа не будут чинить ему зла, и в подобной ситуации Лоиса – тем более та сила, которую герцогу необходимо заполучить в свои руки.

Они выехали из крепости скорой рысью: Саймон впереди, рядом, чуть поотстав от него, – Джелита; за ними – двадцать конников Дарстена. До моря было часа четыре верховой езды.

Пока не пал Сулькар – город моряков-торговцев, тракт, по которому ехал отряд, был торговой артерией Эсткарпа, связывая собой полдюжины деревень и один небольшой городок с этим свободным портом. Но после гибели Сулькара дорогой пользовались редко, и она пришла бы в полное запустение, если бы не дозорные, время от времени расчищавшие ее от поваленных бурями деревьев.

Отряд проследовал через Ромсгарт – селение, где обычно собирались на торги крестьяне из ближайших деревень. День был не базарный, и отряд, торопливо проскакавший по улицам, вызвал немалый переполох среди жителей. Саймон заметил, как Дарстен махнул рукой местной страже. Он знал, что это значит: боевой дозор будет выставлен здесь без промедления. Древней расе, оказавшейся в окружении опасных, готовых к войне соседей, быть может, и предопределено исчезнуть с лица земли, но в последней битве ее воины унесут с собой немало вражеских жизней. И в Ализоне, и в Карстене прекрасно об этом знали, и, возможно, только это удерживало их от немедленного нападения на Эсткарп.

В нескольких милях от Ромсгарта Желита дала знак остановиться. Она ехала с непокрытой головой, ее шлем висел на луке седла – и сейчас, поворачивая голову то вправо, то влево, она была похожа на хищную птицу, высматривающую добычу. Но Саймон уже напал на след.

– Там! – крикнул он, показывая на тропу, что уходила от тракта на юг.

Ощущение опасности, которое ни на секунду не покидало его, словно обострило зрение – на стволе дерева, лежавшего поперек тропы, Саймон заметил пару белых рубцов. Один из всадников спешил, чтобы лучше их рассмотреть.

– Ссадины от копыт, и совсем свежие...

– Рассредоточиться! – скомандовал Саймон.

Конники рассыпались по лесу, продолжая осторожно продвигаться вдоль тропы. Желита надела шлем:

– Быстрее, вперед!

Она прищипорила коня, и тот, перемахнув через поваленное дерево, понес ее по тропе. Саймон помчался следом за ней. Любому, кто увидел бы их сейчас, показалось бы, что их только двое; однако люди Дарстена, скрываясь под пологом леса, не отставали от своего командира.

В лицо уже бил свежий морской ветер, вот-вот должна была показаться бухта. Что же они увидят там? Неужели корабль, готовый отплыть в Карстен? Но кто заманил Лоису в эту ловушку? Вот бы сейчас сюда сокольников с их птицами – они бы уже все разузнали.

Они выехали на широкую, густо поросшую травой поляну, которая полого сбегала вниз к бухте. На ней паслись две оседланные лошади. А в море виднелся корабль, который на всех парусах уходил от берега.

Потом им бросилось в глаза то, что выделялось ярким пятном на белом прибрежном песке. Желита прыгнула с коня и побежала туда, Саймон устремился следом, и вскоре они уже стояли над телом женщины, чье застывшее лицо казалось безмятежным, хотя пальцы вцепились в рукоять клинка, глубоко вонзенного ей в грудь.

– Кто это? – спросил Саймон.

Желита нахмурилась, напрягая память:

– Я встречала ее. Она с гор. Ее звали... Ее звали Бертора, когда-то она жила в Карсе...

– О боже!

Саймон заметил, что его подзывает один из воинов, и пошел посмотреть, что там такое. У самой воды в песок было воткнуто копьё, на которое была надета латная рукавица. Объяснений не требовалось: здесь побывали люди герцога; больше того – они и не хотели этого скрывать, а значит, Ивиан объявляет войну. Саймон схватился за рукавицу и сдернул ее с древка. Он принял вызов.

2

Набег

Лучи светильников, искрясь, отражались от лежавшего на столе предмета, как от драгоценного камня. На самом же деле это была всего-навсего рукавица, кожаная рукавица, тыльная часть которой была закрыта металлическими пластинками.

– Лоиса покинула Эс два дня назад, но зачем – никто не знает. – Голос был мрачным и отрешенным. Сосредоточенный Корис угрюмо стоял у края стола, наклонясь вперед и с силой сжимая рукоять топора. – Я узнал об этом вчера вечером – только вчера! Куда она пошла, зачем, кто увел ее за собой?

– Мы предполагаем, что она нужна герцогу, – сказал Саймон, – но зачем – это вопрос. – Он заметил тревожный взгляд Джелиты и замолчал, – похоже, они с ней опять подумали об одном.

Сейчас, когда Корис не мыслил своего существования без Лоисы, ее похищение могло обернуться катастрофой для обороны Эсткарпа. Никакая колдовская Сила не смогла бы, пожалуй, удержать молодого сенешаля от желания броситься на поиски своей возлюбленной, а поэтому необходимо было как-то остудить его пыл, по крайней мере до тех пор, пока он не сможет принимать трезвые решения.

– Карсу конец, – коротко заявил Корис.

– Что – так просто? Ты за это ручаешься? – не удержался от колкости Саймон. – Ты считаешь, что город не устоит перед горсткой воинов, которую сейчас, в спешке, ты сможешь собрать? Да, Карс падет, но только в том случае, если мы всё тщательно обдумаем, а не просто ринемся в атаку очертя голову.

– Корис. – Рука Джелиты с тонкими длинными пальцами оказалась в лучах света, падающего на боевую рукавицу Ивиана. – Ты недооцениваешь Лоису...

Задев его за живое, она этими словами точно пробудила Кориса, что никак не удавалось сделать Саймону.

– Недооцениваю?

– Вспомни Брайанта и не забывай, что Брайант и Лоиса – одно лицо.

Брайант и Лоиса! Как всегда, она снова права, его жена-колдунья. Конечно, с этого и надо было начинать. Лоиса... Ей пришлось играть роль наемного воина в пору совместного пребывания с Джелитой в Карсе. Она с оружием в руках была среди воинов, освобождавших Сиппар. И нельзя забывать, что Лоиса бежала из Верлена, да при этом еще вызволила из плена Джелиту, хотя сделать это было невероятно трудно, если не невозможно. Нет, Лоиса отнюдь не беспомощная девушка: у нее достаточно и ума, и воли, чтобы выстоять в очередной схватке с силами зла.

– Но по их проклятым законам она принадлежит Ивиану.

Лезвие топора описало сверкающую дугу и разрубило лежащую на столе рукавицу.

– Она принадлежит только себе, Корис, пока не решит иначе. Не знаю, как им удалось заманить Лоису, но очень сомневаюсь, что они сумеют ее удержать. Однако подумай, сенешаль, стоит ли идти напролом? Как только ты ворвешься в Карс, Лоиса немедленно станет орудием против тебя в руках Ивиана. Неужели ты этого хочешь?

Корис повернулся к Джелите и, будучи меньше ее ростом, вскинул голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Его широкие плечи слегка ссутулились, и что-то в его позе напоминало зверя, приготовившегося к прыжку.

– Я не допущу, чтобы она оставалась там! – крикнул он с вызовом.

– И мы не допустим, – согласился Саймон. – Но пойми: ведь они только и ждут, что мы клюнем на эту приманку. Лоису, может быть, только для того и похитили, чтобы мы все угодили в ловушку.

Корис прищурился:

– Так что же ты предлагаешь? Пусть позаботится о себе сама? Да, Лоиса отважна, но она не колдунья. И потом, их много, а она – одна.

На это у Саймона был готов ответ – он успел обдумать план действий до прибытия Кориса в форт, и сейчас рядом с лезвием топора он разложил на столе пергаментную карту.

– Простой набег на Карс немыслим, для этого пришлось бы собрать все наше войско и пойти войной на Карстен. Не лучше ли проникнуть в город небольшим отрядом, да еще по приглашению Ивиана?

– С помощью перевоплощения? – сразу понял Корис, и ожесточенные нотки в его голосе пропали.

– Скорей всего. А действовать мы начнем вот отсюда...

Операция, которую предлагал Саймон, была рискованной. Он давно вынашивал ее идею, но до сих пор помалкивал, понимая, что найдется немало доводов против его плана. Теперь же, когда обстоятельства требовали немедленных действий, можно было и рискнуть.

Корис внимательно изучал карту.

– Но при чем здесь Верлен? – взглянул он на Саймона.

– Верлен нужен Ивиану, он давно мечтает о нем. Отчасти это и послужило причиной его женитьбы на Лоисе. Богатства Верлена манят герцога неспроста, подумай сам: Ивиану служат в основном наемники, а им надо платить. Кроме того, крепость удобно расположена и может служить отличной базой для морских набегов на нас. Словом, теперь, когда Карстен истощен притеснениями и поборами, Верлен для герцога – спасение. До сих пор Фальк вел себя разумно, не мешая Ивиану, но допустим, в нем заговорили отцовские чувства, и он надумал...

– ...сделать вид, что хочет обменять Верлен на Лоису? Чтобы на самом деле не потерять своих сокровищ? Верно я понимаю?

– Мы должны сделать так, чтобы Ивиан поверил, будто может завладеть Верленом вообще без всяких усилий.

Саймон начал подробно излагать детали операции, а Корис, слушая его, перестал хмуриться и внимательно вникать в план, выискивая в нем слабые места. Но пока он не перебивал Саймона, который приводил все новые сведения, добытые как его разведчиками, так и сокольниками, и, объединяя их, пытался нарисовать общую картину предстоящих действий.

– Корабль, который мы посадим на рифы, выманит из крепости почти всех людей Фалька. В замке останется только охрана. К тому же без присмотра будут все потайные ходы, о которых лорд Верлена ничего не знает, об этом еще Лоиса говорила. А Джелита расскажет, как найти вход снаружи, и, таким образом, наш отряд проникнет в самое сердце Верлена. А уж потом разберемся и с теми, кто отправится на скалы за добычей.

– Но это займет много времени. К тому же где уверенность, что шторм случится именно в выбранный нами день?

Хоть Корис и возражал, но Саймон чувствовал, что сенешаль примет его план, а значит, опрометчивого вторжения на территорию врага можно не опасаться, по крайней мере пока голова Кориса будет занята Верленом.

– Что касается времени, – Саймон свернул карту, – то за минувшие сутки мы кое-что сделали. Я послал сообщение сокольникам, и они, должно быть, уже рассредоточились в горах близ Верлена. Разведчики из отрядов защитников границы отлично знают каждый уголок в тех местах и найдут самые короткие тропы. Сулькарские моряки в гавани Сиппара готовят к плаванию одно из заброшенных суденышек: ставят новые паруса и загружают трюм камнями,

чтобы казалось, будто идет обычное торговое судно с грузом. А на флагшток подымут торговый флаг Алисона. Вот только шторм...

– Шторм!.. – рассмеялась Джелита. – Саймон, неужели ты забыл, что ветер и волны – наши слуги? Я позабочусь и о том и о другом, когда придет час.

– Но ведь... – Корис взглянул на нее вопросительно.

– Ты думаешь, мне это не под силу, Корис? Как бы не так! – В ее голосе звенела радость. – Мне бы только вернуть мой камень, и тогда уж не сомневайся! И потому, Саймон, пока ты расставляешь сети для Фалька, я поспешу в Эс за тем, что снова должно принадлежать мне.

Он согласно кивнул, но в душе появилась смутная боль. Ему казалось, что ради него Джелита рассталась с камнем без сожаления. А теперь выясняется, что едва она почувствовала зов Силы, едва поняла, что не утратила своего Дара, – и вот она уже вновь далека от него, вновь она не Джелита – его жена, но колдунья, непостижимая женщина, пристальный взгляд которой всех удерживает на расстоянии. Саймон ужаснулся при мысли, что колдовство опять встанет между ними глухой стеной. Усилием воли он остановил эти тягостные раздумья и сосредоточился на подготовке операции в Верлене.

Все участники операции были уже оповещены о ее начале, но не с помощью сигнальных огней на холмах, которые могли насторожить карстенских согладатаев, а с помощью колдуний или верховых нарочных. Отряды, патрулирующие предгорье, были малочисленны – всего по пять – десять человек – и держались пока разрозненно, вплоть до решающего приказа.

Корис вел переговоры с Эннером Осбериком, чьи торговые корабли стояли в порту Эса после того, как от Сулькара ничего не осталось. Попытки использовать Горм в качестве базы оказались безуспешными: люди не хотели оставаться на проклятом острове с его Сиппаром – городом мертвецов. Цитадель Сиппара колдуньи окружили невидимым барьером, дабы никто не мог использовать со злым умыслом достижения чужой цивилизации. Отец Эннера Осберика погиб в Сулькаре, и сын питал беспредельную ненависть к кольдерам и им подобным. Молодой Осберик прекрасно знал море, и пусть он не мог управлять штормами, подобно колдуньям, но умел устоять в любой шторм, а его люди всегда были готовы сразиться с врагом. Опасность его, как всех молодых и смелых людей, только воодушевляла, и он согласился принять участие в операции.

Осуществление замысла уже началось, и оставалось только согласовать время атаки. Саймон занял наблюдательную позицию, распластавшись на вершине скалы. День был пасмурный, но он хорошо видел башни Верлена через трубку с линзами из прозрачного кварца – своего рода бинокль. Осмотрев стены крепости, Саймон начал разглядывать риф, тот самый, что приносил добычу обитателям крепости, – он торчал из воды, как клык. Именно на этот каменный клык Эннер должен посадить корабль-приманку, чтобы выманить из Верлена подданных Фалька.

Хмурое небо и сырой воздух предвещали шторм, но им-то была нужна управляемая буря, чтобы в нужное время она сработала на них. Саймон продолжал рассматривать берег, но его голова была занята другим.

Джелита уехала к Владычицам, уехала в Эс, ликующая, счастливая оттого, что не утратила своих колдовских способностей. С тех пор он не слышал о ней ничего.

Не было между ними и той мысленной связи, на которую Саймон уповал как на знак прочности их союза. Он готов был уже поверить, что недели, прожитые в Южном форте, оказались лишь сладким сном и что не было исполнения желаний, не было того мига, когда, казалось, они слились воедино и ему открылся мир по ту сторону собственного «я».

И снова Саймон похолодел от страха, подумав о том, что вот уже и растет между ними стена отчуждения. Нет, надо гнать прочь от себя все эти мысли, иначе он, подобно Корису, забудет обо всем на свете, сорвется с боевого поста и бросится на поиски любимой.

Времени оставалось мало. «Этой ночью необходимо навязать бой», – думал Саймон, убирая в карман на поясе наблюдательную трубку. Джелита перед отъездом подробно описала ему подземные ходы, и прошлой ночью он, Ингвальд и Дарстен спустились в пещеру, откуда они начинались. Там их взорам предстал древний алтарь, воздвигнутый богам, память о которых давно исчезла, как и прах тех, кто поклонялся им. Все испытали в подземелье какое-то странное возбуждение, от которого перехватывало дыхание, а Саймон даже вынужден был напрячь волю, чтобы унять дрожь в теле. Похоже, не только к услугам колдуний прибегали люди, которые много веков тому назад жили в этом мире, если до сих пор в его подземных тайниках противоборствовали эти странные и, как чувствовал Саймон, могучие силы.

Спрыгнув со скалы, он направился к расселине, где притаились трое разведчиков и один сокольник.

– Никаких известий?

«Глупый вопрос», – подумал Саймон. Он бы и сам в тот же миг узнал о ее прибытии, будь она здесь. Однако один из разведчиков, увидев командира, вскочил на ноги:

– Есть сообщение от сенешаля, капитан. Эннер Осберик снарядил корабль и готов сняться с якоря, но не знает, долго ли продержится ветер.

Ветер... нет, над стихиями Саймон не властен, это уж точно. И если Джелита не появится, им так или иначе придется начать боевые действия, подвергнув себя опасностям, которые несет настоящий шторм.

Послышался резкий птичий крик, и черно-белый сокол Ункара, снизившись кругами, сел на запястье хозяина.

– Сенешаль возвращается, – сказал сокольник.

Для Саймона по-прежнему оставалось загадкой это общение человека с птицей, но он давно убедился, что сведения сокольников всегда точны, а уж то, что разведка с помощью соколов стократ быстрее любой другой, и говорить нечего. Корис возвращался с патрулирования, и Саймон понимал, что сенешаль настроен выступить немедленно и что на этот раз придется ему уступить. Но где же Джелита?

Движения Кориса, как всегда, были собранны и экономны, и Саймон до сих пор поражался этому, глядя на его неуклюжее тело. Огромный топор Вольта был скрыт под походным плащом, но на голове сенешаля сверкал шлем с соколом, и уж кто-кто, а Саймон знал, что это значит: Корис готов ринуться в бой.

– Этой ночью мы выступаем! Эннер говорит, что ветер пока благоприятный, а что будет дальше – неизвестно. – Он помолчал и чуть смущенно добавил: – С севера никаких известий.

– Что ж, так тому и быть! Вальдис! Оповести всех: как только стемнеет – мы выступаем.

Юноша исчез среди камней со скоростью пущенной стрелы. Из-под открытого забрала сверкнули глаза Ункара.

– Похоже, будет дождь. Тем лучше для нас. Итак, Хранитель Границы, наш час – сумерки... – С соколом на запястье он последовал за Вальдисом, чтобы собрать своих людей.

Заката в этот вечер никто не видел – тяжелые тучи расстилались до горизонта. Усилилось волнение на море. Вот-вот должен был появиться Осберик на своем корабле-приманке.

У мародеров было три наблюдательных пункта: два на самом рифе и один на центральной башне крепости; в плохую погоду на всех этих точках стояли наблюдатели. Тех, что на рифе, можно было не опасаться, но с башни просматривались подступы к замку, и Саймона это беспокоило, хотя он отдал приказ, чтобы использовались все мало-мальские укрытия на этом пространстве. Надеялся он и на то, что атакующих прикроет дождь.

Но штормовой ветер опередил дождь, медлить было нельзя. И только сумерки скрывали людей Саймона, когда они цепочкой пересекали пустошь, отделявшую их от входа в подземелье. Пока все шло благополучно. Неожиданно во мраке пещеры что-то вспыхнуло, и Саймон услышал удивленный возглас Кориса: светилось лезвие топора Вольта. А Саймон вновь почув-

ствовал, как от ветхого алтаря исходит мощный поток энергии, но он не мог определить ее природы, и от этого ему было не по себе.

– Благословляющий свет! – рассмеялся Корис. – Спасибо тебе, Вольт, за такую милость!

– Не задерживайся! – потребовал Саймон. – Ты не знаешь, какие силы можешь пробудить этим светом.

Начало потайного хода они нашли быстро. У Саймона по спине бегали мурашки, волосы на голове шевелились, хотя на нем был шлем, – так все вокруг было наэлектризовано. Каменные стены, покрытые слизью, тускло отражали свет походных фонарей. С каждым шагом во влажном воздухе подземелья усиливался запах гнили. Каменные плиты под ногами вздрагивали от глухих ударов бушующего внизу моря.

Наконец они вышли к лестнице, ступени которой были крест-накрест иссечены серебристыми бороздами, словно какие-то гигантские слизняки веками прокладывали здесь свои дорожки. Поднимаясь, Саймон считал ступеньки, как научила его Желита, и подумал о том, что дорого бы сейчас дал, чтобы она или Лоиса оказалась рядом, поскольку все-таки опасался заблудиться в этом лабиринте.

Они должны были выйти в ту комнату, что когда-то принадлежала Лоисе, а затем – рассеяться по замку и попытаться захватить Фальку врасплох, пока его мародеры тешатся ожиданием добычи у моря.

Казалось, этим ступеням никогда не будет конца, и действительно, лестница еще уходила вверх, во мглу, когда он прервал счет, остановившись перед дверью, запертой на простую щеколду со стороны лестницы. Саймон сбил задвижку и без особого усилия открыл дверь.

В покоех было темно, они не погасили походных фонарей, когда вошли, и в их свете увидели завешенное пологом ложе, рядом с ним сундук и еще один – под окном, за которым гудел штормовой ветер.

– Сигнал!

Саймон мог этого и не говорить, так как один из гвардейцев уже вскочил на стоявший под окном сундук и несколько раз взмахнул походным фонарем, подавая условный сигнал Эннеру Осберику. Если тот был на месте, то, конечно, принял его, и сейчас, возможно, обрубили якоря... Оставалось только ждать, когда известие о приближении судна подымет на ноги весь гарнизон Верлена.

Это тягостное ожидание, это бездействие всем было не по душе. Две небольшие группы, одна во главе с Ингвальдом, другая – с Ункармом, осмотрели ближайшие помещения. Командир сокольников сообщил, что они обнаружили по соседству еще одну пустую спальню, которую в крайнем случае можно использовать как запасной путь к отступлению.

Время тянулось нестерпимо медленно. Саймон перебирал в уме все возможные причины провала их операции. Фалька могли предупредить о вторжении, у него тоже хватает разведчиков. Оставалось надеяться лишь на то, что, как уверяла Лоиса, о потайных ходах здесь по-прежнему никто ничего не знает.

– О-о-о!.. Наконец-то! – вырвался у кого-то вздох облегчения, немедленно заглушенный громкими криками, раздавшимися у них над головами.

– Началось! – Корис стиснул плечо Саймона и рванулся к двери. – Сигнал о кораблекрушении! Сейчас крысы повывлезают из своих нор!..

Темная ночь

Терпение, главное – терпение... Терпению Лоиса научилась давно, и сейчас пришло время воспользоваться им как оружием против страха, который сковал ее, словно холод, и не давал дышать. Терпение и благоразумие – вот все, что осталось в ее распоряжении.

В комнате, где девушку наконец оставили одну, было тихо. Она знала, что нет смысла вставать с кресла и пытаться открыть окно или дверь. Полог над ложем был снят. «Чтобы не покончила с собой», – подумала она. Нет, до этого еще не дошло, только не это. Лоиса улыбнулась, но улыбка получилась очень грустной.

Она чувствовала себя разбитой, комната плыла и раскачивалась перед глазами, и это не позволяло Лоисе собраться с мыслями. Есть не хотелось, мучила тошнота, начавшаяся еще на корабле. Интересно, сколько времени она не ела?

Лоиса стала по-детски загибать пальцы, подсчитывая дни. Три, четыре... пять дней?

Вновь и вновь в памяти навязчиво появлялось лицо какой-то черноволосой женщины, пришедшей к ней еще в Эсе ранним утром, якобы поведать какую-то историю. Что это за история?

Лоиса пыталась как можно отчетливее припомнить встречу. И страх, душивший ее, стал сильнее, когда она поняла, что провал в памяти не имеет ничего общего с недомоганием и нервным потрясением, – ее память была насильственно блокирована. Ту женщину звали... Бертора! Лоиса внутренне возликовала, когда ей удалось все же вспомнить имя. Эта Бертора увезла ее из Эса, сославшись на какую-то весть. Что за весть и от кого? И почему Лоисе необходимо было держать в тайне от всех свой отъезд? Всплывали обрывочные воспоминания о дороге в лесу и о буре; о том, как они прятались под скалой, а над ними неистовствовали в ночи дождь и ветер. Еще вспоминался сбегавший к морю луг, на котором они ждали кого-то.

Почему она была так спокойна, находясь там с Берторой? Почему у нее не было ни тревоги, ни дурных предчувствий? Может быть, она находилась под влиянием чьих-то чар, слепо подчиняясь чужой воле? Но нет, в это не верилось – в Эсткарпе у нее не было врагов. Собирая воедино осколки воспоминаний, Лоиса наконец поняла, что Бертора слишком торопилась, слишком осторожничала в пути и вообще вела себя так, словно убегала от врагов по чужой земле. Неужели в Карстене тоже есть колдуны?

Лоиса прижала пальцы к вискам. Если предположить, что в Карстене есть колдуны, значит она просто ничего не знает о своей родине. Но нет же, их не может там быть после того, как потомки Древней расы были объявлены вне закона и на протяжении многих лет их изгоняли из страны или убивали на месте. И все-таки Лоиса была уверена, что находилась под воздействием чар, что колдовская сила помимо ее воли привела ее в ту бухту, где стоял корабль.

И там было еще что-то... что-то связанное с Берторой. Прикусив костяшки пальцев, Лоиса, преодолевая очередной приступ тошноты, напрягла память и наконец увидела отчетливую картину.

Бертора... какие-то люди... женщина что-то кричит им. Лоиса не смогла вспомнить слов, но, как наяву, слышала голос – сначала умоляющий, потом в нем появилось отчаяние. Один из приплывших на корабле спокойно подошел и хладнокровно вонзил клинок в грудь Берторы, та упала, мертвой хваткой вцепившись в рукоять оружия, – владелец так и не смог вернуть его себе. Затем какой-то другой человек склонился над убитой и начал неловко обшаривать ее блузу, что-то извлек оттуда и зажал в кулаке...

Итак, Лоиса оказалась в Карстене благодаря Берторе, которая поплатилась за это жизнью. Но как, с помощью кого или чего этой женщине удалось выманить Лоису из Эса?

Впрочем, сейчас это не самое важное. Хуже всего то, что она находится в Карстене, в замке Ивиана. И если даже друзья в Эсткарпе узнали, где она, им, чтобы вызволить ее отсюда, потребовалось бы целое войско, выставить которое сейчас Эсткарп не может. Лоисе доводилось бывать на военных советах, она знала, в сколь сложном положении находилась древняя страна, и понимала, что если будет предпринят поход на Карстен, это ослабит оборону Эсткарпа, чем немедленно воспользуется Ализон, чтобы нанести удар с севера.

Когда-то в Верлене Лоисе уже пришлось в одиночку противостоять Фальку, и она смогла вырваться из ненавистных стен, где у нее не было ни единой близкой души. И вот она снова оказалась одна против могущественного врага. «Скорее бы прошла эта тошнота, скорее бы перестала кружиться голова, мне надо все хорошенько обдумать», – твердила про себя Лоиса. Но пока любое движение приводило к тому, что пол уходил из-под ног, словно она до сих пор находилась на палубе корабля.

Внезапно открылась дверь, и резкий свет лампы ослепил Лоису. Она на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, обнаружила перед собой трех женщин: одна держала лампу, другая – поднос с тарелками, накрытый салфеткой, а третья выжидающе стояла в стороне, и Лоиса пока не видела ее лица, поскольку голову и плечи вошедшей скрывала накидка.

Поставив на стол поднос и лампу, служанки удалились, закрыв за собой дверь, и только после этого оставшаяся женщина подошла к столу и сбросила с себя покрывало.

Она была выше Лоисы и выглядела столь привлекательно, что девушка не посмела даже сравнивать себя с вошедшей. Золотистые волосы женщины, уложенные в замысловатую прическу, стягивала сеточка, унизанная драгоценными камнями. Драгоценности сверкали и на ее шее, и на поясе, и на всех пальцах рук, а тонкие запястья были украшены браслетами. Казалось, что она нарочно достала все содержимое своих шкатулок, чтобы поразить пышностью и великолепием. И, только встретив спокойный взгляд женщины, Лоиса поняла, что весь этот блеск – маскарад.

Рука, отягощенная драгоценными камнями, потянулась к лампе, взяла ее и подняла повыше, а потом Лоиса увидела глаза, внимательно изучающие ее лицо, но не смутилась и не опустила головы. Конечно, ей было далеко до этой красавицы – она это прекрасно понимала, да и не собиралась соперничать с этой женщиной. Лоиса уже не сомневалась, что перед ней – Альдис, великолепная Альдис, отличающаяся не только красотой, но и умом, ведь всем известно, сколь велика ее роль в мрачных играх двора Ивиана.

– А в тебе скрыто гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, – нарушила молчание Альдис. – Зачем же прятать свои достоинства, госпожа герцогиня?

Все еще держа лампу в руке, Альдис грациозно присела в реверансе, эффектно взметнув юбку.

– Кушать подано, госпожа герцогиня, прошу к столу. Уверена, что ты проголодалась за долгую дорогу.

Она поставила лампу на стол и с преувеличенной услужливостью придвинула к нему кресло.

– Ах, я же еще не представилась! Меня зовут Альдис, и мне выпала честь приветствовать тебя в твоём городе Карсе, который заждался своей герцогини. Не соизволишь ли пообедать, госпожа?

– Разве Карс – не твой город? – с наивностью ребенка спросила Лоиса. Она еще не знала точно, какую роль ей лучше всего играть, и решила пока прикинуться дурочкой, надеясь, что Альдис на это клюнет и быстрее раскроет свои карты.

Красавица расплылась в улыбке:

– Все это лживые сплетни! Согласись, когда при дворе нет настоящей госпожи, кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы все шло должным образом... Надеюсь, ты не сочтешь нужным что-либо менять здесь?

Что это – угроза или предупреждение? Во всяком случае, сказано это было самым небрежным тоном. И все же Лоиса не сомневалась, что Альдис не намерена отказываться от своей власти в пользу новоявленной госпожи, на которой герцог и женился-то исключительно из практических соображений.

– Известие о твоей смерти крайне огорчило господина герцога, – продолжала Альдис. – Он так ждал встречи с супругой, а вместо этого ему пришлось выслушать рассказ об открытом окне башни, о каких-то лоскутах платья внизу на скалах и о бушующем под окном море. Можно подумать, что морские волны были для тебя желаннее объятий герцога... Эти печальные мысли преследовали его по ночам. Зато как же он обрадовался, когда до него дошла весть о том, что наследница Верлена жива и всего лишь была околдована этими ведьмами с севера, которые похитили ее и держали как заложницу. Но теперь все снова хорошо, не правда ли? Теперь ты в Карсе, воины которого способны защитить свою госпожу от любых врагов! Так что поешь, милая герцогиня, а потом отдохни. Недалек тот час, когда тебе придется предстать во всей своей красе перед супругом и покорить его. – В насмешке проскользнула явная грубость – кошка выпустила когти.

Альдис сняла с подноса салфетку, запах пищи отозвался резью в пустом желудке Лоисы, и опять подступила тошнота, но девушка пересилила себя, решив все-таки поесть, – она понимала, что сейчас не время вести себя вызывающе.

Она провела рукой по глазам, как ребенок, уставший плакать, и с трудом поднялась, придерживаясь за стойку полога. Покачиваясь, она кое-как доковыляла до кресла и почти упала в него.

– Бедная крошка, тебе, видно, крепко досталось, – заметила Альдис, но не двинулась с места, чтобы помочь, и Лоиса была искренне благодарна ей за это.

Она испытывала такую слабость, что пришлось взять бокал обеими руками, лишь бы любовница Ивиана не заметила, как они дрожат.

Впрочем, сейчас и это не имело особого значения. Важнее было набраться сил и прояснить рассудок. Очевидно, что Альдис пожаловала сюда неспроста, но пока Лоиса не понимала цели ее визита.

По телу разошлось приятное тепло и словно разогнало страхи, одолевавшие ее. Лоиса поставила бокал на стол, придвинула к себе тарелку с супом и принялась за еду, пьянея от аромата пищи. У герцога были отличные повара. Наслаждаясь вкусной едой, Лоиса как будто на время забыла, где она находится.

– Поросенок в красном вине, – проворковала вдруг Альдис. – Деликатес, госпожа, который ты часто будешь видеть на столе, так как герцог обожает это блюдо.

Лоиса снова поднесла к губам бокал:

– Отменное вино! – Она старалась, чтобы ее голос звучал весело и непринужденно. – Похоже, господин герцог – тонкий ценитель напитков. А я, признаться, думала, ему больше по вкусу то, что пьют в кабаках: ведь свое первое войско он набрал, кажется, благодаря бочкам с таким питьем?

Альдис одарила ее лучезарной улыбкой:

– Господина герцога не смущают намеки на его... как бы это сказать... сумбурное прошлое. Кто бы что ни говорил, одно неизменно: он завоевал Карстен силой своего оружия.

– И с помощью наемных воинов, – добавила Лоиса.

– При поддержке своих сторонников, – поправила ее Альдис, – чем, кстати, он гордится и часто об этом рассказывает, когда есть кому слушать.

– Тот, кто карабкается вверх, должен помнить о том, что он оставляет внизу. – Лоиса отломил кусочек хрустящего хлеба.

– Тот, кто достиг высоты, всегда позаботится о том, чтобы внизу был полный порядок, – усмехнулась Альдис, – ибо знает, что нельзя полагаться на судьбу: она капризна.

– А мудрость сильнее меча, – ответила Лоиса поговоркой горцев.

Поев, она почувствовала себя лучше и смогла наконец собраться с мыслями. «Этот Ивиан отнюдь не тупой солдафон, – думала она. – Ведь стал же он хозяином Карстена. Значит, ему хватает не только силы, но и ума. А уж Альдис... Будь начеку, Лоиса, ступай осторожно, чтобы веточка под ногой не хрустнула».

– Наш досточтимый герцог весьма талантлив – и во владении мечом, и в управлении страной, и в делах любовных. К тому же – не уродлив...

Лоиса вздрогнула и на миг окаменела, но сразу взяла себя в руки, надеясь, что Альдис ничего не заметила. Увы, возлюбленная герцога оказалась весьма наблюдательной особой.

– Ходят слухи, что на севере замышляются великие дела и будто бы во главе всего этого стоит какой-то незаконнорожденный урод, размахивающий ворованным топором, – с ехидцей вымолвила она.

– Неужели? – Лоиса зевнула. – У слухов длинные ноги. Ну что ж, я поела, можно мне теперь отдохнуть?

– Госпожа герцогиня, ты говоришь так, будто считаешь себя пленницей, тогда как ты – первая дама в Карстене!..

– Буду иметь это в виду. Но все же, как бы ни была отрадна эта мысль, мне необходимо поспать. Всего доброго, леди Альдис.

Еще одна улыбка на прощание, легкий смешок, и любовница герцога вышла из покоев, а затем Лоиса услышала скрежет ключа в замке – именно этого она и ожидала. Какой бы могущественной повелительницей Карса, по словам Альдис, она ни была, во всяком случае этой ночью она всего лишь пленница в комнате, ключи от которой в чужих руках.

Лоиса внимательно огляделась. Ложе было устроено, как принято в состоятельных домах, на возвышении в две ступени. Лоиса подошла к одному окну, открыла внутренние ставни и увидела железную решетку, в ячейки которой можно было просунуть лишь палец. Ко второму окну ей и подходить не захотелось – зачем? И так все ясно. У дальней стены стоял сундук с одеждой, на которую она только равнодушно взглянула и отошла. Страшная усталость валила Лоису с ног, хотелось побыстрее вытянуться на постели, но она собрала последние силы и придвинула к двери стол, надеясь хотя бы отдохнуть спокойно, – ведь теперь никто не сможет войти бесшумно и застать ее врасплох.

Сон почему-то не приходил, и Лоиса лежала, разглядывая резную раму, на которую навешивался полог. Она не пригасила лампу, и самые дальние углы комнаты были освещены, но все-таки ее томило мучительное беспокойство – когда-то с ней уже происходило нечто подобное... Да... это было там, в подземелье, возле покосившегося алтаря давно забытого народа. Именно там Лоиса ощущала такую же сильную тревогу, как сейчас. На миг ей показалось, что над ней вновь нависли своды пещеры, и она почувствовала всей кожей сырость, исходящую от мрачных стен. Колдовство! Стоит однажды столкнуться с ним, и уж в другой раз определишь безошибочно – это оно. Но такого беспокойства Лоиса еще никогда не испытывала. В конце концов, ей неизвестны все тайны Эсткарпа. Ведь было время, когда они с Желитой провели много дней в этом же Карсе, собирая сведения, необходимые Эсткарпу. Кто-нибудь с севера мог находиться здесь и сейчас.

От досады Лоиса скомкала руками покрывало. Ах, если бы ей хоть толику колдовской Силы! Если бы ее зов слышали друзья! Она напрягала всю свою волю и безмолвно, неистово зывала – не столько о помощи, сколько о поддержке, о дружеском участии; ей бы только знать,

что она не одинока! Когда-то она была совсем одна, но вот появились Джелита и Саймон, высокий чужестранец, к которому она сразу прониклась доверием. И Корис... Ей вспомнились насмешки Альдис, и кровь прилила к лицу – так ненавистна была ей эта женщина. Незаконнорожденный урод... Неправда! И хотя в нем действительно смешалась кровь торков, людей приземистых и могучих, с кровью благородного семейства лордов Горма, он никакой не урод! Корис стал ей дороже всех на свете с того самого дня, когда она впервые увидела его, пришедшего вместе с Саймоном на зов Джелиты.

Зов Джелиты... Но нет, Лоиса не колдунья, она так не сможет, ее никто не услышит! И все же она продолжала взывать к друзьям, поскольку, ощутив соприкосновение с колдовской Силой, не сомневалась более, что находится под ее воздействием. У нее мурашки пошли по коже, она вся насторожилась и чего-то ждала.

Не понимая, зачем она это делает, Лоиса соскользнула с ложа и направилась к двери, чтобы отодвинуть стол, словно чья-то сила руководила ею.

Она вернулась к постели и уставилась на дверь. Вскоре щелкнул замок, и тяжелая дверная ручка медленно повернулась. Опять Альдис!.. Лоиса перевела дыхание и пристально посмотрела вошедшей в лицо – такое же красивое, спокойное, и все же... что-то не то...

Что-то неуловимо изменилось в лице Альдис, но Лоиса еще не могла понять что. Та же насмешливая улыбка на капризно изогнутых губах, тот же ум в глазах, но Лоиса всем своим существом чувствовала – перед ней не та Альдис, с которой она рассталась совсем недавно.

– Ты боишься? – спросила Альдис, и вроде бы это был ее голос, но в то же время – не ее. – Пожалуй, тебе есть чего бояться, госпожа. Герцог не любит, когда ему противятся, а ты не раз уже обошлась с ним неучтиво. Конечно, он хочет, чтобы ты на самом деле стала его женой, иначе ему не осуществить своих замыслов. Только я не думаю, что ты будешь в восторге от его ухаживаний, и не думаю также, что найдешь в нем нежного возлюбленного, готового во всем угодить тебе. А поскольку в какой-то степени ты мешаешь мне, я решила предоставить в твое распоряжение вот это...

Сверкнув в воздухе, на ложе упал кинжал, правда не чета тем, что Лоисе доводилось носить на поясе, но все же оружие.

– Жало для пчелки. – Альдис перешла на шепот, и Лоиса едва различала слова. – Хотела бы я знать, как ты воспользуешься им, наследница Верлена!

Альдис внезапно пропала. Лоиса смотрела на тяжелую дверь, недоумевая, как можно было выйти так быстро. Альдис словно растворилась, как будто она являлась чем-то бесплотным, чем-то нереальным, как... как наваждение.

Наваждение!.. Оружие и защита колдуньи! Да, в самом деле, была ли это Альдис? Или к ней приходила сейчас какая-нибудь колдунья Эсткарпа, которая только таким образом могла помочь ей, пленнице Ивиана? Однако не следует предаваться призрачным надеждам.

Лоиса обернулась, чтобы взглянуть на постель и убедиться, что никакого кинжала нет, но он лежал там по-прежнему. Она взяла его и, погладив лезвие, прижала рукоятью к груди. Итак, она должна им воспользоваться – только вот для кого оружие предназначено? Кому должно принести смерть – Ивиану или ей самой? По-видимому, для Альдис или для ее двойника, принесшего кинжал, особой разницы в этом нет.

4

Фальк и... Фальк!

Саймон стоял на лестнице и прислушивался. Снизу доносились звуки битвы: в главном зале крепости гвардейцы Эсткарпа теснили противника, раздавались боевые крики сулькарцев.

Но Саймон старался расслышать какие-нибудь звуки сверху – он был уверен, что там прячется Фальк. Загнанный в угол, лорд Верлена находился все же в более выгодном положении, чем любой, кто осмелился бы преследовать его.

Так и есть, он там! Но что это за звуки? Скрежет металла по камню... Какой еще сюрприз приготовил Фальк преследователям? Что бы он там ни задумал, его необходимо взять в плен, чтобы осуществить то, ради чего они здесь.

Саймон крался по лестнице, прижимаясь плечом к стене. До сих пор события разворачивались так, как они и рассчитывали. Едва корабль Осберика сел на риф, открылись береговые ворота крепости и люди Фалька ринулись на берег моря. Тем временем воины Эсткарпа захватили большую часть замка, успев сделать это прежде, чем подданные Фалька обнаружили их присутствие.

Но легкой победы не получилось: грабители Верлена стояли насмерть, они сражались, как сражаются люди, которым некуда отступать. В главном зале крепости завязался отчаянный бой. Саймон в какой-то момент внезапным мощным ударом был выброшен из толпы сражавшихся и только поэтому увидел, как из зала убегает высокий человек без шлема, рыжая шевелюра которого не оставляла сомнений в том, что это – владыка Верлена. Однако, в отличие от Фалька из легенд, дошедших до Саймона, этот боров даже не пытался собрать своих людей и повести их в бой. Напротив, он бежал, бросив воинов, как последний трус. Саймон, недолго думая, пустился вдогонку...

Снова послышался скрежет металла о камень. Быть может, там готовится к бою какое-то новое оружие, пострашнее меча и топора?.. Оттуда, где стоял Саймон, была видна только верхняя площадка лестницы, на которую падал неяркий свет.

Свет мигнул, и у Саймона сбилось дыхание – он подумал, что светильник погаснет совсем... Но тот не погас, а начал пульсировать, будто периодически лишался питающей его энергии. Саймон сделал шаг-другой... Если он будет продолжать подъем, то выйдет на открытую площадку, где в случае чего и укрыться-то невозможно.

Опять тусклая вспышка, еще одна – он поймал себя на том, что ведет им счет. Каждая из них – порция идущей откуда-то энергии. Для Саймона оставались загадкой эти шары-светильники. Он знал, что их можно регулировать при помощи подвижных пластин, расположенных на стене под каждым светильником, но, поскольку сами шары никогда не заменялись, пожалуй, никто в Эсткарпе не мог бы даже объяснить, как они работают. Светильники были установлены в стенах крепостей много веков назад, и секрет их устройства неведом живущему ныне поколению.

Шар опять мигнул, Саймон рывком переметнулся через площадку и прижался спиной к стене, держа самострел наготове. Осталось преодолеть семь-восемь ступеней, чтобы оказаться в коридоре. Однако, взбежав по лестнице, Саймон натолкнулся на баррикаду, спешно сооруженную из мебели. Неужели Фальк затаился где-то поблизости, готовый сразить первого, кто попыбует преодолеть эту преграду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.